

ISSN 0131-7377

СЕМЬЯ И ШКОЛА

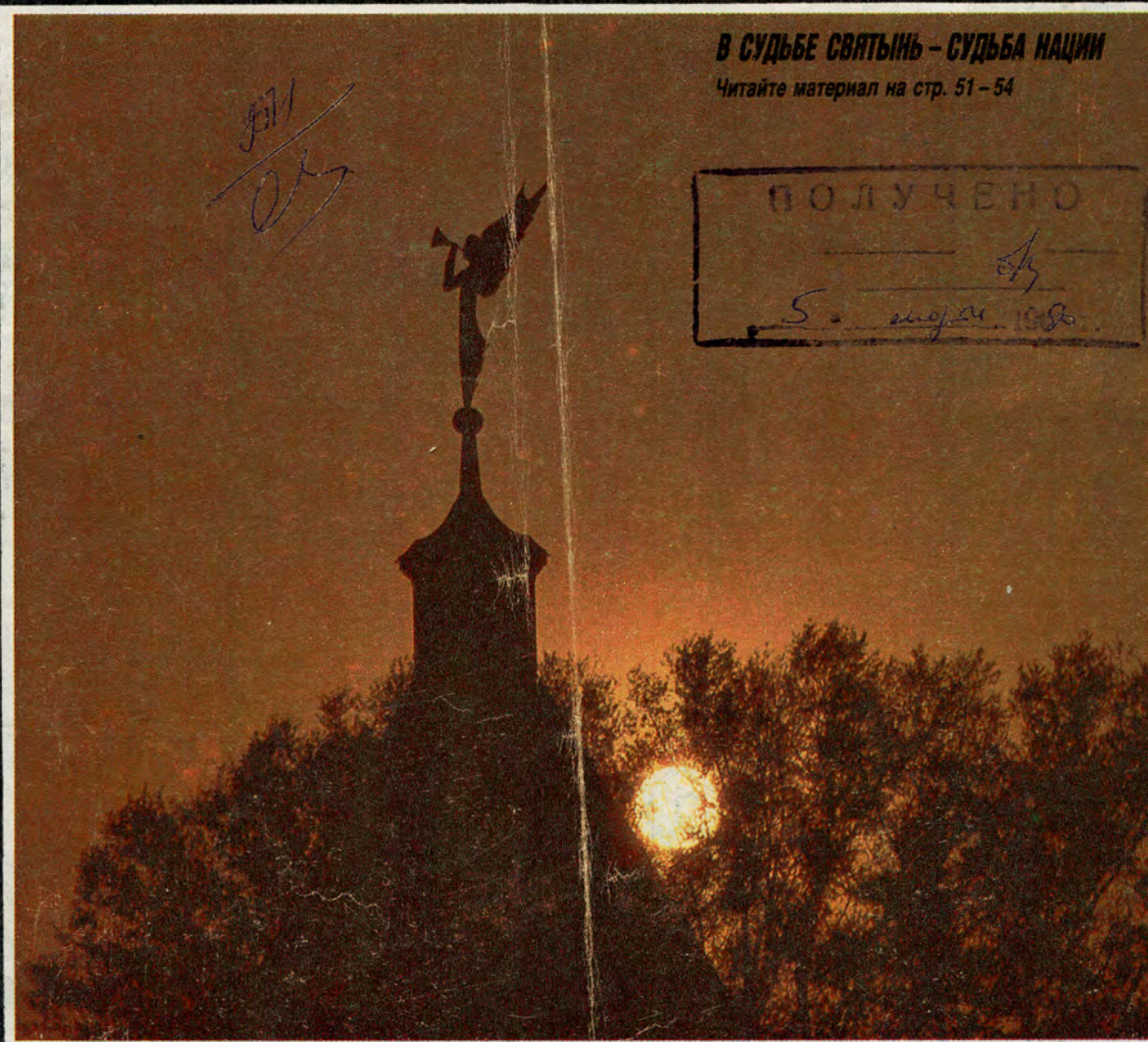
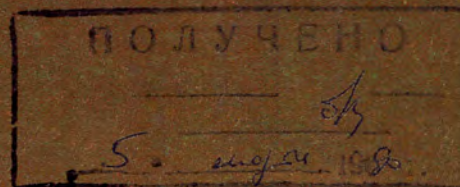
ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

МК

В СУДЬБЕ СВЯТЫНЬ – СУДЬБА НАЦИИ

Читайте материал на стр. 51–54

*571
05*

1990
2

№ 2 • ФЕВРАЛЬ • 1990

Ежемесячный журнал
для родителей

Издаётся с мая 1946 года

В НОМЕРЕ:

Главный редактор

В. Ф. СМЕРНОВ

Редакционная коллегия:

М. В. АНТРОПОВА,
Т. М. АФАНАСЬЕВА,
И. В. ДУБРОВИНА,
Ю. И. ЕРМОЛАЕВ,
И. Д. ЗВЕРЕВ,
В. А. КАРАКОВСКИЙ,
Г. А. КОВАЛЕВ,
Р. А. КУРБАТОВА,
В. Л. ЛЕВИ,
О. Н. МАМОНТОВА
(зам. главного редактора),
Ф. М. МОРОЗОВ,
В. А. ПОЛЯКОВ,
В. А. РЫБАКОВ
(редактор отдела психологии),
Г. Н. СЕРДЮКОВСКАЯ,
Л. Н. ТИМОФЕЕВА,
В. И. ЧЕРЕДНИЧЕНКО,
Б. Т. ШУМИЛИН

Редакторы отделов:

Н. АВТАМОНОВА (семейного воспитания),
С. ВОЛЬШОНОК (писем),
Л. ОСИПОВА (эстетического воспитания),
С. ПАРСАДАНЯН (семейного быта и досуга),
С. СИВОКОНЬ (литературы и критики),
Е. СМОЛКО (школ)

Редакторы:

Г. БЕЛИКОВА,
Т. БУКАШКИНА,
Ж. БЫКОВА,
Зав. редакцией
Т. ПЕТРОВСКАЯ

Художественный редактор
В. МУСИЕНКО

Технический редактор
С. ПРОСТОВА

Макет и оформление

художника Ю. Афонина

На первой странице

обложки фото Е. Стецко

Адрес редакции:
129278, Москва,
улица Павла Корчагина, 7
Телефоны редакции:
283-86-14, 283-80-09

ДЕТИ В БЕДЕ	1	Г. Беликова. За резиновой стеной
ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС	3	С. Капутикян: «Как будет жить моя маленькая тезка?»
ОБЩЕСТВО И СЕМЬЯ	6	О. Волохова. Убегаю в... замужество
ПОЧТА «СЕМЬИ И ШКОЛЫ»	8	
АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА	14	Л. Тархова. Чего ты боишься?
КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ	17	В. Франюк. Розочка для отца
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПИСЬМАМИ	20	Л. Коваленко, Н. Коваленко. Семейная жизнь в стиле «heavy metal»
ЗЕМЛЯ — НАШ ДОМ	24	А. Букин. Такая долгая дорога...
СОБЕСЕДНИК	26	А. Мудрик. Любость! Любость? Любость...
	29	Л. Куклин. «Секса у нас нет?!» А. Толстых. «Караул — секс!»?..
РЕБЕНОК И ВЗРОСЛЫЙ	33	Г. Цукерман, В. Слободчиков. Мы, взрослые, и остальные люди
АЗБУКА ОБЩЕНИЯ	37	Ю. Гиппенрейтер. «Я буду очень беспокоиться»
МАТЕРИНСКАЯ ШКОЛА	39	В. Чимаров. Мать и дитя
ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ	41	М. Романушко. Наши зимы и лета, вёсны и осени
ДНЕВНИК ЧИТАТЕЛЯ	45	В. Рыбаков. Свеча на ветру. К 100-летию со дня рождения Б. Пастернака
КНИГИ	48	
ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	51	В. Десятников. «Зажегши свечу...»
ФИЗКУЛЬТУРА КАЖДОМУ — КАЖДЫЙ ДЕНЬ	55	А. Гурфинкель. Пока лежит снег
СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ	57	
ДОМАШНИЙ МУЗЕЙ	64	В. Алексеев. О картине Казимира Малевича «Мальчик (Ванька)»
ДЛЯ МАЛЫШЕЙ		

Сдано в набор 7.12.89.

Подписано в печать 2.01.90. А03700

Формат 84×108¹/₁₆. Бумага «Котлас». Печать глубокая. Усл. печ. л. 7,14. Усл. кр.-отт. 12,6. Уч.-изд. л. 12,39.

Тираж 3071000 экз.

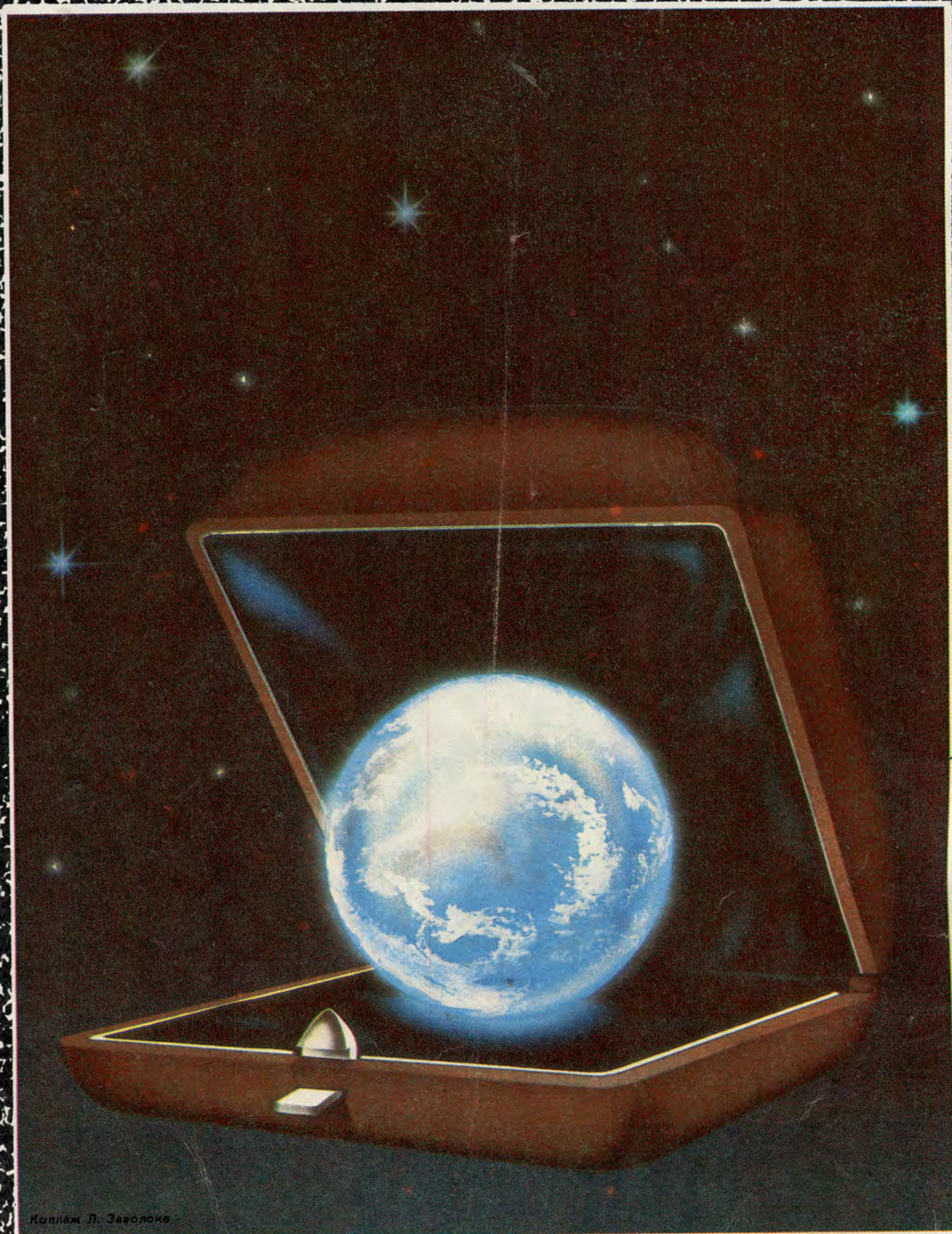
Заказ 2905. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Государственного комитета СССР по печати, 142300, г. Чехов Московской области

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по печати
107847, Москва, Лефортовский пер., 8.

Уроки экологии
Фото Е. Кондакова

Коплаж Л. Заволона

Галина БЕЛИКОВА

За резиновой стеной

Черновцы: год спустя

Больше года прошло с момента вспышки «черновицкой болезни»: под таким названием узнала страна о массовых случаях облысения детей в этом небольшом (триста тысяч населения) украинском городе.

«Город без детского смеха» — под таким, в частности, заголовком нашла отражение в прессе апреля — октября 1988 года черновицкая трагедия.

А почему город был «без детского смеха»? Потому что родители срочно эвакуировали своих детей: поезда в Черновцах брали с бою, детей засовывали в окна, передавали знакомым, а то и полужаным людям — лишь бы подальше от напасти...

Сто шестьдесят пять детей облысели тогда полностью. Многочисленные комиссии, побывавшие в Черновцах, выдвинули «таллиевую версию»: причина болезни — в отравлении таллием. Действительно, повышенное содержание таллия было обнаружено в анализах пяти (из ста двадцати трех обследованных) детей... После митингов и забастовок в городе власти выполнили требование родителей, не доверяющих отечественным специалистам, и пригласили голландских экспертов. Независимые врачи Б. Сангстер и Г. де Гроот, представляющие Всемирную организацию здравоохранения, начисто отвергли «таллиевую» версию. «Таллий здесь

ни при чем», — на множестве конференций ответственно заявили знаменитые практики-токсикологи. «На первое место», — высказал свое мнение доктор Сангстер, — я поставил бы биологическую версию — вирус, а вообще тут много загадок». Из-за неполноты предоставленных проб и отсутствия свежих случаев заболевания независимые эксперты затруднились дать окончательное заключение. В своем интервью газете «Известия» голландцы так оценили состояние заболевших ребятишек: «Волосы у всех уже выросли, чувствуют они себя неплохо. И мы надеемся, что в будущем у них все будет в порядке...» («Известия», № 118, 28 апреля 1989 г.). «Чужую беду руками разведу» — так можно оценить благодушные надежды голландских экспертов.

Сегодня в Черновцах тоже маловато детского смеха: я не видела на улице смеющихся детей. Зато в центре города я видела людей, распродающих всё, что можно продать, весь свой скерб: это те, кто решил любым способом уехать из «химического рая». Куда? «Говорят, Австралия выделила зону для нас с големьянами... для экологических беженцев...» — смотрят они невидящими глазами. Не исключено, что завтра они пополнят толпу у американского посольства. Потому что дети в Черновцах продолжают болеть.

Совсем не «все благополучно» и у переболевших детей: у некоторых из них бо-

лезнь возобновилась в тех же грубых, видимых формах. «В тот раз как началось? Один пошел в ванную, помылся, — и в ванне волосы, волосы клоками... — Домника Головач, мать четырех переболевших детей, хватает четырехлетнего Романа, заставляет его наклонить голову: — Посмотрите, так он же у меня и сейчас лысеет!» Еле-еле, усилием воли, она сдерживает (пока что) истерический крик. На головке у малыша — отчетливые, блестящие проплешины. «Я же им горло перерву за своих детей!» — страшно воет в пустоту Домника Головач.

У всех ее детей увеличена печень, болят ножки, живот, они быстро устают, капризничают... За несколько дней до нашей встречи по черновицкому радио семью Головач назвали как пример полного и благополучного выздоровления детей.

— И у нас диагноз снят, — плачет в гостиничном номере Елена Тимофейчук. — Волосы у моего ребенка выросли, это правда... Но ведь до болезни он был здоровый мальчик: занимался балетом, спортом! А сейчас у него диагнозы — церебральный паралич, псевдопаралич Брока, астенический синдром, бог знает что еще — каждый врач ставит что-то свое, — а ребенок вялый, слабый, малоподвижный, почти не прибавляет в весе, не растет, — и всё это не связывают с «химической» болезнью!

Нарушения со стороны внутренних органов, проявляющиеся практически у всех

переболевших в яркой форме (облысевших наголо) детей расцениваются сейчас как локальные, самостоятельные болезненные проявления — кому-то их списывают за счет эндокринолога, кому-то за счет «плохой наследственности» или «нечистых рук» — таков первый аспект того, что творится ныне в Черновцах. Детям, недомогающим именно после перенесенной ими загадочной болезни, ставят сейчас различные диагнозы, направляют к различным специалистам — «винтики» в белых халатах, похоже, делают сейчас все, чтобы затемнить, смазать общую картину состояния здоровья переболевших ребятшек.

Аспект второй — дети в Черновцах продолжают лысеть. Облысение это не тотальное, а локальное; волосы выпадают не со всей головы, а с отдельных ее участков, образуя отчетливые, блестящие плешины, — и такие видоизменившиеся формы проявления таинственного заболевания дают возможность медикам считать его не этим, таинственным, заболеванием, а каким-нибудь другим, безобидным — заурядной алопецией, которая будто бы была всегда, просто сейчас на нее стали обращать больше внимания. Имеющиеся случаи алопеции, утверждают медики, находятся в пределах естественной нормы: она не выше и не ниже, чем в других регионах страны. Случаев облысения детей сейчас уже более шестисот, не выяснено количество в городе также локально облысевших взрослых — ими заполнен кожно-венерологический диспансер. Лысеют домашние животные — котята, кролики.

«Почему резко участились случаи очаговой алопеции?» — добивается у медиков ответа встревоженная общественность. А медики отбиваются: потому, что вы на ней акцентируете внимание! И разобравшись в этом споре не просто: достоверных сравнительных данных нет, статистика за прошлые годы, заявляющая «люди в белых халатах», заведомо неполная: мало кого тогда тревожили проплешины, мало кто обращался за помощью. «А вообще, — ответственно информировал меня заведующий Черновицким экологическим центром В. Гайдычук, — случаев алопеции у нас не больше, чем в Москве!»

Может быть, это и так. Хотя простейшее сравнение рисует все-таки совсем другую картину. Игорь Нестерук, доцент Черновицкого госуниверситета, по собственному почину занимающийся изучением неведомой болезни, привел меня в областной Дом ребенка. Из восьмидесяти находящихся там детей облысевших — полностью и очагово — двенадцать. О последних случаях облысения, кстати, руководство Дома ребенка никуда и никому не сообщало: «Нам команды сообщать не было!» — сказала тамшний врач З. Н. Макеева. Так что маленьких Инну Юрковскую, Сашу Москалюка и Артура Кнаппа, бросающихся в глаза даже при самом беглом осмотре здоровенными, блестящими — типичными — проплешинами, можно смело добавлять к списку «учтенных» шестисот детей.

А что в Москве? Врач аналогичного Дома ребенка, но уже московского, М. А. Рязанцева, об алопеции слышала и относится к ней без особого страха: да, говорит она, были у нас случаи оча-

гового облысения разного происхождения, помню. А сейчас? Нет, покачала головой врач, сейчас ни единого похожего случая нет, все детки здоровы. Сто здоровых деток — и восьмая часть деток больных; можно ли тут делать какие-то выводы? Нет, пожалуй. Выводов делать нельзя. Можно выразить только свое, дилетанта, недоумение. И высказать мнение, что, на собственный — дилетанта — взгляд, что-то тут не то... Не в том, естественно, как утверждают черновицкие медики, нормальном порядке. А для выводов нужны полнокровные медицинские исследования. Нужно тотальное, поголовное исследование всех черновицких детей — потому что выборочные анализы крови детей не лысевших показали те же изменения, что и у болеющих в резко выраженной форме. Потому что у детей, сохранивших свои шевелюры, резко возросли заболевания органов пищеварения, центральной нервной системы и так далее. Потому что активные родители, не удовлетворившиеся диагнозом приезжавших в Черновцы высокотирулованных комиссий Минздрава СССР и УССР — «здоров, функциональных нарушений не выявлено», везут своих детей, используя неформальные контакты и связи, в Ленинград, в Таллинн, в другие города — и возвращаются в Черновцы с целым букетом диагностированных заболеваний, вселяя еще большую, смертельную тревогу в души горожан.

Вывод, строго говоря, может быть только один: установление источника загадочной болезни. И лишь когда источник будет установлен, можно будет говорить о том, самостоятельны ли отдельные заболевания — теперешние расстройства здоровья детей, — или все та же, но модифицировавшаяся, вялотекущая, загадочная и страшная «черновицкая болезнь».

Я не случайно пишу «страшная»: страх — превалирующее состояние взрослых жителей Черновца. Не проходящий, спонтанный испуг, — а уже закоренелый, привычный, постоянно давящий страх за будущее детей: неизвестно, чем, какой гадостью они болели, неизвестно, как болезнь скажется на их здоровье, к каким последствиям приведет.

Неизвестно, добавлю уже от себя, в какие города и регионы перекинется болезнь: в Черновцах я встречала людей, в том числе и военного врача-токсиколога, нерушимо уверенных в инфекционной природе болезни. Трудно ее доказать — сторонников у этой теории немного, но трудно доказать и что-либо обратное при тумане неизвестности...

А официальная точка зрения? «Таллий!» — выволоч опровергнутую версию из небытия заместитель министра здравоохранения СССР А. Баранов, поздней осенью посетивший Черновцы. Подтверждений «талливой» версии, начисто отрицаемой иностранцами и более или менее ответственными отечественными специалистами, А. Баранов не привел. Потому что их нет.

Позтому вторая, после страха, составляющая настроений взрослого населения Черновца — это неверие. Неверие в отечественные правящие структуры, неверие в отечественных специалистов, поскольку они в эти структуры интегрированы. Этот на-

строенческий феномен подробно описан в опубликованной «Московскими новостями» статье «Интоксикация» (Почему в Черновцах верят только иностранцам? — «МН», № 37, 10 сентября 1989 г.) — и останавливаться на нем, уже описанном, вроде бы не стоило, да никак его не обойдешь. Единственная надежда, которая еще сохранилась у жителей — родителей и не родителей — города Черновца — это упование на иностранную помощь. Собственно, к этому сводится все их многочисленные обращения в адрес М. С. Горбачева, Верховного Совета СССР, народных депутатов, а также во всевозможные международные организации: предоставить возможность изучить «черновицкий феномен» независимым специалистам, любым путем — будь то приезд иностранцев на место трагедии, будь то исследование в зарубежных клиниках...

В Черновцах произошло то же, что в Чернобыле, — заявляет народный депутат СССР, профессор Черновицкого госуниверситета Леонид Сандулак. — Повторились настоячивые попытки властей скрыть от народа правду, некомпетентность, неспособность к организационной распорядительности. То, что творится в Черновцах, — преступление!

Правду нам не говорят и не скажут! — уверены члены родительской комиссии. Их обращения за десятками тысяч подписей, требования всестороннего медицинского исследования проблемы остаются безответными. «Ощущение резиновой стены, — говорит Г. Хоменко, — бьешься в нее, бьешься, вроде бы поддалась, но резиновая же, распрямляется».

А как живет в зоне катаклизма детям?

Детям там живет плохо. Бред, зоогаллюцинации, которыми сопровождалась болезнь — малыши кричали от ужаса, бились, «видя» гадюк, выползающих из вентиляционных люков, гигантских собак, мышей, — оставили глубокие травмы психики. Многие ребята после болезни стали бояться темноты, отказываться проходить через темный коридор, оставаться одни в комнате. Многие запуганы, придавлены случившимся. «Вы их не разговаривайте, — часто предупреждали меня мамы, — с ними уже корреспонденты беседовали — молчат!» Но угнетенное состояние, неконтактность общительных прежде ребятшек — тоже своеобразный ответ.

А рыженький, снова кудрявый Кирилл Пинаев вовсе болезни не испугался. «Мама боялась, — гордо заявляет он, — а я нет! — И успокаивает маму, напуганную целым букетом его новых болезней: — НЛО прилетит, и нас всех вылетит!»

— Ты в НЛО веришь, Игорек? — интересуюсь я. — Да, верю! Я думаю, мы из-за НЛО заболели... или из-за Чернобыля... А прилетят на НЛО врачи и нас вылетят!

Не знаю, какую мифологию творят себе другие дети. Наверное, тоже творят какую-то... Потому что малыши не в силах ни осознать, ни воспринять преступное равнодушие взрослых, обязанных им помочь... Дети в зоне катаклизма верят в сказки. А во что верить взрослым? Наверное, тоже в своего рода сказку — в иностранного специалиста, который придет и разрушит резиновую стену?..

СИЛЬВА КАПУТИКЯН: КАК БУДЕТ ЖИТЬ МОЯ МАЛЕНЬКАЯ ТЕЗКА?

Фото Н. Кочнев

Не жалуюсь на сердце я,
Пускай щемит, болит сильней,
Чужая радость мне — своя,
Чужая боль — своей больней.
Весь мир бы в сердце я взяла,
Костром горела б на ветру,
Лишь сердцем я всегда жила.
Пускай от сердца и умру...

(Из сборника «Часы ожидания»)

С известной армянской поэтессой, автором многих сборников и публицистических книг, активным деятелем общественной жизни сегодняшней Армении, беседует наш корреспондент Валерий Лебединский.

— Мы живем в сложное время. Действительность заставляет пересматривать очень многие понятия и представления. Что для человека самое важное: семья, вера, работа, воспитание?

— Начну с того, что я... мало верю в воспитание. Хотя для читателей вашего журнала это прозвучит однозвучно.

Тут, видимо, мне придется немного рассказать о себе.

Мои родители происходят из города Вана (Западная Армения, ныне на территории Турции). В 1915 году, во время геноцида, учиненного турецкими властями над армянским народом, они вынуждены были вместе с тысячами беженцев оставить дедовские земли и пешком добраться до Еревана. Но через пятнадцать дней дедушка умер в этом городе от эпидемии тифа, и бабушка со своими четырьмя

дочурками осталась одна. Через два года старшая дочь вышла замуж за молодого учителя Барунака Капутикяна — родом тоже из Вана. Но счастье было коротким. Очень скоро молодая жена стала вдовой (муж ее скончался от холеры), а я, еще не родившись, — сиротой.

Мама не вышла замуж, работала, с молодых лет кормила семью. Жили очень скудно. Двор наш был беженским, то есть бедным, скопищем обездоленных людей. Росла я почти без надзора: мама не успевала ходить в школу даже на родительские собрания. Какое уж тут воспитание! И, несмотря на такую биографию, я, как говорится, вышла в люди.

Так что я больше верю в то, что вложено в человека, в его гены. А воспитание, на мой взгляд, имеет значение вспомогательное, оно может обтесать, дать форму бесформенной глине, но главное — глина.

Конечно, если бы я росла в другой семье, много читала и общалась с высокоразвитыми людьми, которые помогли бы быстрее сформировать мои взгляды, воспитание могло помочь. Но лишь ускорило бы то, что произошло и без него. Ведь очень часто из хорошей семьи выходит плохой человек и наоборот.

Или еще: в одной семье растут совершенно разные дети. Ну, например, мои внуки. Старшей Лиавард — 10 лет, младшей Сирвард — девять. Разница между ними — всего год, а между характерами — тысячелетия... Лиавард — спокойная, прилежная, хорошо учится; Сирвард — огонь, любит фантазировать, шумная, острая; но еле заставляем ее раскрыть учебники, тетрадь...

Не могу удержаться и не рассказать одну забавную историю. Ее, младшую, я удочерила и она носит мои имя и фамилию — Сирвард Капутикян (мое настоящее имя — Сирвард). В школе она в незавидном положении: их классная учительница, весьма строгая, ратующая за социальную справедливость женщина, к «отпрыскам» известных людей относится еще строже, и моя внучка — одна из тех, кто подлежит «усиленному режиму» воспитания. И вот однажды внучка со слезами на глазах обращается ко мне: «Бабушка, пускай, если так, не я, а Лиавард будет Капутикян. Она хорошо учится...» Я от души рассмеялась, сразу угадав истоки ее отчаяния: учительница так часто стыдила ее за то, что не поддается внучке Сильвы Капутикян учиться плохо, быть неаккуратной, что внучка, вместо того чтобы стараться быть достойной «своего положения», решила просто-напросто освободиться от приносящей ей столько хлопот фамилии... Справилась она с «проблемой» весьма своеобразно, не так ли?..

— Но ведь существенное влияние оказывает и окружение...

— Да, в широком смысле слова: среда и время. Вот в годы войны мы жили почти нищенски, но не было того «полного набора» пороков — воровства, тунеядства, детской преступности, коррупции, наркомании, — который потом стал одоле-

вать нас так последовательно и так повально. Другое было время. Оно было насыщено духовностью. У нас была вера в победу, в идеал...

Помню, пришел к нам мой дальний родственник со своим мальчиком поздравить нас с Новым годом. За столом были и другие гости, шум, гам, песни, остроумные рассказы. Вдруг этот шестилетний мальчик поворачивается в сторону отца и шепчет ему на ухо: «Папа, какой гарнитур у них: «Людовик»? «Венеция»? Это было начало семидесятых годов. Папа его, простоя столар, только что стал начальником цеха. И он, и его семья, и почти все вокруг целиком вошли во вкус: приобрести все больше и больше, — квартиру, мебель, машину... Что могла бы сделать школа, воспитание перед таким натиском вещизма, бездуховного времени?..

На днях один из таких отцов — «мещанин во дворянстве» — для своего сына купил привезенный из Америки игрушечный компьютер за... 3.000 рублей. И это в то время, когда вокруг столько бед, ужасы землетрясения, больные и искалеченные дети, бездомные сироты, беженцы из Азербайджана, которые вынуждены были в течение нескольких часов оставить «дедовские» очаги, бросив имущество... Слов нет: такой сыночек, может быть, будет прекрасно знать, как обращаться с компьютером, но едва ли с должным уважением и облагораживающим сочувствием будет относиться к людям, в том числе и к столь «щедрому» по отношению к своему чаду папаше...

— *Отрицая роль воспитания, вы тем не менее для всех почитателей вашей поэзии — через чувство, через музыку и смысл стиха — действуете как хороший учитель.*

— Каждый писатель, художник, композитор — где-то в душе Макаренко. Ибо настоящая литература, культура служат одной и той же высокой цели — сделать человека человеком, растить в нем семена добра, света, чувства красоты.

— *Что вы вкладываете в понятие «перестройка», в какой степени уже сейчас помогает она рождению идеалов нового времени?*

— Я не из тех скептиков, которые говорят, что за четыре года ничего не сделано. Если перестройка, как уже принято говорить, — революция, революционный процесс, то любой революции предшествует теоретическая, интеллектуальная подготовка. Ведь не только бытие определяет сознание, но и сознание влияет на бытие. Великую французскую революцию подготовили «энциклопедисты». И сейчас у нас тоже идет такой же процесс — раскрепощение мысли, умов.

Другое дело, что сразу открылась плотина застоя и накопленная там за десятилетия молчания энергия гнева хлынула в нашу жизнь и с этим многоводным потоком на огромных наших просторах порою трудно справиться. Но, главное, — побеждена философия равнодушия, бациллы индифферентности. Смотрите, какое скопление телезрителей у глупого экрана, показывающего вовсе не голубые картинки, а заседания Съезда народных депутатов, какие очереди у газетных киосков!.. Да, социальную активность, стремление стать хозяином земли и заводов, тягу к достойной жизни — вот что раз-

будили в народе перестройка, гласность, демократизация. И это для такой страны, как наша, немало...

Но, к сожалению, такие же, как за газетками, очереди за колбасой, а кое-где и за хлебом... Слишком велика и всеохватна была разруха страны — социальная, экономическая, экологическая, нравственная — и сейчас обновить все это и продвинуться вперед невероятно трудно. Нужны наши общие усилия, наш собственный труд и старания. Конечно, дело обновления сильно тормозит бюрократический аппарат, крепко хватаясь за командно-бюрократическую систему. Но мы очень любим всю ответственность сваливать на «аппарат», обвинять всех, кроме себя. Конечно, не всякий может работать на перестройку так, как народный депутат Собчак, но выполнить свой долг перед обществом, поддерживать все новое, революционное — могут все.

— *Как вы относитесь к обострению национального вопроса? Как вы оцениваете, с этой точки зрения, события последних месяцев?*

— Я была делегатом XIX партконференции и меня от души радовала принятая резолюция по национальному вопросу, утвержденная затем в «Платформе КПСС». Мне особенно импонирует в этом документе бережное отношение к нациям, к их достоинству и традициям, культуре и языку.

Из всех этих факторов в данном интервью я бы прежде всего хотела остановиться на проблеме национального языка. Видимо, надо быть представителем малочисленного народа, чтобы до конца почувствовать, в каком униженном состоянии был родной язык в республиках, в национальных образованиях, когда на совещаниях или собраниях говорить, выступать на нем считалось если не национализмом, то признаком отсталости, бестактностью; когда вся официальная переписка и делопроизводство велась на русском языке; и поэтому родители, стремясь обеспечить будущее своим детям, избегали их отдавать в национальные школы. И школы эти, и детские сады один за другим закрывались. Так умирал язык народа, превращался в экспонат для этнографического музея. Помните, у К. Ушинского: «Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ». И еще: «Отнимите у народа все — и он все сможет воротить; но отнимите язык, и он никогда уже более не создаст его; новую родину даже может создать народ, но языка — никогда: вымер язык в устах народа, — вымер и народ». Лучше не скажешь.

Вот почему сейчас такой взрыв эмоций в защиту родного языка, желание, наряду с русским языком (отрицать его необходимость нелепо), обеспечить знание родного. Это знание, кроме всенационального значения, играет огромную роль в формировании мироощущения человека.

Мы, армяне, хотя не такие малочисленные, как, скажем, народы Северного Кавказа или Дальнего Востока, а с не меньшей болью наблюдаем за процессом утраты языка. Ведь наш народ в результате геноцида 1915 года рассеян по всему свету. И сейчас на наш язык падает двойная ноша: во-первых, он связывает потомков со своими корнями, культурой, 1600-летней

письменностью. Во-вторых, при отсутствии общей родной земли, становится своего рода «связным» между соплеменниками, разбросанными по всем материкам.

Я часто бываю в Спюрке (армянское зарубежье), выпустила три книги о нем. И через каждую — красной нитью проходит горечь старших при виде сынов и внуков, которые из года в год становятся все больше «глухонемыми» по отношению к родному языку. Не случайно, что в Спюрке мое стихотворение «Слово сыну», заканчивающееся строчками «Если мать свою забудешь, армянской речи не забудь», — уже 40—50 лет на устах детей. И почти в каждом классе армянских школ я встречаюсь с девочками, которых крестили именем автора этих строк. Между тем у нас в Армении долгое время, особенно в годы «ждановских докладов», это стихотворение было запрещено...

И когда я, вернувшись из-за границы, писала мои путевые заметки, очень часто получала письма от армян, проживающих в разных концах Союза, полные жалоб, что у них не только нет армянских школ и клубов, а и кружков по изучению родного языка! А мы, армянские писатели, — звучал упрек в этих письмах, — развезаем по заграницам и пишем о зарубежных армянах, совсем не интересуясь «своими»...

Упрек был вполне справедливым. Но что могли мы сделать, когда порою легче было ездить в Канаду и Америку, чем, скажем, в... Краснодарский край или Нагорный Карабах, где появление писателя из Армении рассматривалось чуть ли не как посягательство на идею «дружбы народов»...

Теперь, слава богу, в «Платформе КПСС» особенно подчеркивается, что надо предоставлять возможность национальным меньшинствам, где бы они ни были, развивать свою культуру, традиции, язык. С удовольствием хочу отметить, что во многих местах страны это уже применяется...

— *Сильва Барунаковна, в нашей беседе вы впервые произнесли слова «Нагорный Карабах». Вы же — активный участник Карабахского движения и у вас есть о чем здесь рассказать.*

— Вы правы. Я сознательно стараюсь не говорить об этом в нашем разговоре. Проблема настолько болезненная для меня и моего народа, что говорить о ней в рамках общей беседы, без углубления в ее историю и суть, — мне не хочется.

К тому же ко всем этим бедам прибавилась еще и варварская блокада, когда тысячи людей — без питания, без бензина; строительные отряды в местах землетрясения прекратили работу... Каждый час меняется обстановка и не знаю, каково будет положение, когда выйдет наша беседа (Материал готовился к печати в ноябре 1989 года — *Ред.*).

Скажу только, что корни конфликта уходят в двадцатые годы, когда была образована НКАО, включенная в состав Азербайджана. Армянское население Нагорного Карабаха, насчитывающее в ту пору 94 процента, а сейчас — 75 процентов, за все это время не примирилось с этой несправедливостью. Но все попытки освободиться от такого положения кончались репрессиями, снятием с работы, усыланием

Фото В. Щеколдина

гнета, вынужденным выездом в другие концы Армении, в Россию, Среднюю Азию...

Поверив в обновляющее начало перестройки, народ Карабаха вновь поднялся на ноги, уверенный, что в этот раз его борьба завершится победой. Увы, победа — далека. Близка безысходность, разочарование... Страшно, когда в человеке ломается вера, еще страшнее, когда она ломается у целого народа...

— Но все-таки надо верить...

— Вы правы, надо. И знаете почему? Потому что не верить еще труднее. Нельзя жить одной ненавистью, злобой, неверием в любовь, в победу человечности, добра.

Время, в которое мы живем сейчас, в конце XX века, — очень сложное, бурлящее. Атом угрожает человеческому существованию, но возрастает осознание экологической катастрофы, растут противоборствующие силы. Все больше людей, которых объединяет новое мышление. Мы чувствовали это в Армении во время землетрясения — этого вселенского несчастья, которое обрушилось на нашу землю. И с-

ли б не солидарность всех людей планеты, мы не могли бы этого перенести.

Я часто бываю в пострадавших от землетрясения местах. Там и сейчас ужасная картина, особенно в разрушенных селах, где люди остались буквально без крова, — а впереди зима... Но когда едешь по этим дорогам, везде видишь таблички: здесь строит Италия; здесь — Норвегия; там — Агропром Нечерноземья; там — Башкирия... Помню табличку: «Краснодар обещает: новый Налбанд будет краше, чем раньше!» Смотришь — и душа обнадеживается...

В Степанаване — городке тоже очень сильно пострадавшем, повреждено и четырехэтажное здание городской больницы. Я посетила больницу, можно сказать, полую, которая построена строителями из ФРГ: привезенные издалека временные домишки, кабинеты, лечебное оборудование. Все врачи, сестрички (санитарки из бывшей больницы) — теперь здесь. Все службы работают. И самое трогательное — родильный дом. Зашла я в этот домик, ви-

дела новорожденных. Они спали, укутанные в одеяла, скорее всего принесенные откуда-то, подаренные кем-то... Рядом была комната, где находились их матери. Увидев меня, роженицы, которые получили в этот день цветы, подаренные им счастливыми отцами, переподарили их мне! Мое, в последние месяцы постоянно тяжелое, настроение на минутку как бы рассеялось.

А одну девочку, которая родилась в этот день, родители решили назвать моим именем. Среди множества девочек, которые носят мое имя, эта — самая дорогая для меня.

Все это радовало меня не только как писателя и армянку, но и в более широком — общечеловеческом аспекте. Радовало, что эту больницу построила ФРГ. Что настало время, когда немцы, принесшие на моей памяти нам столько зла, тоже были полны чувствами добра, дружбы, как все остальные. Очень хочется думать, что настанет новая пора в этом пострадавшем мире и моя маленькая тезка будет жить на более счастливой планете...

В городе, где живет Ирина, допоздна кричат чайки. Больше всего их на набережной, в центре, у самого Кремля.

Здесь Ирина никогда не жила. Старый ее дом стоял за вокзалом — там у них с матерью была крошечная комната в коммуналке, потом получили квартиру и переехали в другой конец города, на юго-запад. Там, куда ни глянешь, коробки и коробки — все одно и то же, поэтому по весне Ирину тянет сюда, на набережную. Посидеть, подумать, послушать чаек.

Этой весной Ирине исполнится двадцать, дочери, Юльке, — три года...

Сколько Ирина себя помнит, она всегда была при ком-то. Сначала при матери, пока той воспитание дочери было в диковинку и не потянуло устраивать личную жизнь; потом при подругах — в школе, в училище. Целых два года Ирина Ковалева была при муже Андрее. А одно время — при отце, вернее, с памятью о нем.

Отца Ира не помнит — он умер, когда ей едва исполнилось три года. Про него она не думала класса до шестого — ну нет и нет, что ж теперь поделаешь, — тем более

ся. Ирина тогда этого не поняла. Она наладилась покупать пеленки и чепчики, ползунки и распашонки, и к тому времени, когда родилась ее собственная дочь Юлька, в бельевом шкафу аккуратной стопкой лежало детское приданое.

Подруг у Ирины нет. Вообще с женщинами она осторожна. Из женских имен больше всего не любит три: Таня, Лиля, Лена. Таня — потому что развела с первой любовью. Лиля — потому что между Ириной и Лилей стоял будущий муж Андрей. А Лена — потому что Андрей в конце концов остался с Леной и, кажется, нашел в том успокоение.

Смушало ли ее то, что до их встречи Андрей был в близких отношениях с Лилей, которая их и познакомила? И да, и нет. «Нет» — потому что Лиля во всеуслышание объявила, что у них с Андреем — «Все!» А «да» — потому что Лиля отвела Ирине незавидную роль: познакомив с Андреем, решила выяснить, тянется ли он к ней

надолго — не доверяла, потому что он мужчина, а мужчинам, с которыми так или иначе сталкивала судьба, — отчимам — доверять не приходилось. В своем дневнике Ирина тогда записала:

«Вот и поженюсь. Черемуха венчала нас, только она и свидетель. Так что, если угодно, можно и по сторонам — черемуха не скажет» (В. П. Астафьев. «Излучина»).

Одно время Ирине казалось, что она себя потеряла. Даже не потому, что по некоторым канонам она не подходила теперь под понятие «девушка». У нее пропала душевная устойчивость. Ей начало казаться, что вся их история для Андрея — очередное увлечение, что он страшный эгоист, а может, это развлечение и для нее самой. Потом стало казаться, что поступок ее дурен не сам по себе, а потому, что не имеет веского обоснования, что ее скоропалительная любовь и не любовь вовсе, а может, даже просто месть Лиле, которая ее затме-

УБЕГАЮ В... ЗАМУЖЕСТВО

Ольга ВОЛОХОВА

что одно время у них проживал дядя Гера, который играл с Ирой в куклы и скакал конем.

Потом дядя Гера как большой любитель горячительного был выворчен, а вместо него объявился дядя Саша.

Чувств положительных Ирина к нему никаких не испытывала, особой неприязни тоже, ну а когда он взялся за ее воспитание — после обеда за всеми посуду помоем, Ирину оставалось грязной, это у него называлось «приучать к чистоте», — то...

Да и прочие дяди Сашины методы воспитания были похожи один на другой и все с частицами «не» — «не трогай!», «не дружи!», «не ходи!»

Тогда Ирине больше всего хотелось, чтобы мать прогнала этого дядю Сашу и не проматывала, а сделала это торжественно, обязательно объявив, что он обидел ее, Ирину, но мать, обычно такая несдержанная, почему-то помалкивала.

И тогда из небытия возник отец, сильный и понимающий. В шкафу, под бельем, Ирина разыскала старые фотографии без дат и без подписей и ученическим почерком вывела на обороте «Папа». На деньги, экзотомленные на школьных завтраках, Ирина купила красивый бархатный альбом, куда сложила свои и папины фотографии...

Ирине очень хотелось иметь братика или сестричку. Пусть даже отцом у них будет дядя Саша. Зато — обидят тебя, уйдешь к себе в угол, и не одна сидишь, а рядом — живая душа.

Братика или сестричку мать пообещала. Но, как потом выяснилось, чтобы отвязать-

самой или нет.

На вечерах в училище, когда Ирина была при Лиле, ей больше всего хотелось быть самой заметной. Чтобы кто-нибудь увидел, какая она стройная и нарядная, какие у нее руки и глаза.

Но все замечали только Лилю. И приглашали только Лилю.

И вот Андрей...

Отношения с Ковалевым развивались стремительно. Когда он пригласил ее к себе, Ирина почувствовала, что между ними что-то произойдет. И произошло.

Хотелось ли Ирине тогда близости? Ведь ей не было и шестнадцати. Себе она объясняет так: во-первых, было интересно. Многие сверстники давно встречались «по-настоящему», у нее же дальше поцелуев дело не шло. Во-вторых, была подходящая обстановка. И, в-третьих, из чувства противоречия. Мать с десяти лет взялась страшить: принесешь в подол — выгоноу из дому. И кроме того — наконец-то выбрали ее, Ирину!

Что чувствовала она тогда? Чувство родства превосходило чувство удовольствия — будто скрепили неписанный договор; какой? — не знали сами.

Ирина понимала — то, что произошло между ними, может называться по-разному. Будет называться любовью, если об этом будут знать только они двое. А может называться и как-нибудь по-другому, некрасиво, если об этом узнают другие и будут затронуты чьи-либо интересы.

Доверяла ли она Андрею? Доверяла, когда он был рядом и она чувствовала, что она нужна ему. Но когда пропадал

вала, а может, вызов обществу, которое избрало своим кумиром Лилю и не заметило ее, Ирину. Да мало ли еще что ей казалось!...

Ира — девочка с воображением и, в отличие от многих своих сверстниц, много читает. Причем авторов, которых в ее окружении, как правило, не читают, — Астафьева, Солоухина, Гончарова... Может показаться смешным, что Ирина пытается построить свою личную жизнь на примере книжных героинь. Но это происходит, видимо, оттого, что она не хочет повторить в своей жизни мать, а другого примера у нее перед глазами нет.

Так вот, наверное, чтобы внутренне оправдать то, что уже случилось, она приспособила к себе Веру, героиню «Обрыва» И. А. Гончарова. Реальная жизнь, неудобная, неуютная, требовательная, отошла на второй план. Появилась другая, где легко можно объяснить все, что происходит с тобой, — надо только соотноситься с тем, что продумано, прочувствовано любимой героиней.

«Я давно подумала: какие бы ни были последствия, их надо не скрыть, а перенести!» — так говорит Вера в романе «Обрыв» и — в дневнике Ирины Ковалевой.

А последствия были такие: просилась на свет Юлька. И Ирина с Андреем официально записались мужем и женой.

...В городе, где живет Ирина Ковалева, в кабинете заведующей городским ЗАГСом я записывала цифры о браках и разводах в городе по годам и кварталам, о первичных и вторичных браках, а из от-
дельной графы узнала о брачных союзах

среди несовершеннолетних. Их количество растет с каждым годом, причем значительно.

И только в гостинице, сидя за письменным столом и подсчитывая процент разводов среди несовершеннолетних супругов, я поняла, что занимаюсь, мягко говоря, ерундой. Ведь это совсем не те браки и не те разводы, которые существуют в действительности. Это, скорее, информация о «незапланированных детях», ведь регистрация каждой пары несовершеннолетних происходит на основе множества справок и заявлений, суть которых — будет ребенок. Поэтому объявить число фактически существующих браков среди несовершеннолетних вряд ли кому удастся. Ведь если, скажем, состоящие в незарегистрированном браке несовершеннолетние придут в ЗАГС без справки, что вот-вот будет ребенок, их попросту отправят домой, к мамам и папам.

А что, к примеру, будет, если завтра повсеместно разрешить регистрацию браков с 16 или 15 лет? Побегут ли все юноши и девушки в срочном порядке официально становиться мужем и женой? Вряд ли. История Иры Ковалевой, одна из тысяч подобных, служит тому доказательством.

Уже была Юлька, и еще был рядом Андрей, когда Ирина переписала в дневнике из «Обрыва» весь диалог Веры и Марка во время их последнего свидания.

«Для семьи созданы они (женщины. — О. В.) прежде всего. Не ангелы, пусть так — но и не звери! Я не волчица, а женщина!»

И далее:

«Долг, — повторила она настойчиво, — за отданные друг другу лучшие годы счастья платить взаимно остальную жизнь...»

— Чем это — воспользуйтесь спросить? Варить суп, ходить друг за другом, сидеть с глазу на глаз, притворяться... когда силы одного еще крепки, жизнь зовет, тянет дальше!.. Так, что ли?

— Да, удержаться, не смотреть туда, куда «тянет». Тогда не надо будет притворяться, а просто воздерживаться, «как от рюмки»... Так я понимаю счастье и так желаю его!»

Если бы Вера с самого начала была слишком благочестивая и правильная, Ирина бы ей не поверила — уж точно! Но тут Вера, сама преступившая черту дозволенного, и вдруг — долг, вера? Иногда Ирине казалось даже, что Вера — это она сама. Она сама все это давно знала и чувствовала, просто Вера сказала за нее!

Правда, Андрей Ковалев в отличие от Марка Волохова — героя И. А. Гончарова — не говорил, что любовь — это «ложь». Он, как раз наоборот, слишком часто напоминал Ирине о своей любви, но Андрей оказался носителем очень скверного человеческого порока — зависти и не противился, если «жизнь зовет, тянет дальше!» — он начал изменять Ирине очень скоро.

Он завидовал тем, у кого есть дача, машина, хорошая квартира, очень красивая жена. А особенно тем, у кого есть деньги.

Денег Андрею всегда не хватало — мать растила его почти без помощи, одна, и даже такая доступная для сверстников забава, как велосипед, была для него предметом мечтаний.

Ладить со сверстниками Андрей не умел, и прокатиться на велосипеде ему удавалось редко. Наверное, тогда она и родилась, эта зависть.

Что знал Андрей Ковалев о семейной жизни до женитьбы?

Первое, что усвоил на примере своих родителей, — женщина должна ждать. Когда его отец бывал в непредвиденных отлучках, подыскивая Андрею новую маму, жена его терпеливо ждала.

И Ирина тоже ждала. Насколько хватило терпения.

Что знала Ирина Ковалева до замужества о семейной жизни? Знала, что мужчина по вечерам должен быть в семье, должен приносить зарплату и выносить мусорное ведро.

По вечерам муж дома не бывал — он спортсмен, у него тренировки. Зарплату в семью тоже не приносил — сначала учился на газозлектросварщика, потом временно не работал, потом опять собрался учиться, а мусорное ведро выносил после третьего напоя.

Кормили молодую семью Ирины родители — ее мать Анна Михайловна и теперешний отчим дядя Жора.

Дядя Жора никогда не отказывался помочь Ирине, но, когда понял, что приходится содержать еще и ее мужа, возмущался.

А возмущается он всегда бурно.

От той первой замужней жизни — с Андреем у Ирины остался страх за Юльку: кто заменит ей отца. Самой ей отца не заменил ни дядя Гера, ни дядя Саша, ни дядя Жора. Юльки же отец в поисках душевного спокойствия (после развода он начал усиленно заниматься китайской гимнастикой, чтобы достичь внутреннего равновесия), кажется, добрался до сияющей вершины: когда его посещает волнение за судьбу Юльки, он начинает себе внушать: «У меня все хорошо! Я спокоен! Абсолютно спокоен!»

...Вместе с алиментами Ирина получает 97 рублей (80 рублей зарплаты плюс 17 алименты). И если учесть, что Ирина часто на больничном, а стаж заработать она пока не успела, то и свои 97 рублей она не видит.

Ирина по специальности повар, имеет разряд. Но выполняет некачественную работу, моет посуду на кухне. У заведующей столовой свой резон: все места поваров заняты. Сначала Ирина все порывалась заявлять о своих ущемленных правах, напоминать, что одна воспитывает дочь. Ей пообещали, что как только освободится место, переведут в повара. Место освободилось и в повара перевели Ирину напарницу, за нее хлопотал муж, за Ирину хлопотать некому... На работу Ирина идет без особой охоты: специалист в роли девочки на побегушках.

Комната у ней с дочкой теперь отдельная. А долгое время жили они с Андреем в одной комнате с парализованной бабушкой.

После развода с Андреем Ирина вступила в брак с Николаем Головиным. Их отношения длились около года и окончились разрывом...

За время второй своей семейной жизни, с Колей Головиным, Ирина не то чтобы

раздружились с Верой из «Обрыва», но ей ближе стала Наташа, которая «любила, ничего не требуя, ничего не желая, приняла друга, как он есть, и никогда не представляла себе, мог ли бы, или должен ли бы он быть иным? Бывает ли иная любовь, или все так любят, как она?» — И. А. Гончаров «Обрыв», выписка из дневника Ирины Ковалевой.

Ирина при своих небогатых доходах умудрялась помогать Коле Головину, когда он сильно нуждался, а нуждался он почти всегда.

Ирина даже мяту с лета заготовила, чтобы зимой чай с мятой заваривать, как Коля любил.

Но мята не понадобилась...

Теперь у Ирины новый друг — Анатолий.

Ах как напрашивается тут приговор о падении нравственности в молодежной среде! Заодно от моралиста может перепасть и автору: мол, о развращенной девице пишет с сочувствием и читателя хочет заставить сочувствовать...

Да, не скрываю: пишу и думаю об Ирине Ковалевой с сочувствием. Даже с симпатией. Мне симпатично в ней то, что все время она пытается, в меру своих сил, осмыслить происходящее в ее жизни. Мне симпатично и ее желание, пусть беспомощное и не очень результативное пока, быть в жизни не лишней. Скажете, замкнула себя в личное?.. Но именно на эту претензию к Ирине и ко всем таким, как она, «скоропелым», есть, как мне кажется, ответ.

Вспомним: когда так катастрофически помолодели браки в нашей стране? — тут мы, действительно, пожалуй, «впереди планеты всей...» В 70-е, в 80-е годы. В те самые годы, когда у людей резко сузилась, фактически исчезла возможность достойной самореализации в социальной сфере. Исчезли иллюзии на этот счет. Осталась личная жизнь... Это касалось всех. Только молодым, надо думать, было труднее; каково, если бьющую через край энергию, присущую возрасту, как пробкой, запереть с двух сторон: запретами со стороны государства и сверхпокой, по сути теми же запретами, в семье. Нет, не случайно они уходили в личную жизнь, как в спасение, как в единственную сферу, оставленную им.

Сколько их, подростков, ставших мужем и женой, папой и мамой в 16—17 лет, а то и в 15 лет? Наверное, многие тысячи, и судьба Ирины Ковалевой еще не из худших. У Ирины есть горячо любимая дочь; по мере того, как подрастала дочка, крепло материнское чувство юной матери, а это созидательнейшее из чувств. К тому же Ирина из тех натур, которые вовлекают события своей жизни в душевную работу, а не плывут по течению — и это также залог ее будущего.

Но есть и другие, захваченные, как Андрей Ковалев, отец Юльки, врасплох ранним супружеством и родительством, не готовые к новым перегрузкам, ни бытовым, ни нравственным.

...Они убегают в замужество, в женитьбу от той жизни, какую создали мы, взрослые, и не только в большом, социальном мире, но и в малом, в родной семье. Убегают из отрочества, перескакивая юность, прямо во взрослую жизнь. В ту самую взрослую, с какой несогласны? От какой бежали?.. Где им, неокрепшим, взять силы, чтобы разомкнуть этот круг?

письма

На демонстрацию со всеми

С болью в душе, каждый раз, когда приближаются наши политические праздники 1 Мая и 7 ноября, я думаю о молодежи. К сожалению, по состоянию здоровья я на демонстрации ходить не могу. А у моих детей — старшеклассников и их товарищей при приближении праздников 1 Мая и 7 ноября одно на уме: где бы собраться да повеселиться. Ни у кого и в мыслях нет пойти вместе на демонстрацию. Разговоры с ними на эту тему ни к чему не приводят.

Конечно, они уже не в том возрасте, когда дети ходят на демонстрации с родителями. Так уж повелось, что взрослые представляют предприятия, организации. А школьной колонны нет. Не отсюда ли берет свое начало желание отделиться от общих дел страны, политическая инфантильность молодежи? С горечью пишу об этом. Ведь демонстрация — это политическое мероприятие, и очень жаль, что школьный комсомол стоит в стороне. Почему в пору взросления ребята не причастны к праздникам страны? Разве старшеклассники не могут представлять свою школу на демонстрации? Ведь ходят же на демонстрацию студенты.

В этот день школа должна стать местом сбора демонстрантов, чтоб каждый, кто захочет, мог встать в строй вместе с товарищами и про-

явить свою солидарность со всей страной.

Политическая идейность, убежденность воспитываются с детства. И надо использовать прекрасную возможность, которую представляют для этого памятные, исторические даты нашей Родины. С уважением

Н. АДРЕЕВА
Волгоград

Про игрушки забыли

Я бабушка первоклассника-шестилетки. В школу мой внук идти не хочет. Спрашиваю: «Почему?» А он в ответ: «Что там интересного?» Все вспоминает детский сад, где было много игрушек. А в школе дети мыкаются неприкаянные. На переменах, вместо того чтобы поиграть с детьми, учитель что-то пишет. Принесли мы в школу все по списку учителя: и грампластинки, и диафильмы. А вот игрушки, оказалось, не требуются. Но мы все-таки принесли. А что толку? Игровая комната вечно закрыта. И площадки игровой во дворе нет.

Да, я согласна, школа не детский сад. Но ведь речь идет о шестилетних ребятишках. Игра для них остается основным видом деятельности. И в игре их можно скорее всему научить. А у нас, как это повелось, особенностью учеников в расчет не принимают. И всех детей стригут под одну гребенку.

Е. КУЗЬЕВА
г. Херсон

Дети не могут ждать

Теперь признали, что длительный перерыв в учебе мешает подготовке молодых специалистов. От службы в рядах Советской Армии освободили студентов, правда, пока дневных вузов.

Но я хочу спросить: «А как же солдаты-отцы?» Ведь длительное их отлучение от

семьи плохо сказывается на детях. В раннем возрасте, когда ребенок все воспринимает впервые, трепетно и радостно познает мир — папы нет рядом. Моего мужа призвали на военную службу осенью 1988 года, сынишке было полтора года. А вернется наш папа, когда сыну будет уже три с половиной года (муж находится в войсках Морфлота). Мальчик растет без отца, пособие в 35 рублей отца не заменит.

В одной песне поется: «Вы служите, а мы подождем». Так вот дети не могут ждать. Я знаю случаи, когда молодые люди, отслужив армию, пренебрегают своими отцовскими обязанностями. И это неудивительно, к ребенку-то отец толком привязаться не успел, а потому себя в этой роли не представляет.

Нельзя ли освободить молодых людей, имеющих маленьких детей, от службы в армии? Ради детей.

А. АНТОНОВА
Чувашская АССР

Ребенок поссорил

Очень давно выписываю журнал, еще до замужества. Казалось, столько прочитано, что сумею избежать ссор в семье.

Я мечтала иметь троих детей, хотя понимала, что дети — это, конечно, трудности, зато и радости сколько. Еще до рождения ребенка рисовали с мужем будущее — все домашние дела делить пополам, в кино, в театр ходить по очереди.

И вот у нас родился Костик. В нашей дружной семье начались ссоры. Очень обижает меня поведение мужа. Как только Костик захнычет ночью, муж берет подушку и уходит спать в соседнюю комнату. Раньше, когда такой возможности не было, всегда ворчал, злился. И меня всегда мучило чувство вины за то, что малыш много плачет.

И так во всем. Я часто слышу: «Почему бы мне не сходить в библиотеку, на стадион, в кино, ведь ты все

равно с сыном будешь». Не подумайте, что я замкнулась на сыне: я предлагаю устраивать семейные праздники, приглашать гостей, испечь пирог, сделать коктейль. Но Саша этого не поддерживает.

Мне всегда казалось, что ребенок объединяет семью. А вот у нас получилось наоборот — сын развёдинил нас с мужем.

Самое удивительное, что Костя для мужа — желанный ребенок и он хочет иметь еще детей. Только при этом не желает ничем поступиться. И считает, что я должна одна нести все тяготы и спокойно относиться к тому, что он уезжает на базу отдыха, убегает от детского крика. Считается, он работает, устает. И должен отвлечься, восстановить силы. А я в этом не нуждаюсь, так как сижу дома с ребенком. Может быть, действительно, муж прав? И я не должна все так трагически воспринимать?

Л. КРИВЦОВА
г. Краснодар

Без угроз!

Порой приходится сталкиваться с тем, как в школе пренебрегают законами развития личности. Мой десятилетний сын смастерил старшей сестре ко дню рождения колечко. Он вообще у нас мастер «золотые руки». Отшлифовал простую проволоку — и получилась симпатичная безделушка. Подарил сестре. Она была тронута, решила с колечком не расставаться. А в школе учителя стали девочку буквально терроризировать: «Сними да сними!» В ход сразу пошли угрозы — не пустим на уроки, вызовем на педсовет. Дочка озлобилась. Сын, в знак солидарности, сделал еще одно колечко и специально надевает его в школу...

Из-за чего же сыр-бор? Я сомневаюсь, чтобы копейное колечко на пальце мешало девочке усваивать объяснение учителя, как вносили мне в школе. А вот организованное гонение, действительно, вызвало у дочери неприязнь к школе. Дети взбунтовались против насилия и диктата и выразили свой протест.

Зачем действовать с позиции силы? Где же педагогический подход, уважение к личности ученика? И еще. Учеников отталкивает цель, которой добиваются учителя. Серьезное воспитание хорошего вкуса в школе заменили унификацией. Дошло до того, что требуют, чтобы у всех девочек были одинакового цвета колготки. Это же дикость, с которой невозможно согласиться!

Влияние школы должно проявляться иначе. Моя дочь, например, может на вечер надеть шелковую юбку с шерстяным джемпером или клетчатую кофту с полосатой юбкой. И не только она одна такая. Но ведь дети в этом не виноваты. Их никто не учит разбираться в моде. Законы красоты, приметы хорошего вкуса для них за семью печатями. На мой взгляд, именно школа должна решать эти вопросы, отказавшись от муштры и палочной дисциплины.

Н. НАГАРИЯ
г. Димитровград
Ульяновской области

Недетские проблемы

Когда мы с мужем поженились, то решили, что у нас обязательно будет не меньше трех детей. Но вот сейчас нашему первенцу восемь месяцев. И я с грустью думаю о том, что скорее всего он и будет единственным. Дело вовсе не в том, что с детьми много хлопот. Наш малыш — спокойный мальчик, доставляет нам много радости. Дело в другом. С рождением ребенка появляется столько проблем, о которых мы прежде и не подозревали.

Ребенок наш с первого дня жизни находится на искусственном вскармливании. Но на молочную кухню положиться нельзя. Сегодня нет творога, завтра — сливок, послезавтра — биолакта, а кефира вообще не бывает. Да и творог, когда он есть, мало похож на детский. Приходится добавлять то сахар, то варенье — а иначе даже взрослому есть невозможно, не то что ребенку.

Ни разу не видела я в наших магазинах детское мясное пюре. Как оно удобно в употреблении! Приходится по три часа варить говядину, половина — кости и жир. Да еще жили на мясорубке остаются. Мясо нам, конечно, обходится в копейчку. Про детские соки и говорить нечего. За два года их в продаже не встречала. Мне могут сказать, что фруктовое пюре и соки можно делать самим. Да, можно. Яблоки зимой у нас — только на базаре, а цена их 4—6 рублей за килограмм. Молодой семье это не по карману. По телевизору посмотришь, сколько разнообразного детского питания выпускают на Западе, и обидно становится за наших детей.

А одежда, обувь? Зимнее пальто на годовалового мальчика стоит 25 рублей, куртка — 16 рублей. Обувь сейчас, правда, есть, но дубовая, и с ней одно мученье. Почему-то для взрослых делают обувь на «липушках», а для детей оставили шнурки. Сколько слез они вызывают у детей! А как было бы удобно и детям, и родителям, и нянечкам в яслях, если бы все эти сапожки, ботиночки,

туфельки застегивались легким нажатием руки. Да научатся наши дети со временем завязывать эти злосчастные шнурки! Вырастут, пальчики окрепнут — и все само собой получится. Очень долго искали мы кроватку для сына. Спасибо знакомым — выручили. А вот детский стул и столик так и не смогли купить.

А как намучились мы с сыном, когда попали в больницу, (у сынишки был obstructивный бронхит)! Ну, жең свежий воздух, а в палате духота, и в коридор не разрешают выйти. Трудно очень ребенку, который уже ползает, пробыть весь день на руках у мамы или в кроватке. Но игровой комнаты в больнице не предусмотрено. Нас, матерей, в палате было четверо, мы мыли полы, помогали обслуживающему персоналу. И... спали на стульях — заведующая отделением не разрешила даже на ночь поставить раскладушки. Вот и приходилось мучиться, но терпеть. Не оставишь же шестимесячного ребенка в таких условиях! Врачи не устают твердить, что ребенка надо содержать в чистоте. Я согласна, надо. Но как?

С трудом я насобираала где только могла три кусочка детского мыла, чтобы помыть малыша. Ну а чем стирать несколько раз в день? Мыла, что дают по талонам, не хватает. Или взять игрушки. В магазинах продаются, в основном, дорогие мягкие игрушки. А где красивые, яркие, звучные погремушки? Дешевых пирамидок, кубиков не сыщешь днем с огнем. Куда все подевалось?

Конечно, хорошо, что теперь при рождении ребенка матери предоставляют трехгодичный отпуск. Но ведь, согласитесь, при нынешних ценах на одну зарплату семье трудно. Могла бы выручить ссуда. Но почему-то ссуду выделяют только тем, кому нет тридцати. А мы с мужем поженились, когда мне было уже 30 лет, а ему 29. Но ведь мы вступили в брак впервые. Несмотря ни на что, мы не имеем права на ссуду, которая нам бы очень пригодилась.

Когда испытываешь такие трудности, сто раз подумаешь, прежде чем решиться на второго ребенка, не говоря уже о многодетности.

Н. ТРЕТЬЯКОВА
г. Красноярск

Фото А. Бурьбо, Белгород

клуб многодетной семьи

Растить детей — трудно и радостно

Ученые считают: для нормального воспроизводства населения необходимо, чтобы более половины семей из общего числа имели трех и более детей. В наше время, когда жизнь трудная и неустойчивая, на это решаются немногие. Тем значительнее заслуга таких родителей.

Но многодетные семьи не только продлевают род человеческий, они спасают семью. Один из известных ученых, оценивая деятельность многодетных семей, причислил их к героям перестройки. Меняя принятые и укоренившиеся в нашем обществе представления о роли женщины, которая ценилась только как труженица, передовик производства, многодетные родители укрепляют семейный образ жизни, возвращают детям семью, домашний очаг.

Поведать о жизни многодетной семьи лучше, чем она сама, никто не может. Письмо родителей Кушевых открывает «Клуб многодетной семьи» — это новая рубрика отдела писем журнала. Надеемся, что Клуб поможет объединиться единомышленникам, всем, кого непосредственно волнует благополучие семьи с несколькими детьми. И одновременно расширит круг друзей и сторонников многодетных семей.

Всех, кто обратится в Клуб за помощью, мы готовы выслушать и поддержать в трудной ситуации.

Ждем ваших писем о том, чем и как живет современная многодетная семья!

Мы с мужем вместе живем семь лет. Он окончил сельскохозяйственный институт, я — педагогический. У нас четверо сыновей: один год, три, четыре года и шесть лет. Родители отдали нам

свой дом, а живут рядом, в доме бабушки.

Всегда горько слышать обидные слова в адрес многодетной семьи. Кто-то упрекает: «Не хочет работать, вот и нарожала». Кто-то жалеет: «Зачем столько детей, никуда не съездить! Ничего не увидеть!» Кто-то даже завидует: «Везет же! Отдыхаешь, дома сидишь, и дети рядом! Не надо их чуть свет будить, в садик тащить». Спрашивается: «А кто вам мешает? Рожайте! Сидите дома!» Только что-то мало находится таких охотников — некоторые даже не используют отпуск по уходу за ребенком, спешат отдать малыша в ясли и скорее выходят на работу. Я думаю, поступают так потому, что с ребенком труднее. Он требует постоянной отдачи и внимания.

Другой раз хочется и почтять, и телевизор посмотреть, и в кино сходить, и в город съездить. Но какой уж там отдых! Мы с мужем всегда испытываем дефицит времени. Муж получает 210 рублей, плюс мои 35 рублей по уходу за ребенком, еще пособие 4 рубля на четвертого ребенка и 12 рублей на каждого как малообеспеченным детям. На эти доходы четверых детей не прокормишь. У нас есть корова, так что проблем с молоком и мясом не знаем. Да и приусадебный участок выручает. Еще держим коз и овец, чтобы обеспечить себя теплой одеждой. На хозяйство много времени уходит.

Живем мы скромно, по доходам. Дети донанивают вещи друг друга. Благо в селе не так смотрят на одежду, как в городе! Сыновья знают, в чем на улицу пойти, а что надеть в гости, в театр, потому без напоминания переодеваются в домашнюю одежду. Сама я пряду шерсть, вяжу, шью и перешиваю старые вещи. И радуюсь, что сделала обновки своими руками да семейному бюджету помогла. Одежду мальчиков я чию много раз, на них все горит, но мы не ограничиваем ребятишек в движениях. Жалко смотреть на чистеньких, наряженных малышей, которые боятся под страхом наказания лишний раз прыгнуть или пробежаться. Мамы больше заботятся о сохранности одежды, чем о здоровье малышей.

Семья у нас дружная. Обязанности по дому с мужем делим, не споримся. И ребятишек тоже начали понемногу приучать к делам: посмотреть за малышом, принести дров, сходить в магазин, подмести пол, загнать скотину. Стараемся с мужем друг друга подменять, чтобы один из нас мог отдохнуть, сменить обстановку. Но обычно ездим вместе со старшими ребятишками в музей, в театр, в детское кафе, в зоопарк. Тогда оставляем самого маленького бабушке. Очень любим всей семьей ходить в лес, ездить на озеро. Я с детьми занимаюсь английским языком, читаю книги. Муж с ними лепит из пластилина, показывает диафильмы, рассказывает о животных. Всей семьей смотрим телепередачи о зверях и природе, некоторые учебные передачи. Старшему сыну мы много уделяем времени и многому его научили. Теперь он учит младших, сам того не замечая.

Дети растут здоровыми. Стараемся закалять их. Это нам просто необходимо. Иначе, если заболит один, то заболит все. Летом мальчики купаются сколько хотят, катаются на велосипедах, занимаются на открытом воздухе на спортивных снарядах. Зимой по 4—5 часов проводят на улице. В любую погоду бегают босиком в баню. После бани обливаем их холодной водой. Старший за шесть лет болел два раза, а младшие получают уколы только в виде плановых прививок.

На полу у нас всегда лежит матрас, на котором дети кувыркаются и прыгают. К потолку подвешены «груша» и канат. Играют ребятишки в зале. Там стоит большой круглый стол. Мальчики забираются на него, там рисуют, строят теремок из кубиков, чтобы младший брат не достал и не помешал.

Хочу сказать об одной проблеме. У нас нет таких друзей, чтобы можно было вместе встретить праздник, отметить день рождения. Такую ораву никто не хочет приглашать. Это и хлопотно, и шумно, и беспорядок большой. Соседские дети ходят к нам, а наших в дом не пускают, отказывают под разными предлогами. Шума от них много. Моим ребятам обидно,

иногда плачут. Но как маленьким детям объяснишь, что тетя не хочет нарушать свой покой, вдруг что-то они запачкают, сломают.

Мы очень любим своих сыновей, любимся ими. Нам хорошо с мальчиками. Мы счастливы. Я никогда не думала, что у меня будет столько детей. Я у родителей одна и не хочу, чтобы мои дети были одиноки. Это — одна из причин. А другая — пример семьи мужа. У них в семье шестеро детей. Все дружные, заботливые, внимательные, работающие. Я хочу, чтобы мои дети Никита, Тимофей, Иван и Михаил выросли такими же. Ради этого стоит трудиться.

Вера и Валентин
КУШЕВЫ

Кетовский район
Курганской области

Почему подозревают?

Двенадцать лет я получаю ваш журнал, но пишу в первый раз. Слишком наболело, накипело на душе.

У меня восемь детей — пятеро сыновей и три дочери. Воспитываю их одна. С мужем развелась, когда ждала восьмого ребенка, — не в силах была вытянуть его из пьяной трясины. Жалко стало детей. Живется нам теперь спокойнее и легче, относительно легче. Конечно, привлекаю дополнительную работу, хотя и раньше никогда не сидела сложа руки. Я не миллионер, но и не нищая. Хотя, сами понимаете, в помощи, конечно, нуждаюсь. Если при муже с двумя детьми многие говорят, что им тяжело, приходилось материально, то каково нам? Правда, у нас есть льготы! Но хорошо и красиво нам живется на бумаге, а в жизни все по-другому.

Трое детей у меня учатся в одной школе, а дочка — в другой. Так уж получилось: перешла из садика со своей группой в школу. Не хотела я ее с ребятишками разлучать. В первом классе нам отказали в материальной помощи. К отказам я уже привыкла. В другой школе, куда ходят старшие, нас тоже не

баловали: то очередь не подошла, то денег не хватило. И даже по адресу моих детей высказывались: «Зачем этим ученикам помогать? Они одеты лучше других». А какой ценой все мне достается, их не волнует. Я многое терпела, сносила. Но недавно меня так унизили, что вынести это невозможно, потому и взялась за письмо в редакцию.

Позвонила учительница дочери, чтобы заполнить акт для оказания материальной помощи. Мне задавали такие вопросы, будто я выезжаю за границу или поступаю на службу в секретную часть. В акте требовалось указать размер жилой площади, кто из детей где находится, не злоупотребляет ли кто из членов семьи алкоголем. Был даже вопрос, не осужден ли кто-либо из членов семьи или родственников.

Выяснилось, такие анкеты

завели в школе только для многодетных семей. Скажите, когда в конце концов перестанут всех многодетных мерить на один аршин? И считать нас отбросами общества. Мы, как все нормальные люди, воспитываем своих детей. И живем ради тех, кому дали жизнь, кого надо научить уму-разуму и поставить на ноги.

Что знает та же школа о жизни многодетной семьи? Так случилось, что я долго болела, месяцами не выходила из больницы. Семеро несовершеннолетних детей жили дома одни. Но это никого не беспокоило. Учителя даже не поинтересовались, как дети обходятся без взрослых: все ли у них есть, сыты ли? Спасибо соседям, забегали. Но как только я пришла в школу, мне тут же начали перечислять, кто за это время успел нахватать двоек, полу-

чить замечания. Как же! Мать одна воспитывает, отец — пьяница. Ничего хорошего ожидать от таких детей нельзя. А ведь двое детей, пока меня не было, по утрам за меня работали (я же на двух работах, а больничный лист — один) и ни разу школу не пропустили. Хоть мои ребята и не ангелы, могут поссориться, подраться, но — это добрый и отзывчивый народ. У нас дома постоянно живут кошки, собаки, попугаи, хомячки, морские свинки. Всех дети жалуют и никого в обиду не дают. Дети как дети. У них есть свои интересы, свой мир, свои проблемы, что присуще всем детям в их возрасте. Зачем же так унижать многодетную семью? Никому другому таких обидных вопросов не задают. А нас можно втоптать в грязь, обидеть, в плохом заподозрить.

Ну скажите, чем я и мои

дети хуже других? У меня трудовой стаж — четверть века, имею грамоты и благодарности по работе, медаль «Ветеран труда». Да, я одна, без мужа воспитываю детей. Может быть, кому-то, кто привык судить о человеке по анкетным данным, я не внушаю доверия. Как же далеки эти бумажные представления от реального человека!

У меня есть смысл в жизни. Это — дети. Я хочу, чтобы они выросли честными, добрыми и трудолюбивыми. Чтобы поменьше попадалось на их пути всякой нечисти. Чтоб не потеряли они веру в жизнь и людей. До каких же пор школа — педагогическое учреждение — будет связывать с многодетной семьей дурные наклонности?

Нина Ивановна
ЖУКАВИНА
г. Кисловодск

Фото И. Яковлева

наше объявление

Пришлите колготки

В № 8 журнала «Семья и школа» за 1989 год было опубликовано письмо матери Е. Ластовченко. «Как бы сдвинуть «с мертвой точки»?» Она писала о том, что от подросших детей остаются детские вещи: распашонки, ползунки, чепчики, колготки, кофточки и так далее. Девать их некуда и выбрасывать жаль. Одни семьи, как и Е. Ластовченко, не знают, как избавиться от ненужных вещей. Другие читатели в своих письмах подтвердили готовность приобрести поношенные вещи и указали возраст, пол детей. Если бы соединить заинтересованные стороны!..

И, оказалось, именно этим занимается кооператив «Служба знакомств» в г. Боровичи. Его председатель, давний читатель журнала Александр Борисович Владимиров обратился в редакцию с предложением: «Переадресуйте нам письма всех желающих обмениваться вещами. У нас уже создана картотека, мы начали помогать семьям находить друг друга. Деньги с детей и семей, которые хотели бы выслать или получить вещи, за услуги брать не будем».

Все желающие помочь семьям, где нуждаются в детской одежде, и все, кому она нужна, пишите по адресу: 174400, Новгородская область, г. Боровичи, ул. Энгельса, д. 14, кв. 3. Кооператив «Служба знакомств». Не забудьте вложить чистый конверт для переадресовки.

Надеемся, что это предложение заинтересует многодетные семьи.

прошу слова!

Мысли по женскому вопросу

Наше общество лихорадит. И обостренными до предела чувствами и раскаленным от напряжения разумом мы пытаемся найти те спасительные средства, которые помогли бы поправить положение.

Уродливый лик бездуховности, безнравственности, безответственности заглянул в каждый дом. А в некоторых, задержавшись, прижился. Одну из причин кризиса духовной культуры я, как и многие, вижу в системе воспитания, которое, увы, не способствовало воспитанию души, нравственного чувства, моральной ответственности у подрастающих детей.

Кому в нашем обществе заботиться об этом? Замученная мать указывает на детский сад и школу. А те, в свою очередь, обвиняют во всем семью. Получается замкнутый круг.

Попробуем разобраться. Высказываясь «по женскому вопросу», В. И. Ленин главную задачу видел в «борьбе за экономическое и социальное равенство» женщины.

Для этого надо было (и в тех условиях оправданно) «втянуть женщину в производительный труд, вырвать ее из домашнего рабства, освободить ее от подчинения — отупляющего и принижающего вечной и исключительной обстановки кухни, детской...» Но освободить женщину от мелкой непроизводительной работы (домашнего хозяйства) можно, только дав эквивалентную замену. Поэтому программа партии предусматривала: «Не ограничиваясь формальным равноправием женского труда, стремиться освободить их (женщин) от материальных тягот уставшего домашнего хозяйства путем замены его домами-коммунами, общественными столовыми, центральными прачечными и т. д.»

Вовлечение женщин в производство, в советский и хозяйственный аппарат шло под лозунгом: «Чем больше, тем лучше». Чем шире, тем лучше». Женщины стали работать в угольной и химической промышленности, в черной металлургии. А запреты для женщин в этих отраслях, существовавшие ранее, объявлялись пережитками буржуазного сознания.

В 1927 году в народном хозяйстве женщины составляли уже более 30 процентов работающих. В 1987 году на долю женщин приходилось 53 процента работающих. И долгое время мы гордились этими достижениями, объявляя, что Советская власть распространила женщину, покончила с женской отсталостью.

Но смогло ли общественное воспитание заменить ребенку мать, которая с головой ушла в работу? Практика показала: общественные институты с этой задачей не справились. Увы, никакой, даже идеальный детский сад и никакая самая образцовая школа не могут сравниться с горячей, преданной материнской любовью. Именно матери природа предопределила быть ответственной за воспитание человека человеком.

А сегодня можно смело сказать: мы добились не «раскрепощения» женщины, а лишь развития промышленного производства за счет вовлечения в него женщин, за счет использования женских рабочих рук. А, отняв материнские руки от детей, общество практически ничего не дало детям взамен сверх того, что сами же женщины, участвуя в общественном труде, создали.

Дело не в том, чтобы вернуть женщину к домашнему очагу, на кухню. Будем надеяться, что уровень механизации домашнего хозяйства, который чрезвычайно пока низок по сравнению с развитыми государствами, возрастет и в нашей стране. Тогда женщина сможет больше времени отдавать детям.

Сейчас мы создаем материальные предпосылки для сокращения рабочего дня женщин. Принят закон об увеличении отпуска по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста. Но, предоставив женщине возможность больше времени заниматься воспитанием детей,

Фото Б. Прохорова, г. Донецк

мы обязаны уже сейчас подумать о том, на каком уровне будет осуществляться это воспитание. Должны позаботиться о том, как будет использоваться женщиной высвобождающееся время, чтобы ее роль в доме не сводилась лишь к роли «домашней хозяйки» и «няньки», а приобрела более высокий и благородный смысл: вдохновительницы и берегини своих близких. И подготовку к этому надо начинать уже сейчас.

Для осуществления этой задачи мне представляется возможным следующее:

1. Дополнить школьные программы начиная с первого класса вопросами подготовки девочек к роли жены и матери.

2. Создать женские лица с углубленным изучением специфически женских проблем.

А пока, для начала, открыты «Центры женского воспитания», «Школы материнства». Пропанганда необходимых знаний, как я думаю, должна стать важным составным звеном общегосударственной программы «Культура».

М. СЫСКОВА,
г. Минск

что сделано по выступлениям журнала

Где гарантии?

«Я — не дурак» — под таким заголовком в № 7 журнала «Семья и школа» за 1989 год были опубликованы письма матери Р. Хайрнасовой. Приняв первый класс шестилеток в средней школе № 59 г. Сочи, учительница Н. Н. Пиминова буквально через несколько дней после начала учебного года сделала вывод: Егор Хайрнасов к школе не готов. Поскольку мать мальчика воспротивилась такому приговору, Н. Н. Пиминова стала методично и целенаправленно доказывать «неполноценность» ученика. В ход были пущены унижения, гонения, угрозы определить ребенка «в школу для дураков».

Жестокий эксперимент над детской душой закончился только после того, как другая учительница по настоянию матери Р. Хайрнасовой проверила знания Егора. При строгом и объективном подходе заслуженная учительница сделала однозначный вывод: «Мальчик подготовлен хорошо. С удовольствием принимаю его во второй класс».

Несмотря на счастливый конец, редакция сочла необходимым опубликовать эту историю. Ведь все попытки Р. Хайрнасовой в течение года обратить внимание руководителей школы на антипедагогическое поведение Н. Н. Пиминовой оставались без последствий. Этот и другие похожие случаи, судя по письмам читателей, не всегда хорошо заканчиваются, свидетельствуют о полнейшей незащищенности наших детей от произвола учителя.

На публикацию «Я — не дурак» редакция получила два ответа с места событий. Директор СШ № 59 г. Сочи В. В. Самодурова сообщила: «Администрацией школы проделана определенная работа по факту, имевшему место в классе шестилеток учителя Н. Н. Пиминовой. Так, заместитель директора по начальной школе С. В. Лунина освобождена от занимаемой должности, как несправившаяся со своими обязанностями по итогам 1987/88 учебного года».

Работа учителя Н. Н. Пиминовой была взята под особый контроль администрации школы. Это решение было принято не только из-за данного случая. Дело в том, что сложилось так, что Наталья Николаевна создала о себе среди некоторой части родителей, учителей и представителей вышестоящих организаций хорошее мнение. Тем не менее результаты учебной работы и систематические конфликты с некоторыми детьми и их родителями вызывали у меня, как у директора, естественную тревогу. Я неоднократно беседовала с Натальей Николаевной, пыталась выяснить причины такого двойственного о ней мнения. К сожалению, работая директором только второй год, я не считала себя вправе принимать к Наталье Николаевне какие-то более стро-

гие меры. В следующем учебном году был усилен контроль за работой Пиминовой для того, чтобы изучить методы ее работы и иметь полную картину результатов ее деятельности.

Эти результаты доказали, что «не шаталовские» методы обучения Натальи Николаевны никак себя не оправдывают: качество знаний учащихся низкое, уроки несовершенны. К сожалению, учителя убедить в этом не удалось, и она по-прежнему считает себя непревзойденным авторитетом, которому можно не считаться с мнением молодой, неопытной администрации школы.

В новом учебном году учительница в нашей школе уже не работает, она перешла в школу-новостройку. Но переход в новую школу дает еще один штрих к ее портрету: в течение ряда лет Наталья Николаевна работала в технически хорошо оснащенном кабинете, естественно, получая доплату, а уходя, все технические средства привела в нерабочее состояние, попросту «разорила» кабинет. И только совместными усилиями партийного бюро, профсоюзного комитета и администрации школы удалось заставить ее восстановить кабинет.

Для меня, начинающего директора, случившаяся история явилась хорошим уроком в работе и закалкой в борьбе с «неперекаемыми авторитетами» старой школы. К выше сказанному могу добавить, что публикация журнала стала предметом особого разговора педколлектива школы на августовском педсовете. Все члены коллектива осудили поведение учителя в случае с Егором Хайрнасовым».

Начальник Адлерского районного отдела народного образования г. Сочи А. Ф. Скляркова со своей стороны известила редакцию:

«С целью объективной оценки всех фактов, изложенных в публикации «Я — не дурак», были проведены собеседования с работниками детского дошкольного учреждения № 55, с администрацией и педколлективом средней школы № 59. В результате проведенной работы установлено, что факты, изложенные в письме Р. Хайрна-

совой, в основном подтвердились. Однако тов. Р. Хайрнасова допустила ряд искажений: учитель оценки в тетрадях учащихся не выставляла, мальчик на второй год не оставался. Тем не менее это ни в какой мере не оправдывает позицию учителя в течение учебного года».

На педсовете в СШ № 59 прошло обсуждение по данному письму, директор зачитала отклики читателей журнала.

В настоящее время тов. Н. Н. Пиминова работает в средней школе № 28».

Итак, поведение Н. Н. Пиминовой, которая в течение года третировала ученика, наконец-то осудили. Но сама-то Н. Н. Пиминова никаких уроков для себя не извлекла. Директор школы сообщает, что убедить ее ни в чем не удалось. И в своем письме в редакцию Н. Н. Пиминова, абсолютно уверенная в своей правоте, возмущается «необоснованными притязаниями» Р. Хайрнасовой и обвиняет в необъективности учительницу, которая положительно оценила успехи Егора: «Она просто хотела успокоить родительницу». И с таким настроением учительница Н. Н. Пиминова снова пришла работать с детьми.

Где гарантии, что Н. Н. Пиминова или похожая на нее учительница в другом классе, в другой школе не будет испытывать свои антипедагогические методы на детях? К сожалению, судя по спокойному, скорее, безучастному ответу начальника районного отдела народного образования А. Ф. Склярковой, никаких реальных шагов для того, чтобы защитить детей от таких учителей, в Сочи принимать не намерены.

«СЕМЬЯ И ШКОЛА»

№ 2, 1990

Наш адрес:

129278, Москва,

улица Павла Корчагина, 7

Чего ты боишься больше всего? Я спрашиваю об этом семнадцатилетнего мальчишку, который день и ночь готовится к вступительным экзаменам в институт. И почти не сомневаюсь в ответе. Чего может страшиться абитуриент? Ясное дело, провала. А он отвечает:

— Армии.

Этого я никак не ожидала. Разговор наш был уже после того, как Советский Союз вывел свои войска из Афганистана. И, значит, не пуля, не опасность затеряться в душманском плену отравляли жизнь моего собеседника. Хотя, если задуматься, разве так уж неожидан его ответ? Сколько ребят из десяти сказали бы то же самое?

Это страх — сравнительно новое явление в нашей жизни. Когда-то, говорят, призыва в армию ждали с нетерпением и гор-

Лина ТАРХОВА

ЧЕГО ТЫ БОИШЬСЯ?

Фото В. Шекольдина

достью — об этом мы узнаем из рассказов стариков, из фильмов и книг. Еще недавно повести просто побавлялись, как побавляются всякого испытания. Но чувство, с каким нынешние призывники получают повестки, — особое, оно имеет точную временную координату — восьмидесятые годы.

Да, многие парни (разумеется, не все, в первую очередь это относится к городским ребятам) армии сегодня страшатся. Конечно, причина и в том, что гласность открыла нам, штатским людям, нечто новое и неожиданное в жизни этого государства в государстве, сменила взгляд идеализм-романтизм на более трезвый и реальный. Мы с удивлением и разочарованием узнаем все новые подробности армейской жизни — дедовщину, жестокость. Не так давно стала известной леденящая душу история молоденького солдата караула, перевозившего подсудимых. Не выдержав издевательств своих же товарищей, старших по службе, он застрелил их. Оборвал семь жизней, перечеркнул и свою. Как могло совершиться неслыханное преступление? На следствии по этому делу прозвучали слова, над которыми стоит задуматься. Уго-

ловник, один из тех подсудимых, кого везли конвоиры в том страшном рейсе, сказал: «Когда я увидел, как солдаты караула издеваются друг над другом, то просто оцепенел. Даже среди рецидивистов отношения более теплые, доброжелательнее, чем у этих солдат».

Десятки лет уже в нашей стране мир, а оружие, хоть изредка, да стреляет, и жертвы его проливают кровь. И потому мне понятен страх семнадцатилетнего мальчишки. Но только ли разлагающим влиянием на армию застойного времени можно объяснить и его, и ту страшную историю, о которой только что напомнила? Если посмотреть на проблему с точки зрения воспитания будущего мужчины — в наше эмансипированное время, в семье, где власть почти безраздельно принадлежит женщине, в феминизированной до предела школе? Ведь два или три года в армии — это для многих начало реальной жизни со всеми ее трудностями. Насколько ребята готовы к тому, что ждет их на службе?

Об этом мы говорим с человеком, который уже четверть века служит в Во-

оруженных Силах и из года в год имеет возможность наблюдать молодое пополнение, — с военным комиссаром Тушинского района города Москвы, полковником Валентином Владимировичем СОРОКИНЫМ.

— Какие они, сегодняшние новобранцы? Что отличает их от сверстников прежних лет?

— Сказать, что сегодняшние парни к службе не готовы, в то время как прежние были исключительно хорошо подготовлены, не могу. Армия предлагает такие ситуации, какие даже при идеальном воспитании предусмотреть невозможно. И каждое поколение имеет свои плюсы и минусы. Здесь хочется сказать прежде всего о главном: о моральной стороне проблемы. Об отношении к священному долгу каждого гражданина — защите Родины. Вспомним, было время, когда о службе в армии буквально мечтали. Парень, которого по каким-то причинам в армию не брали, считался, извините, как бы бракованным, не всякая девушка соглашалась

с ним дружить. Он невыгодно отличался от остальных сверстников.

— Наверное, мы все можем только порадоваться тому, что девушки ценят теперь не только силу и физическое здоровье в своем избраннике, но и другие, более тонкие качества. И если вернуться к прошлому, то популярность службы в армии объяснялась, по-видимому, прежде всего безупречным авторитетом, какой имели наши Вооруженные Силы в глазах общества? Победа в Великой Отечественной войне подняла его и вовсе на небывалую высоту. И на новобранцев последующих десятилетий падал отблеск славы воинов-победителей. А в мирное время воинству труднее поддерживать к себе такое же отношение?

— Да, труднее, и именно это накладывает на каждого, кто служит, особые обязательства. Но по той или иной причине именно сейчас отношение к выполнению извечного мужского долга — защите Родины — стало несколько иным. Более прохладным, что ли. Когда спрашиваешь: «Хочешь служить?» — большинство отвечает как о чем-то неизбежном и не очень приятном: «А все равно заберете». Меня слово «заберете» просто корбит. Призывник — это от слова «призвать»! Призыв Родины к исполнению священного долга! Но многими из тех, кто приходит к нам, он даже не воспринимается как обязанность. Эти парни часто вообще не знают слова «долг», «надо», это для них просто абстракция. Они хотят жить так, как хочется, а не так, как диктует жизнь. Это главное отличие сегодняшних призывников от ребят прошлых лет.

— Проблемы, о которых мы говорим, конечно, связаны с нашими сегодняшними проблемами в целом, к этому мы еще вернемся. А сейчас дорисуйте, пожалуйста, портрет современного новобранца.

— Ребята, на мой взгляд, как ни странно, стали менее грамотными. Почти на каждом собеседовании с призывниками повторяются похожие оценки. Я прошу назвать столицу Туркмении. Или Эстонии. И очень часто они сделать этого не могут. Проявляют порой поразительное невежество! Хотя в чем-то могут и блеснуть эрудицией! Только спросите о каком-нибудь рок-ансамбле. Прочтут целую лекцию, о таких тонкостях расскажут, что диву даешься, всякие даты, подробности так и сыплются. А вопросы, которые ты задавал до этого, нисколько не волнуют. Есть, есть в нынешних ребятах такая узость мышления, интересов.

Таковыми мы их получаем из школы. С каждым годом все больше ощущается недостаток гуманитарного образования. Может быть, странно, что об этом так много говорит человек военный, но это главное, что беспокоит. Нравственное состояние души, уровень культуры, духовность — фундамент, без которого не может быть настоящего мужчины. А тогда — какой из тебя воин, солдат?

Я вижу прямую связь между тем, что парни часто не знают родной земли, ее истории, ее героев — и не горят желанием все это защищать. Меня волнует это гораздо больше, чем физическая неразвитость некоторых призывников, которые, допустим, не могут подтянуться на перекладине. Ну, не умеет — научат. Хотя бу-

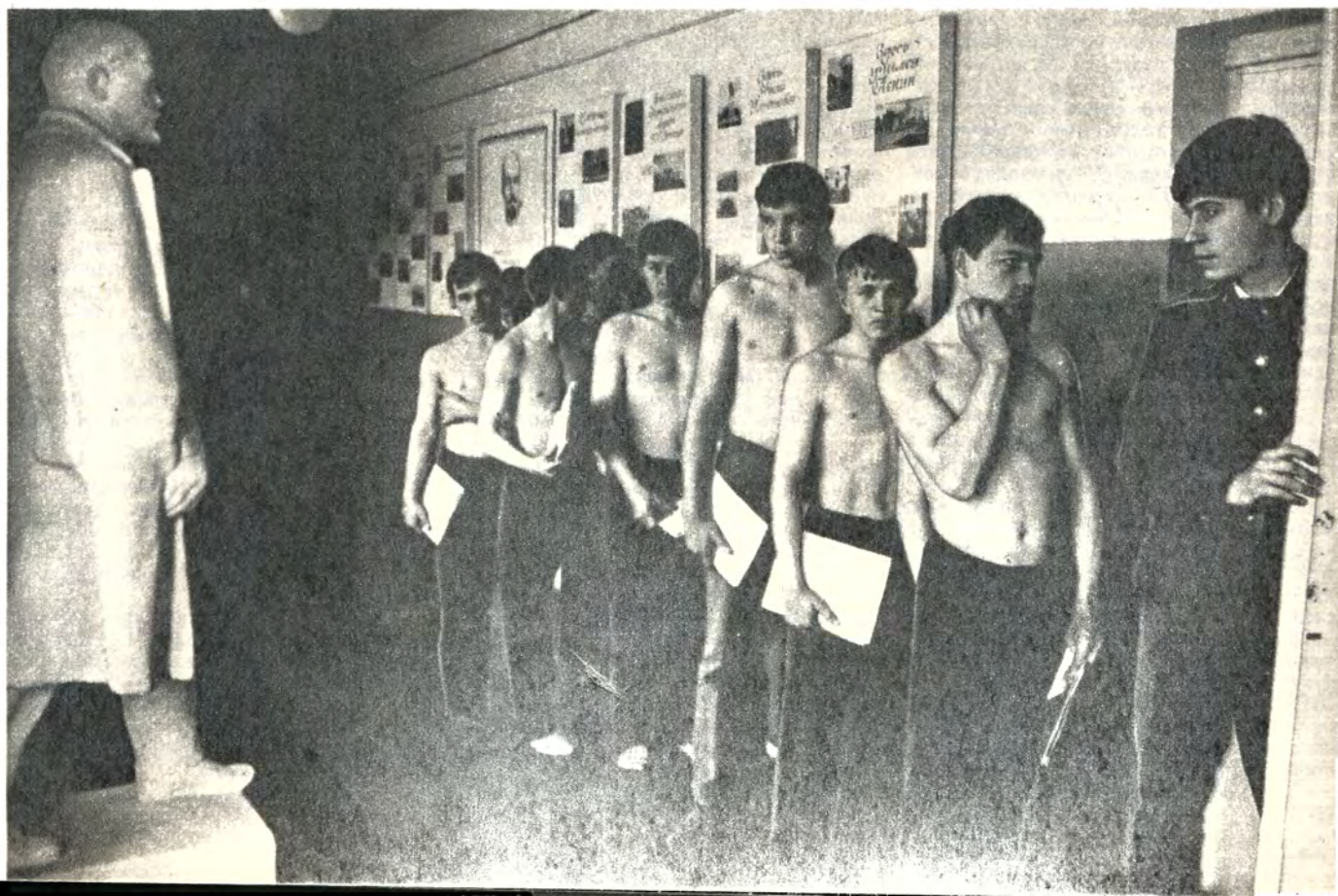
дет и трудно армейским командирам. И все-таки это легче, чем разбудить душу человека, не знающего чувства долга, не умеющего восхищаться прекрасным, сосредоточенного только на том, что приятно. Именно таким в армии тяжелее всего.

— Вы заговорили о физической подготовке призывников. Судя по многим фактам, она из рук вон плохо. Известны, например, случаи, когда наши солдаты в Афганистане вынимали из бронешилетов металлические пластины, не в силах их носить. И платились за это жизнью. Очень хилое вы получаете пополнение?

— О нынешних призывниках, особенно городских, часто говорят, что это поколение с дряблыми мускулами. И справедливо. Каждый год убеждаемся: здоровье ребят оставляет желать много лучшего. Школьники приходят с серьезными заболеваниями печени, желудка, о таких «пустяках», как искривление позвоночника, я уж не говорю. Привычным, к сожалению, стало, что в каждом наборе найдется с десяток наркоманов, токсикоманов, столько же алкоголиков. В какой-то газете я прочел, что армия приучает к курению, и был страшно возмущен. Кого приучать, когда до восьмидесяти процентов приходят к нам курящими? Они обнаруживают себя уже на первом же марш-броске — дыхание сбивается, как рыбы хватают воздух ртом. А если парень физически не подготовлен к службе, то пребывание в армии дается ему тяжело.

— Верно ли, что сейчас уровень требований к здоровью призывников резко снизился? Что на службу теперь берут с высокой близорукостью, с эпилептическими и про-

Фото В. Щеколдина

чими заболеваниями, при которых прежде комиссовали?

— Нагрузки, и прежде всего нервные, которые испытывает новобранец, особенно в первые месяцы службы, очень велики. Они требуют здоровья: К тому же в армии человек все время на виду, как у командиров, так и у своих же товарищей. А это также является дополнительной нервной нагрузкой. Для людей слабых, изнеженных, без тормозов, да еще и здоровьем не совсем крепких армия является серьезным и тяжелым испытанием.

Но «демографическая яма», в которой мы все оказались, заставляет порой закрывать глаза на некоторые изъяны здоровья.

— Мать одного такого солдатики рассказала мне историю, которая только чудом не кончилась драмой. Однажды ночью с оружием убежал с поста, двое суток добирался домой в товарняках. Объявлял свой бездумный шаг: невыносимо жить по команде, быть готовым, что любой старший по званию — а кто младше солдата? — может в любую минуту бесцеремонно поинтересоваться, есть ли на тебе майка и какого цвета носки. И грубость казарменных нравов убивала. Когда он увидел в выгребной яме свое полотенце, любимое домашнее полотенце, все, показалось, мир рухнул. И он рванулсЯ домой — убедиться, что дом еще существует. К счастью (хотя какое здесь счастье?), комиссия признала его не годным к воинской службе и он не понес наказания. А сколько случаев заканчивается трагически?

— Да, армия испытывает молодого человека жестко. Но ведь надо готовить его к подобному испытанию. Для большинства ребят служба — первое столкновение с реальной, а не книжной жизнью. Школа, семья очень мало помогают смягчить удар. Не обязательно отец должен, допустим, водить сына по тирам, учить стрелять, но обязан воспитать в нем готовность и уважение к любому труду, в том числе воинскому! Школа и семья обязаны дать и элементарное понятие о дисциплине. А родители и учителя, сколько я могу судить, зачтены на другом: как бы уберечь детей от дурного влияния. А необходимо совсем иное — сделать человека невосприимчивым к дурному. Сейчас много говорят о так называемых неуставных отношениях в армии. Но разве безнравственные установки тех же «дедов» формируются именно в армии? Кто такой солдат? Вчерашний школьник, студент, рабочий, колхозник, то есть гражданин нашей страны, причем совершеннолетний. Он имеет свои взгляды на жизнь и должен их отстаивать.

— Не получается ли, что во всех этих проблемах повинны только чужие дяди и тети, а сама армия здесь ни при чем?

— Хочу быть понятым правильно. За все плохое, что случается у нас, мы должны нести ответственность. Но процессы, что здесь происходят, общие для всей страны. Армия — часть нашего государства со всеми его плюсами и минусами. В «штатской» жизни студент-выпускник заставляет младшего чертить ему диплом, и это никого не удивляет, потому что научный руководитель, заставляющий подчиненного собирать материал для своей диссертации, — обычное явление. Почему же мы так уж удивляемся, что этот же студент заставлял «салагу» чистить ему ботинки?

Просто в армии все острее и опаснее. Так обычная драка на «гражданке» может закончиться несколькими царапинами, а здесь — рядом оружие. Вдруг его применит не имеющий тормозов человек?

— Сколько чрезвычайных происшествий с трагическим исходом случается в армии, мы не знаем, эти цифры закрыты. Но чувствуем, что их много, слишком много для мирной жизни. Да можно ли примириться с тем, что хотя бы одна молодая жизнь оборвется вдруг — из-за жестокости «дедов» или тупости командира? Парнишка, которого довели до того, что он застрелил семерых своих спутников-солдат, с детства был самым маленьким в компании сверстников, слабым... Но всегда кто-то будет самым маленьким и слабым. Что же, эти люди обречены на несчастье?

— Разумеется, нет. И все-таки ЧП происходит чаще всего именно с «домашними», изнеженными, ранимыми ребятами. Почему мы и говорим, устали уже повторять: детей, а сыновей в особенности, надо готовить к суровости жизни. Но все это — особенности характера призывника, обстоятельства его домашней жизни в подробностях мы узнаем чаще всего после происшествия. Военкоматы называют приемной Министрства обороны. Согласитесь, приемная — не место, где можно изучить характер человека. У нас нет для этого ни сил, ни времени. Здесь от нас очень мало что зависит. А вот что зависит: направить ребят в те рода войск, где они могут лучше себя проявить. Такой отбор шел всегда. Но был он примитивным, одна-две беседы с призывником да данные о состоянии здоровья часто решали все. Мы нуждались в более тонком анализе способностей человека. И с недавнего времени в каждом военкомате появились наконец классы профессионально-психологического отбора. Специально подготовленный прапорщик на основании разработанных психологами тестов заполняет на каждого из ребят анкету. Это уже дает более полное знание. А дальше практика — юноши должны бы получить в классе некоторые навыки будущей воинской специальности. Но класс наш, можно сказать, пуст. Его должны оборудовать предприятия района. Заводы же, как известно, перешли на хозрасчет, стали прижимисты. Так что хорошее дело может умереть, едва родившись.

— Вероятно, классу необходимы не только оборудование, но и профессиональный психолог. Вряд ли его может заменить прапорщик, даже специально подготовленный. А чем занимаются комитеты содействия, существующие при военкоматах?

— Вместе с военруком школ они и должны готовить молодежь к службе в армии. Но и военрук в единственном числе не много может успеть, и комитеты не в состоянии выполнить свою задачу. Дело в том, что они состоят в основном из ветеранов Великой Отечественной войны. Люди это доблестные, заслуженные, но не отличаются мобильностью. В силу возраста часто не находят общего языка с подростками.

— Значит, по-прежнему забота о воспитании характера подростка лежит на семье. Можете вы дать практические советы, как закалить волю, вырастить сына смелым человеком?

— Конкретных советов дать не могу. Но точно знаю: надо больше нагрузок. Наше воспитание чересчур мягко. Дети вырастают безоружными перед жизнью. И самым первым испытанием для многих оказывается необходимость трудиться. Мы уходим наконец-то от благостных сказочек о том, что труд — только лишь радость, потребность. Он — суровая необходимость. Что и говорить, очень многое зависит от психологической установки, с какой человек работает, живет, она проявляет себя в любой сфере жизни. Например, научили меня родители ценить самостоятельность, и я всегда стремился к ней не только в работе, но и в отношениях с окружающими. Когда женился, родился сын, родители предлагали помощь, но я не мог себе позволить принять ее. Насколько дороже человеку дом, выстроенный собственными руками!

— Скажите, а каков в вашем представлении настоящий мужчина?

— Здесь для меня идеал — Юрий Гагарин. Он прошел через всю мою юность. Это был мужественный, честный человек. Для меня заразной и очень важной в нем была тяга к семье, его любовь к жене, к дочерям. Такое отношение к семье, я считаю, непременный признак настоящего мужчины. Он не обязательно должен быть атлетом, хотя физическое развитие — тоже элемент культуры, о чем мы забываем, произнося механически слова «физическая культура». Короче говоря, я за то, чтобы солдат не задыхался на марше. Хотя развитые мышцы — это не главное. Мужчина — опора дома, добытчик.

Конечно, мирная жизнь дает не так много возможностей для закалки характера. Так пусть каждый юноша пройдет армию — курсы по подготовке настоящих мужчин.

— Но как совместить эти «курсы для настоящих мужчин» и пацифистские убеждения? Всколыхнувшееся во всем мире движение за мир делает этот вопрос все более актуальным. И у нас, насколько я знаю, все больше молодых людей, которые заявляют о невозможности для них взять в руки оружие. Как вы смотрите на этот вопрос?

— Скажите, а почему одни должны нести службу в армии, а другие нет? Так все могут объявить себя пацифистами. Я рассуждаю так: если ты придерживаешься пацифистских или религиозных убеждений, и они не позволяют тебе держать в руках оружие, то те два-три года, что твои ровесники служат, отдай на пользу обороны страны. Помогай тому, кто за тебя стоит с оружием в руках. Заготавливай, к примеру, лес, добывай руду, делай другую мирную работу. Иначе — несправедливость. Но все это, впрочем, из области фантазии, поскольку наша Конституция не оставляет здесь выбора. Воинская обязанность — долг каждого гражданина страны. Подчеркиваю — каждого.

...Что ж, непростая ситуация — отсутствие выбора. Но как писал А. С. Макаренко: «Нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество» — все равно в чем, — в сдержанности, в прямом открытом слове, в некоторых лишениях, в смелости...

В. ФРАНЮК

«ПОЗОВИ БАБУШКА» (кто, что?)

«ДЛЯ ОТЦА» (как, чему?)

— Ну и работка у вас,— сказал мне во вторую встречу ее отец.— Ездите, копаетесь... Словом, не позавидуешь.

— Да, всякое бывает,— согласился я и попросил разрешения сесть.

— А садитесь. В ногах, верно, правды нет.

В комнату ощупью вошла толстая слепая старуха. Я уже знал, что это ее бабушка и мать моего собеседника. Поздоровались. Старуха с затруднением говорила по-русски, то и дело переходила на чувашский, поэтому многое из ее реплик оставалось для меня непонятным.

— Так хоть дайте почитать, чего она там написала. Вот стерва!

— Нет, письма Маргариты я показать не могу. И совсем не потому, что речь в нем идет о родителях, просто существуют определенные правила обращения с чужими письмами. Да и упомянул я о нем по необходимости.

— Гулят, гулят,— повторяла старуха.— Шибко гулят.

Действительно, с письмом, адресованным в редакцию, вышло нескладно. О себе Маргарита сообщала только, что ей пятнадцать лет, и домашний адрес. Я все же узнал номер школы, где она училась, поехал туда, но окончившая в прошлом году с переездом по геометрии восьмой класс Маргарита оказалась бывшей из этой школы.

Бывшая классная руководительница Маргариты отзывалась о девочке с явной недолюбливанием. Зато достаточно подробно рассказала про родителей ученицы. Маргаритин отец работал на заводе электриком, мать — на стройке маляром. Материально обеспеченная семья, дочь — единственный ребенок, всегда отличалась ухоженностью, к учебе же склонности не проявляла, хотя отец с матерью старались контролировать девочку.

Письмо Маргариты было весьма откровенным об отношениях родителей между собой, да и о себе сообщала подробности, местами ошеломляющие, учитывая пятнадцатилетний возраст автора письма. И все же главная тема его поступала в другом: девочка писала о жестоком обращении с ней отца, сообщала о двукратном отравлении, нежелании жить...

Чебоксары — приволжский город, в нем много света, воздуха, несмотря и на обиль-

ные «химии», как здесь называют скопище промышленных предприятий. В немалой степени это ощущение создает расположение и планировка новых микрорайонов. Тревожное письмо девочки-подростка привело меня именно в такой.

Ее дом соседствует с Волгой и лесопарком, мощенные плитками тротуары, уступы лестниц среди цветников, современные магазины. Но в самом доме-башне традиционно испарянные надписями стены, выжженные кнопки в кабинках лифтов.

Я выбрал дневное время в надежде встретиться с Маргаритой до прихода родителей с работы.

Невысокий молодой человек с франтовато подбритыми черными усами подтвердил фамилию живущих в квартире. Так я познакомился с отцом.

Ни в тот вечер, ни на следующий Маргариту дома застать не удавалось. Я уже располагал сведениями о ней из самых разных источников. В целом образ девочки пока не складывался. По одним отзывам, она представляла вполне благополучной, хотя и не совсем успевающей ученицей, по другим — принадлежала к контингенту, опекаемому милицией.

Да, оказалось, в районной инспекции по делам несовершеннолетних о ее существовании знали, но на учете Маргарита не стояла, поскольку ничего чрезвычайного не натворила. Поступал сигнал о беспокоившем взрослых поведении девочки, но разве сотрудникам инспекции было до тех, кто не возвращается к ужину домой, если в городе росла подростковая преступность.

Или вот разговор с бывшей одноклассницей Маргариты:

— Вообще она пришла к нам из другой школы, ни с кем не дружила. Может, потому, что ее боялись, не знаю. И еще она занимала без отдачи деньги.

— А почему ее боялись? С такой водилась компания, что ли?

— Просто она же занималась дзюдо и качалась. С ней даже мальчишки не связывались.

— Что значит качалась? Занималась спортом?

— Ну, гириями, я знаю еще чем.

Более того, получалось, будто Маргарита по крайней мере лет с четырнадцати вела в известном смысле взрослую

жизнь. Собственно, некоторые строчки из ее письма, больше похожего на исповедь отчаявшегося, много пережившего человека, наводили на мысль о том же.

«Появился он!..», «Водил в кино», «Я не хочу оставаться в этом грязном мире», «Я, конечно, рассказала еще не все...» Есть и такая фраза: «Одна баба сказала, когда куришь или пьешь, забываешь все, балдеешь».

Там же, в письме, Маргарита просит помощи в знакомстве: «Я хотела бы переписываться с кем-нибудь из пацанов, девкам я не доверяю, только постарше меня. Только хочу, чтобы он правильно меня понимал». В конце же отчаянное: «Прошу вас, сжальтесь надо мной. Помогите!!!»

От родителей узнал, что дочь не захотела больше учиться в своей школе, обещала поступить в вечернюю, недавно начала работать в заводской столовой мойщицей посуды.

Маргарита определенно избегала встречи со мной. Она, похоже, растерялась от проявленной редакцией готовности прийти на помощь. А письмо из Чебоксар затрагивало болезненную тему: нередкую беззащитность детей в семьях.

«Однажды он избил так,— пишет Маргарита об отце,— что меня положили в больницу на месяц... Я ненавижу и отомщу за свои обиды, унижения, мат и оскорбления».

Обвинение в избиении, после которого она якобы месяц находилась в больнице, отпадало. О таких случаях врачи сообщают в милицию. Но о каких обидах, унижениях идет речь? И вообще, что произошло или происходит в семье?

Разговоры с матерью мало добавляли к услышанному от отца. По ее словам, Маргарита полностью вышла из повиновения, поздно возвращалась домой, несколько раз не ночевала.

Неизменно присутствовавшая при моих разговорах с родителями слепая бабушка добавляла более откровенно:

— Мальчишка тут ночевал один... Шибко гулял, шибко.

У матери Маргариты руки маляра с остатками голубой краски возле ногтей, голос, как обычно у рабочих со стройки, громкий. С мужем они работают в разных сменах, поэтому за дочерью удобно было присматривать: да не сидит дома Маргарита.

Подробность за подробностью помогают составить представление об укладе семьи. Абсолютно нет ничего, что даже косвенно свидетельствовало бы о жестоких наказаниях девочки. Да, перепали Маргарите, особенно раньше, шлепки, вгорячах отец, случалось, поддавал ногой дочери под зад. Нехорошо? Конечно, лучше бы обходиться внушением, находить с ребенком общий язык.

И все-таки была здесь, в единении взрослых, некая недоговоренность. Что-то настораживало в стремлении женщины с простодушным лицом обелить мужа, даже, кажется, помешать моей встрече с дочерью.

Признаться, Маргариту я представлял какой угодно, только не такой.

Вечером на звонок мне открыла интеллигентного вида девочка. С холеным красивым лицом, невысокая, абсолютно ничего не имеющая общего с «накачивающими» себя в спортзалах железом девушками. По типу Маргарита скорее относилась к школьницам, за внешность попадающих в поле зрения пионервожатых, таких готовят для отдачи рапортов на торжественных линейках.

Она выжидающе придерживала дверь, видимо, таким образом приглашая меня войти. На приветствие не ответила, ушла в гостиную с включенным телевизором и сидящей слепой бабушкой. Я понимал состояние девочки.

Неприятие Маргарита выражала всем существом. В пятнадцать лет человек воспринимает мир контрастно: белое и черное. Различать полутона его научит жизненный опыт. Уверен, Маргарите я виделся в непроглядном черном цвете. Постепенно менять окраску начал после предложения:

— А что если нам с тобой, чтобы не мешать бабушке, поговорить на балконе?

Кажется, слепая бабушка осталась недовольна мной. Зато Маргарита сразу преобразилась. Проверая, не подслушивая ли нас домашние из гостиной или через кухонное окно, она доверчиво и быстро освоилась в беседе и совсем уже откровенно призналась:

— Ненавижу их всех! Ненавижу, понимаете!

Нет, пока я не понимал.

История отношений девочки с родителями получалась сложной и даже какой-то уродливой. О ней, может, и не следовало упоминать — чего в семьях не случается — если бы откровения Маргариты не обнаружили связи между событиями, прошлыми и настоящими.

История драматична и по-житейски чуть ли не обыденна.

Одинокая тридцатипятилетняя женщина, нелегким трудом на стройке зарабатывает комнату, находится симпатичный, на несколько лет младше по возрасту жених, готовый для переезда из деревни в Чебоксары оставить жену и троих детей. Союз, видимо, не обретае желанной прочности, поскольку подрастающей дочери мать все чаще жалуется на непостоянство отца, на его жестокость обращения с ней.

Многое в тех жалобах теперь свидетельствует об определенных женских обидах, хотя, наверняка, муж особой жестокостью не отличался. Подлинно семейная, а не супружеская драма начинает выявляться по мере осознания дочерью домашней обстановки. Любое наказание отцом по-

степенно обретает для девочки уже однозначный смысл — его издевательства над обеими.

Мы потом довольно долго разговаривали с Маргаритой в ее с бабушкиной комнате. О школе, где училась, о занятиях борьбой дзюдо в Доме пионеров. В Маргарите было еще много детского. Проверив, не подслушивает ли кто за дверью, она с округленными глазами тихо спросила:

— А вы верите в колдовство? — И указала на бабушкину кровать: — Так вот она колдунья. И я тоже умею. Правда. Заколдовала одного пацана, теперь везде за мной бегают.

«Пацаны» в Маргаритиной жизни занимают главенствующее место. От них, по мнению домашних, все горе. По собственному признанию Маргариты, «самая первая любовь» ее настигла в шестом классе. Именно с той поры начал усиливаться деспотизм отца, который и доводил Маргариту до намерения покончить счеты с жизнью при помощи различных таблеток, за что она и была поставлена на наркологический учет.

Помимо таких решительных действий, она уходила на несколько суток из дому. Где, с кем была, отвечать родителям отказывалась. Отец не отпирается: да, гонял, нервы не выдерживали. Мать пробовала не выпускать по вечерам из квартиры. Слепая бабушка на слух караулила поздние возвращения внуки.

Впрочем, была еще неведомая им сторона жизни Маргариты. О ней девочка вскользь упоминает в письме. «...Как поругаюсь или отец изобьет, то я курю или пью. Правда, сейчас я бросила курить. Но выпиваю».

И на мои вопросы о деньгах на расходы она скромно повинулась:

— Стреляю у людей по двучке на телефон. Знаете, все-таки много добрых.

Прикидываем вместе, сколько нужно таких встреч, чтобы «настрелять» на бутылку — не стыкуется. Маргарита сознается:

— Ну, попросишь у кого в школе.

— Тебе не приходилось силой отбирать деньги?

Маргарита испытующе взглядывает на меня и кивает.

Я действительно знал о ее вымогательстве с помощью примитивной техники, заимствованной в борцовской секции при Доме пионеров. Однажды за не понравившуюся ей шутку Маргарита за волосы свалила одноклассника на пол и, похоже, привычно потребовала полтинник.

— Тебе приходилось участвовать в групповом избиении кого-нибудь? И кого же?

— Да одну девушку. Прогон мне хотела устроить.

На сленге чебоксарских подростков это означает что-то наподобие отлучения от компании. Как во все времена и повсюду, среди них формируются недолговечные группировки по интересам со своими манерами поведения, жаргоном. Но чем больше я узнавал о Маргарите, тем серьезнее представлялось все с ней происходящее.

Отец проклинал себя за то, что выписал для дочери местную молодежную газету «Молодой коммунист». По его словам, газета возвращает подростков. Я просмотрел в библиотеке ее подшивку и в общем-то согласился с Маргаритиным отцом.

В газете есть рубрика «Переходный возраст», где публикуются письма главным образом юных читателей. Основное содержание писем: разногласие с родителями и секс. Причем половые интересы тринадцатилетних, их разочарования в партнерах обсуждаются настолько прямолинейно, что становятся не по себе.

И еще обнаружил сходство в выражениях, интонации газетных публикаций с письмом Маргариты. Она явно подражала однообразному стилю, близкому кому-то из редакторов «молодежки». Невольно возникла устрашающая мысль: а не подражает ли Маргарита и множество ей подобных читателей стилю поведения, тиражируемого газетной рубрикой?

По правде сказать, я сочувствовал родителям обратившейся в журнал дочери. Мать говорила, что последние месяцы стала плохо спать, сделались слишком свободными платья, юбки. Отец жаловался на высокое кровяное давление, был случай, когда с работы увозила «скорая».

— Говорю ей: учись, Маргарита, не время еще с ребятами бегать. «Я в магазин пойду, давай денег». А уж пошла — так до ночи. Не пускаю — кричит: «Я что здесь, в тюрьме? Мне погулять нельзя? Ты свое отгуляла, вот и сиди дома!» Это отец в неподдельном отчаянии ссипавший пальцы рук, что-то добавляющий по-чувашски. «Одно только добро от отца видела». Это мать, уставшая, измотанная тяжелым трудом пятидесятилетняя женщина, кажется, больше всего желающая сохранить мир в доме.

Мой приезд был им, каждому по-разному, в тягость. Одна лишь слепая бабушка проявляла готовность к беседе. Как-то я застал ее тепло одетую сидящей перед квартирной дверью. Старуха ждала меня, чтобы рассказать о внучке такое, о чем умалчивала сыну.

Когда родители уезжали на дачу, Маргарита проводила кого-то в квартиру. Слепая бабушка, чутко прислушиваясь, ходила с расставленными руками по комнатам, но никого не нашла. Под утро, уже стал с улицы доноситься шум первых троллейбусов, хлопнула наружная дверь. Только потом догадалась выйти на балкон и там ощупью нашла ватное одеяло, подушку.

«Гуляй, гуляй. Шибко гуляй».

Было жалко этих очень разных, но одинаково изведенных неуправляемой девчонкой людей.

— Маргарита, какой же ты помощи ждала от редакции? Тебя в самом деле избивал отец?

— Ну да. Теперь-то он меня боится и больше не полезет. Знаете, я его тогда на кухне чуть розочкой на запорола.

— То есть?

— Ну, розочка от бутылки. Берешь ее, разбиваешь, чтоб горлышко в руке осталось. Края получаются, как у розочки, только острые.

Я следил за выражением красивого, холеного лица девочки-подростка, увлеченно изображающей на бумаге «розочку». Перевел разговор на приобретение будущей профессии. Маргарите нравилась единственная работа — «должность товароведа в универсаме. Очень удивилась, узнав, что на товароведа нужно учиться в институте, по меньшей мере в техникуме.

И. Пилишвенко 19

Рисунок И. Пилишвенко

Она вообще была на редкость откровенной. Товаровед, мол, имеет доступ к любому дефициту, а дефицит — это всегда деньги. Деньги же, как философски рассуждал ее ночевавший на балконе восемнадцатилетний друг, — грязь, но без них некуда деться.

Другу скоро идти в армию. Определенных видов у Маргариты на него нет, хотя он вполне подошел бы для жизни. После службы родители обещают подарить ему «жигули», но ведь теперь машины есть у многих.

При всей подростковой непосредственности Маргарита четко излагала свое жизненное кредо. А поскольку за душой у нее ничего своего не имелось, то напрашивался вывод о влиянии. Дома оно могло расцениваться однозначно — рабочая семья, трудом добываемый достаток, никаких вроде бы левых доходов. Друзья, от которых отец с матерью так старательно оберегали дочь, тоже, судя по рассказам Маргариты, не принадлежали к среде современных лавочников. Конечно, думалось, ника-

кими домашними запретами невозможно уберечь подростка от всепроникающих общественных настроений...

Маргарита показала гантели, которыми качала силу. В углу прихожей стояла небольшая гиря.

— Девчоночье ли это занятие? — острожно заметил я.

— Не хочу никого бояться! Боятся только слабаки.

Все, решительно все в ней проявлялось заимствованное, уже где-то слышанное, виденное. Стандарт поведения определял стандарт мышления. На вопрос о прочитанных последних книгах Маргарита назвала одну, но ни автора, ни содержания вспомнить не смогла.

— Скажи, Маргарита, чего тебе хочется больше всего?

— Чего? Не знаю, — честно призналась она и задумчиво подняла глаза: — Наверное, больше всего хотелось бы иметь много денег... И тут же спохватилась: — Много книг, много друзей.

— А много денег зачем тебе?

— Ну как зачем, господи! Кто же не понимает, зачем. Вот вы же тоже, мама говорит, будете про нас писать за деньги...

С мамой увидиться мне больше не удалось. Запомнилось ее лицо с непроходящим тревожным выражением. Она в самом деле сокрушалась из-за агрессивности дочери, будто бы грозившей матери расправой, когда та не отпускала вечером гулять. Но, получалось, мать не меньше обеспокоил приезд корреспондента, который «вынесет сор из избы». Женщину можно было понять.

А вот отец в последнюю встречу многозначительно повторил:

— Да, неблагодарная у вас работенка, неблагодарная. — И вдруг как-то уж слишком на прямую предложил: — Может, мы договоримся?

— О чем?

— Ну, о чем. Не надо про это писать, а? Мы уж договоримся как-нибудь.

— Про что, про это?

— Ну, про нее, про нас. Хоть и обещаете не ставить нашу фамилию, все равно б не надо, а? Не обидим.

Мы смотрели один на другого. Лицо сидевшей в комнате старухи выражало предельное внимание. Я не стал отвечать при ней.

У отца девочки бугрились на щеках желваки, пальцы непроизвольно сжимались в кулак. Маргарита, очевидно-таки, не на много преувеличивала, описывая драчливость отца. Жестокость сама по себе неизбежно оборачивается жестокостью, и отец, надо полагать, понял свою промашку в воспитании, когда увидел перед собой дочь с бутылочным осколком в руке. Больше он, как говорится, не тронет Маргариту пальцем, уж точно. Хорошо это или плохо?

При любом толковании — здесь трагедия. Трагедия семьи, изначально скрепленной союзом, требовавшим от супругов особой взаимной терпимости ради ребенка. По недомыслию мать стала посвящать дочь в собственные женские обиды, отец по той же причине начал укреплять свой авторитет силой. Все это происходило в духовном вакууме для девочки, и она просто не могла в сложном для себя возрастном периоде избегать тех низкопробных искушений, которыми изобилует сегодняшнее смутное время.

И таких семей в разных вариантах много. Их настоящие и грядущие беды в растущей ожесточенности между членами семьи: родители, испытывающие неприязнь друг к другу, враждебные чувства к детям.

Опомнитесь люди! Наберитесь терпения выслушать того, кого вы отычки слушать. Постарайтесь проникнуться сочувствием к другому, и перед вами откроется мир близкого человека, ждущего от вас понимания и поддержки. В таком окружении ребенок не чувствует себя одиноким, покинутым, обиженным судьбой.

Ну а письмо девочки-подростка из Чебоксар, названной тут Маргаритой, должно остаться анонимным. Слишком болезненно воспринимается оно даже в таком обезличенном виде ее родителями. Дело, впрочем, не только в них. Пусть поучительной станет для других эта история с «розочкой» для отца.

г. Чебоксары

Уважаемая редакция! Очень прошу помочь в моей беде. Мой пятнадцатилетний сын увлекается «металлом», увлекается до самозабвения, до одурения. Ни разум, ни уговоры на него не действуют. Поймите меня правильно — я не против его увлечения, но он не хочет учиться, практически ничего не делает по дому... Ради ложно понимаемого братства готов увязаться за кем угодно, лишь бы приятель был «металлистом». Началось это увлечение еще в школе. Сын окружил себя ребятами, которые ниже уровня его развития. Как могли мы с женой противостоять этой дружбе, но приятели таскались в наш дом почти каждый вечер — курение, карты... Покупаемую ему одежду он всегда переделывал — у курток обязательно обрезал рукава, брюки ушивал так, что еле в них влезал. Мать не раз плакала, ругала его, но все бесполезно — делал так, как ему хотелось. В последнее время стал очень груб, может закатить истерику. Объединенными усилиями иногда удается восстановить мир, но сейчас сын стал в критической ситуации уезжать к бабушке, которая может и на курево дать, и вообще деньжонок подбросить, и про родителей сказать, что они бяки. Разговоры о том, что она оказывает плохую услугу, бесполезны... Очень буду рад, если поможете советом.

С уважением
В. МАКСИМОВ
Москва

тодом зашел бы в тупик, пытаюсь разделить социальный статус, характер и интересы хозяина всего этого богатства. Нам проще, нежели мистеру Холмсу, нам безо всякой дедукции ясно — здесь живет молодой (скорее всего, даже очень молодой) человек, очевидно, причисляющий себя к так называемым «неформалам»... Только вот к какой именно их разновидности: «металлистов», хиппи, панков, рок-фанатов?

Два года назад, перед уходом сына в армию, я попыталась прояснить для себя этот вопрос: дело в том, что описанный выше интерьер взят, так сказать, с натуры, из сыновней комнаты. Многообразие интересов, конечно, похвально, однако рано или поздно наступает момент, когда оно не то чтобы утомляет, но обескураживает. И хочется возопить: «Да кто же ты есть на самом деле?» Короче, я возопила. И получила исчерпывающий ответ: «Видишь ли, я — сам по себе. Человек. Разве этого мало?» С тем и отбыл на призывной пункт, оставив меня в раздумье — а не ошибалась ли я, наивно полагая все эти годы, будто знаю свое чадо? Слава богу, хватало ума, даже лелея в душе сознание собственного взрослого превосходства и всезнания, не впахивать в сына силком некие «добрые начала»... Хотя попытки такие были, и как раз к той поре относится страшное ощущение растущей между сыном и нами, родителями, ледяной стены.

взгляд, а доводы разума разбиваются об обидно-презрительное молчание.

Собственно, так все и должно выглядеть в тех случаях, когда старший претендует на истину в последней инстанции, а младший ему в этом праве отказывает. А мы ведь претендуем, не так ли? Разумеется, из самых благих побуждений — у нас же за плечами жизнь, опыт — «сын ошибок трудных», так грешно ли оберегать чадушко от этих, уже сделанных нами ошибок и направить по верному пути? Да, в конце концов, даже силком — коли добрых намерений понять не способен, глупый! Ничего, вырастет — оценит нашу самоотверженную заботу. И, отталкиваясь от этого убеждения, мы вечером запираем сына или дочку от соблазнов улицы, в три шей гоним приятелей, которые таскаются в наш дом, выбрасываем тайком цепи, браслеты или косметику, удлиняем мини-юбки, а порой и того круче — ночью, сонному, стрижем подростку осточертевшие нам длинные волосы. Задумываемся же о том, что сотворили, уже потом, когда приходится бросаться за помощью к милиции, психиатру, либо в панике звонить в «Скорую».

Тогда, пять лет назад, я лишь теоретически предполагала, что последствия подростковых стрессов могут стать трагическими. И выручило всех нас, как я нынче считаю, «шестое чувство», иначе именуемое любовью. Ну, не могу я мучить и терзать человека, которого люблю, тем более если человек этот — родной сын. Да и

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ В СТИЛЕ

Людмила КОВАЛЕНКО,
Никита КОВАЛЕНКО

**С точки зрения мамы:
«Дети гибнут за «металл»?
Нет, они воют за себя...»**

...Кожаный жилет с заклепками и черный «хайровник», фантастического покрой штаны с уймой карманов и цепочка, заканчивающаяся тщательно выпиленными из металла буквами «AC/DC». На одной стене — трогательная коллекция кошачьих портретов, гитара и лозунг: «I sold my soul to rock-n-roll» («Я продал свою душу рок-н-роллу»). На другой — пацфики, смешные рисунки фломастером и изображения рок-звезд всех континентов. На письменном столе рядом с пишущей машинкой паяльник, на книжных полках мирно соседствуют братья Стругацкие, Ричард Бах и Михаил Булгаков, а в ворохе журналов и вовсе найдешь что угодно — от «Радио» до «Науки и религии». Боюсь, Шерлок Холмс со своим знаменитым ме-

И точно таким же знакомым ледяным ветром потянуло, когда я читала письмо В. Максимова. Все совпадает — и возраст подростка, и увлечение это «металлическое», будь оно неладно. Где-то в кладовке до сих пор валяются до предела обуженные штаны и свитера с растянутыми рукавами — модно было закатывать их чуть не до плеча. Плакаты на стене и цепочка — оттуда же, и еще самодельный значок с лозунгом «А мне все по фигу!» плюс шипованные браслеты и строгий собачий ошейник, тоже элемент «металлической моды». Только вся эта атрибутика — полная чепуха в сравнении с чувством полной своей беспомощности и бессонной тревоги за подростка, свернувшего куда-то не туда. «Мы теряем сына» — эта фраза рефреном проходила через наши тогдашние родительские разговоры, да что там разговоры — занозой торчала она в сердце. И руки опускались от собственного бессилия. «Ни разум, ни уговоры» — ах как это знакомо... Уговоры натываются на колющий

ему самому, видно, неумоготу уже было от углубляющейся пропасти, разделившей вдруг нашу прежде веселую и дружную семью. Но кто-то должен был сделать первый шаг.

В нашем случае получилось, что мы шагнули друг другу навстречу практически одновременно. Просто в один прекрасный вечер родители напросились послушать пресловутую и поносимую всеми средствами массовой информации группу «AC/DC». На это хватило получаса, зато последующий месяц целиком ушел на выяснение вопроса — по какой такой причине сыну «металл» нравится, а мы в него, используя сыновнюю терминологию, «не врубаемся и не въезжаем». Впрочем, здесь я не совсем точна — как раз спор о музыкальных пристрастиях исчерпал себя довольно скоро, ибо обнаружилось, что Моцарт, Чайковский и «Битлз» не вытеснены, а потеснены «металлом». Да и вообще, не в том суть.

Суть, действительно, была в другом — дитя выросло, а родители этого как-то не

Вообще же, это был месяц открытий. Мы открывали сына заново, открывали как личность. Нам все было внове — проклевывавшаяся неукая взрослость, собственные, а не признанные у мамы с мамой, суждения о жизни, максимализм и широта интересов... И рядом с этими симпатичными вещами как-то уживались резкость и взрывчатость, способность обижаться по любому поводу и умение до-

Тем не менее проблема есть, и она, разумеется, значительно шире, нежели несопадение музыкальных вкусов отцов и детей. Кстати, и сам автор письма в редакцию замечает, что он не против увлечения сына. Применяя юридическую терминологию, можно сказать, что «металл» стал «казус бेलли», то есть всего лишь поводом к войне, а причины конфликта куда глубже и сложнее. В любой популярной педагогической книжке вам квалифицированно расскажут о симптомах «трудного» возраста и о его психофизиологических особенностях. Но никто не выпишет вам индивидуального рецепта, так как главными лекарствами должны стать сами

...Но довольно общих размышлений. Вернемся к письму В. Максимова. Пусть не рецепт, но хоть совет-то должен получить отец, поглощенный тревогой за судьбу сына? Разумеется, что-то посоветовать можно, только вот подойдет ли наш конкретный, индивидуальный опыт для других — ведь сколько семей, столько и ситуаций. Наверное, тактику автору письма придется выстраивать самостоятельно, с учетом местных условий. Однако за стратегический совет я, как говорится, ругаю головой: пока не поздно, меняйте внутреннюю установку по отношению к вашему сыну, откажитесь от привычной, ушл.

METAL II

METAL

родители. И может так случиться, что для выхода из семейного кризиса вам придется перетряхнуть свою жизнь и уж как минимум пересмотреть иные привычки. Скажем, если сын ни разу не видел папу с пылесосом наперевес, лишне сетовать на сыновнее неучастие в домашних хлопотах. Если главным критерием развития ребенка для вас были оценки в дневнике, не удивитесь его равнодушию к учебе: он не видит смысла в ежедневном пережевывании чужих мыслей и не понимает, за какие грехи и для какой надобности непослана ему школьная мука. И если семья собирается вечером лишь для молчаливого ужина и нет темы разговора, равно интересной всем домочадцам, нет общего дела и общей жизни, значит, нет и ничего странного в том, что подросток, которому тошно дома, готов «увязаться за кем угодно». При одном единственном условии — чтобы этот «кто угодно» был еди-

большинству родителей свойственной «мании величия». И имейте в виду — игра в равноправие тут не пройдет, притворного уважения подросток не прощает, точно так же, как не терпит сюсюканья, притчания или, напротив, открытых оскорблений в свой или своих друзей адрес... Попробуйте выбрать удачный момент и разговаривать сына. И пусть, наконец, это будет не ваш монолог, а его. Несомненно, по меньшей мере, половина его высказываний покажется вам полной ахинея. Но не торопитесь перебивать его и укреплять свой авторитет мудрыми речами многоопытного человека! Вслушайтесь и постарайтесь понять: что там от возраста, что — от реальности, а что — от ваших педагогических просчетов. Если хватит терпения, то не спешите сразу же отвечать. Попросите время на обдумывание — поверьте, вам будет над чем поразмыслить. К примеру, вам откроется очевидный

факт — сыну от его скандалов и истерик куда гаже, чем вам с женой; просто он не владеет технологией человеческих взаимоотношений. Тут, кстати, потребуется ваша помощь, да разве только тут? Тем не менее выход из создавшейся ситуации вам придется искать вместе, вдвоем, втроем или вчетвером, с бабушкой. Во всяком случае, брать на себя роль верховного арбитра или господина Бога я вам не советую, ибо круг может замкнуться.

И последнее предложение, это уже из области тактики. А вы не пытались повернуть самозабвенное увлечение сына в русло, более конструктивное, нежели примитивное балдение или, скажем, погоня за железными атрибутами стиля? Вариантов может быть множество, от радиоконструирования до расширения музыкального горизонта. Надо сказать, «металлистам» очень близки такие безупречно-классические произведения, как «Органная месса» Баха и «Болеро» Равеля — проверено на практике. Кроме того, наш сын вынес из подросткового увлечения немало полезного: умение играть на гитаре и сочинение собственных песен и стихов. А вдобавок усовершенствовался в изобразительном искусстве и фотографии — надо же было переснимать и перерисовывать дефицитные плакаты и устрашающие эмблемы...

Впрочем, пускай сын сам расскажет о своей и общей, семейной жизни в стиле «heavy metal», ему это сподручнее. Да и нарисованная мною картина, думаю, станет объективнее, когда ее подправит, выражаясь ученым языком, «объект воспитания». Для справки скажу, что сейчас моему сыну двадцать лет, он только что вернулся со службы в армии и намерен стать журналистом.

С точки зрения сына: «Мы все, к счастью, взрослеем...»

Прочел письмо В. Максимова и словно снова очутился в том времени, когда началась моя история с «heavy metal». Обе истории похожи, как два листа клена, и распространены, как кленовые листья, что подтверждается обилием почти одинаковых писем на тему, как быть с ребенком-«металлистом» (панком, рокером или хиппи). И все эти письма — осколки одного большого вопроса: как быть с ребенком (когда он уже не совсем ребенок)?

Приходит время, и все мы, к счастью, взрослеем. И тогда в любой семье происходит перелом: надо же, еще вчера был маленький мальчик, а сегодня он уже требует равноправия. Несмотря на то, что все готовится и копится довольно долго, сам переход всегда неожидан. И, по-моему, родителям нужно очень много терпения и понимания, чтобы не сломать ребенка, а в конечном счете — сохранить семью. Есть много вариантов: от годичного обоюдострого бойкота, что вышло у одного моего друга, да почти полного взаимопонимания, как, слава богу, получилось у меня. Но даже в моем счастливом варианте трудностей было множество. Поэтому я попробую рассказать нашу историю с «heavy metal», как ее понимаю. Возможно, в этом рассказе вы и найдете что-то вроде совета.

Коллаж Ю. Афонина

Не имеет смысла доказывать какие-то музыкальные достоинства «металла» — не в них дело. Увлечения могут быть самыми разными, но содержание почти всегда схоже.

Начну издали. Класа до шестого в наших с родителями отношениях все было нормально. Я даже имел право голоса в решении каких-то семейных вопросов — но это была игра во взрослого. И когда я это понял, произошел небольшой разлад. Обошлось — спасибо родителям! — без ссор. Просто я от этой игры отошел и начал искать свою жизнь. Еще во втором классе папа, помню, сказал, что моя учеба — для меня. И когда к седьмому классу я практически бросил учиться, на меня никто особенно не давил. Правда, бабушка не понимала подобного способа воспитания, но обстановка оставалась мирной.

Однако со временем скапливается такой запас незнания, когда очередную контрольную необходимо прогуливать — так и случилось, на чем я и засыпался. Естественно, родителей вызвали в школу, после чего дома пошумели. Но свелось все опять-таки к тому, что учеба нужна мне. На том и порешили. Надо сказать, в наших семейных конфликтах шумновато бывало лишь первые минуты — затем обе стороны уставали и начиналось вольное обсуждение.

Как раз в то время я начал круто следить за своей внешностью: менял прическу, переделывал одежду, оригинальничал. Иногда мои наряды выглядели странно и дико, порой — просто безвкусно. И тогда мама говорила: «Давай переделаем вот так — уверяю, все девочки обалдеют». А маме я верил, потому что она следила за модой и предлагала действительно стоящие варианты. Да и бабушка, хоть и не разделяла каких-то «криков моды», всегда помогала мне перешивать вещи и учила портновским премудростям. Короче, взрослые в моей семье сочувствовали поискам «имиджа» (а в 14—15 лет это очень важно) и помогали мне, попутно воспитывая хороший вкус.

Но в доме мне было все-таки уже тесно, и я «прописался» на Пушкинской площади, благо школа моя была рядом. На «Пушке» я проводил все свое неурочное, а часто и урочное время, домой появлялся под вечер, а учебу забросил вовсе. Дома такой образ жизни восторгов не вызывал. Никто не собирался толком разобраться, кто же мы такие, но смело называли нас «пособниками империализма». Вслух мы над подобными измышлениями смеялись, а в душе были крайне злы на нашу прессу. На деле то все было по-другому. В то время не существовало никаких разногласий между «металлистами» и, к примеру, брейкерами. Все мы не прочь были вместе пойти на дискотеку и потрястись там под какую-нибудь «попсу», а новые элементы брейка мастера показывали тут же, в «трубе», ко всеобщему удовольствию. Это было какое-то высшее братство непонятых и неприятных остальным миром. Да, мы были увешаны железом и значками — чтобы распознать своих. Нами пугали маленьких детей, точно так же, как тыкали пальцем в «ирокезы» панков или длинный «хайр» хиппи. Нам просто необходимо было держаться вместе, поодиночке нас затравили бы с легкостью.

Сейчас, я смотрю, многое перемешалось. Кое-кто, вырядившись пострашнее (цепи, браслеты, кожанка), вылезает на улицу с одной целью: побить побольше стекол и напугать прохожих. Только никакие это не «металлисты», хоть и одеты похоже, это — натуральные гопники. Им плевать на музыкальные стили, они не способны различить на слух и двух мелодий. А именно по ним-то чаще всего и судят о приверженцах «heavy metal»!

Но если ваш сын действительно «продал душу рок-н-ролла», если он способен бросить все ради интересного концерта в другом конце города, если может отказать себе в новых кроссовках ради последней пластинки, то не печальтесь — радуйтесь! Значит, у него появилось настоящее увлечение, хоть вам оно и непонятно. И не страшно, что он охотно толкается на какой-нибудь площадке или спешит на тусовку. Ведь надо же когда-нибудь учиться искусству знакомства, общения, да, наконец, думать, не замыкаясь в рамках школы. По правде говоря, вас-то и волнует не столько музыкальный вкус вашего сына, сколько чувство, что вы теряете ребенка. Был таким благообразным и послушным — а стал диким... И чем больше вы будете на него давить, тем быстрее он станет отбиваться от рук — какая дома жизнь, когда тебя с утра до вечера пият, кланут и ругают?

Мне повезло, на меня почти не давили. Сначала пытались переубедить, потом — понять. Чтобы огрادیть свои уши от грохота, родители подарили мне наушники. Но их тоже не так волновала музыка, как содержание моей жизни. Только они не запрещали, а спрашивали. А я отвечал, объяснял, доказывал. Мы спорили, и я приглашал их посмотреть на нас не в телевизоре, а прямо в «трубе», то есть в подземном переходе. И оказалось, совсем не страшно. Еще я учил родителей слушать и понимать нашу музыку. Почему, интересно, классику худо-бедно, но учат слушать в школе, а обо всей другой музыке — ни полслова? С непривычки оно все странно.

В результате конфликт к окончанию восьмилетки фактически сошел на нет. Постепенно я вернулся к учебе — без охоты, из необходимости: в английской школе учиться не так-то легко, а язык знать я хотел. Яростное увлечение «heavy metal» ушло самой собой, появились новые пристрастия и более спокойное к ним отношение. Мои кассеты теперь кочуют из комнаты в комнату. Мама уверяет, что без «металла» не может проснуться, а папа к «heavy» равнодушен, зато с удовольствием слушает композиции «Pink Floyd» и «Doors». Классику они любить не перестали, а в советском роке разбираются не хуже многих моих ровесников.

Вот так и закончилась моя история в стиле «heavy metal». Теперь у меня куча друзей во всех концах Москвы и Союза. Многие из них бьются у нас дома, а пока я служил в армии, папа с мамой даже умножили их количество. Причем ребята приходили именно к родителям — им, как и мне, интересно общаться с ними, несмотря на разницу в возрасте. Так продолжается и сейчас и, наверное, будет продолжаться дальше. Выходит, наша история с «металлом» не только не разрушила, но еще больше сдружила семью.

Возможно, завтра появится нечто новое и мне уже непонятное. Но если это новое кому-то нужно и нравится, значит, пусть будет.

А напоследок хочу обратиться к тому, кто письма не писал, но вполне мог бы его написать — потому что ему ничуть не легче, чем отцу.

Ты — «металлист», и я был металлистом: значит, мы должны понять друг друга. Поэтому послушай!

Не дави на родителей, лучше постарайся их понять. И поверь — совершенно безнадёжные родители почти не бывает. Только не надо думать, что именно твои папа и мама относятся к этому самому «почти». И в конце концов, почему бы не попробовать их «перевоспитать»? Попытка — не пытка... А для этого стоит прежде всего самому разобратся в своем увлечении, хотя бы в том, что именно тебя так притягивает в нем и что так яростно не приемлется твоими родителями.

Первая практическая рекомендация — постарайся сократить до минимума негативное воздействие твоего хобби на семью. Шокирующие родителей браслеты, ошейники и прочие побрякушки надевай за дверью и старайся не попадаться в этом прикиде им на глаза — зачем лишний раз трепать родительские нервы? Им, наверняка, не по вкусу слишком громкая музыка — значит, попроси купить наушники, и проблема сойдет на нет. И вообще, старайся без особых на то причин не конфликтовать, лучше промолчи. Пойми простую вещь — родители росли в другое время и в других условиях, и не вина их, что они не в силах разобратся в твоих современных увлечениях. Просто в их время ничего подобного не было.

Вот тут я хочу дать вторую рекомендацию, которая потребует поиска в себе некоторых педагогических способностей. Попробуй убедить в том, что твое увлечение не такое уж плохое (а может, и вовсе хорошее). Но тут нужно будет терпение. К примеру, если ты увлекаешься «металлом», не стоит начинать знакомство родителей с этим музыкальным стилем сразу с «Motör Head». Ведь есть масса мелодичных медленных блюзов, ставших уже классикой рока, у таких групп, как «Scorpions», «Accept», «Judas Priest» или той же «Kiss», которой раньше так любили всех пугать... Не беда, если родители все-таки останутся равнодушными к «тяжелому металлу», главное, чтобы они перестали его бояться и ненавидеть.

Точно так же обстоит дело и с другими, не музыкальными увлечениями. Не оставляй родителей в неизвестности, попробуй найти в своем хобби какие-то привлекательные и взаимовыгодные стороны. Это пойдет на пользу всем, а заодно и сам разберешься, что к чему и стоит ли фанатеть без удержу.

И последняя, пожалуй, самая важная рекомендация: не уклоняйся от разговоров с родителями. Это, может быть, единственный надежный шанс понять друг друга. И будь спокойнее — не заводись, не кричи. На моей памяти повышенные тона еще никогда и никого не приводили к успеху, даже в автобусных ссудках. Будь терпимее. И в конечном счете взрослая сторона ответит тебе тем же.

А. БУКИН, педагог

ТАКАЯ ДОЛГАЯ ДОРОГА...

Фото Е. Кондакова

На первой же встрече с директором школы я сказал, что хотел бы организовать школьное лесничество. Директор ответил без обиняков: «Лесничество мне не нужно, так что помощи не жди. Хочешь — делай».

Три месяца спустя семь десятков любопытствующих подростков собрались в одном из школьных кабинетов. Лесничество окрестили «Лесовичком». Естественно, на мой призыв откликнулись те, кто нигде и ничем не был занят. Рослые семи-восьмиклассники — «троечники», «лентяи», «общественно пассивные» — вот ядро «Лесовичка» в первый год его жизни.

Можно представить, как относились они к теоретическим занятиям. С бензопилой возиться готовы сутками, устройство полевой радиостанции освоить — с душевным удовольствием, работать мерной вилкой, высотомером — очередь занимают. Что угодно, только не учиться. За два года сколотили и развесили в лесу почти 400 скворечников, обустроили полтора десятка мест отдыха на лесных опушках, залечили полторы тысячи берез, собрали без малого два центнера желудей на посев. И все — без понуканий, наперегонки, радостно.

Мы были спаяны общими интересами и заботами, искали новые дела и придумывали свои праздники. Но стремясь объединить и сплотить подростков, культивируя дух товарищества, я перестарался. Объединение замкнулось, вместо коллектива сложилась некая корпорация. Наш коллектив был отделен от школы территориально и психологически. Ребята нашли здесь то, что не имели в классе, где в подростковой иерархии занимали низшие ступени. И можно понять, с какой силой они стремились занять и удержать здесь ведущие позиции. Потому и трудились не

«за страх» и берегли ту атмосферу замкнутости, которая обеспечивала обретенный (наконец-то!) душевный комфорт. Но стремление одних «закуклиться» объединение вызвало все более резкое недовольство других. Их сначала было немного, искавших возможность пополнить знания, желавших не только трудиться, но и учиться.

Но наступила осень, объединение пополнилось новичками, которые уже хорошо представляли, чего хотят, были настойчивы в устремлениях, жаждали перемен и были энергичны. В таких вот ребятах я увидел будущее объединения. Новый актив рвался к самостоятельности, и мне все заметнее отводилась роль советчика. «Ветеранам» оставалось либо сдаться без боя, либо — браться за ум. Прямо сказать, не у всех хватило воли — уходили. Большинство же подтягивались: садились за учебники.

С трудом какая-никакая ясность есть, а с учением? В каких формах его организовывать? Лесничество — по смыслу трудовое объединение, и, как ни крути, от этого куда-то не деться. Трудом же детей должно стать не материальное производство, а добывание знаний, изучение природы, природоведение. Так возникла идея создания Детской учебно-исследовательской экологической станции. Коротко — ДЭС.

Нас пленила уникальная способность экологии вмещать в себя бесконечное множество разнородных задач, соединять данные биологии, географии, экономики, медицины, архитектуры и бог знает чего еще — включая вопросы человеческих отношений и быта. Мы решили заняться изучением экологии нашего города. Масштабы работ, казалось бы, невелики: обегать леса, охранять природу, но при этом — обязательно заниматься и ее изучением.

К осени 1983 года в ДЭС насчитывалось уже девять взрослых — «советников». Много ребят приходило, но и уходило. Уже больно непривычными казались наши отношения, странной — организация дел. Вроде бы делаю, что хочу, и взрослые с тобой разговаривают по-доброму, на равных. Это — хорошо. Только что значит — что хочешь? Ничему специально не учат. Ходим в походы, а в экспедицию — нельзя. Какую-то курсовую сначала делать надо. И везде одно — сам да сам. И разговоры, разговоры. Зачем все это?..

Вот такие и уходили. Зато оставшиеся занимались увлеченно, и немало удивляли нас.

Быстро осваивали технику наблюдений и опытов в природе, устройство приборов, делали интересные обзоры литературы, охотно вступали в дискуссии. Разгоряченно спорили. И то была не «пустая болтовня». Конец дискуссии «Каким должен быть Экополис?» оказался неожиданным: 12—14-летние подростки пришли к выводу, что Пушкино нельзя считать городом в том смысле, какой принято вкладывать в это понятие. По мнению ребят, две особенности выводят его из ряда «нормальных» городов: отсутствие заметных границ между застройкой и «дикой» природой и сочетание плотной застройки с малым числом жителей города. Школьники самостоятельно пришли к выводу,

который сделали и ученые-урбанисты, изучавшие наш город.

Очень скоро Детская экологическая станция перестала быть и для нас, взрослых, только местом работы. Сюда можно было прийти в любое время, просто так, обменяться новостями, полистать журнал, попить чайку. Поработать? Пожалуйста. Есть комната для отдыха, есть — для работы. Никто не помешает.

Двери ДЭС открыты для всех, и в гостях недостатка нет. Приходят наши товарищи и товарищи товарищей, родители наших подопечных; ребята приводят младших сестренку и братишек. Однажды услышали пренебрежительное: «Проходной двор — никакого порядка!» Для меня эти слова прозвучали похвалой: значит, удалось сделать ДЭС привлекательной для многих и разных людей.

Нет, ДЭС больше чем научное общество учащихся... Так что же она такое? Скорее всего, клуб. Но клуб немного странный. Здесь и взрослые и дети трудятся. Каждый «при своем интересе» и тем не менее все вместе. Труд этот в радость, учение — удовольствие и теснота не помеха. Все неудобства искупаются роскошью человеческого общения.

Сущность подобного объединения, как мне кажется, в том, что наша ДЭС — это своеобразный общественный домашний очаг, где воспитатели оказываются одновременно как бы и родителями, и профессиональными педагогами. В таком объединении все взрослые — родители, а все дети — ребенок. Но число множественное. Общественники учат и воспитывают детей по-родительски, но они не связаны с ними родственными узами, их отношение к детям более объективно.

...Каждый раз, когда, собравшись в стайку, ребяташки осторожно заглядывают в дверь, неловко толпятся в прихожей, у меня замирает сердце. Решились. Пришли! Могли пойти в кино, кататься на санках, да мало ли занятий найдет подросток. А они направились к нам, от всего этого отказались. Как не радоваться, видя их во второй, третий раз. Бродят по комнатам, легонько касаются приборов, корешков книг, разглядывают висящие на стенах схемы. Я же настороженно жду. Жду, когда шушуканье перейдет в громкий разговор, когда раздастся смех, робость сменится уверенностью... Наконец! Затеяли возню, толкаются, двигают стулья. Всё, освоились. Чувствуют себя свободно, ищут занятие. Небольшое задание: вытереть пыль, переставить книги, подмести, нарезать карточки-закладки. Напоследок даю заполнить «Личную карточку члена ДЭС» — дети «записываются». И вот прием окончен. Не знаю, кто останется, кто вскоре уйдет, но главное сделано: уже почувствовали себя «своими».

С такого, в общем-то незамысловатого педагогического приема и начинается воспитание в ДЭС. Остальное зависит от подростка: найдет ли он занятие по душе, сможет ли выбрать его из того, что у нас делается.

Мы не ставим своей задачей готовить из детей биологов или историков. И в этом, пожалуй, одна из главных сложностей наших отношений с родителями. Они в большинстве настроены на получение «пользы» от занятий их детей в клубе.

И зачастую очень трудно объяснить, что чисто «профессиональные» качества ничего не прибавляют к человеческой характеристике ребенка; честности, добросовестности, трудолюбия никакая профессия не гарантирует. А именно личностные качества детей находятся в центре нашего внимания.

Денис Синьков пришел в ДЭС одним из первых, он ставил метеопост на школьной крыше, был командиром отряда первой экспедиции, освоил весь комплекс приборов типовой метеорологической станции, методики и приемы метеорологических и гидрологических измерений... Но не это — главное. На протяжении четырех лет он был для ребят образцом — без преувеличения — научной добросовестности. Открытый, уравновешенный, Денис вел за собой собственным примером — организованностью и неутомимым трудолюбием. Эти качества, получили в ДЭС почву для развития, и Денис стал, наравне со взрослыми, организатором жизни нашего клуба.

Кирилл Злобин на два года моложе Дениса. И опять — достоинство Кирилла не приобретенный в клубе «профессионализм», а то, что его обожают малыши — вечно возле него крутятся «мелюзга». И надо видеть, как внимательно и заботливо он относится к каждому, как умело находит общий язык.

Мы учим подростков относиться к людям доброжелательно, к работе — честно. Учим искать новое и в этом поиске находить радость и удовлетворение, внимательно слушать и быть доказательным в спорах, не бояться авторитетов и иметь собственную точку зрения.

Взрослые, живя рядом с детьми, демонстрируют им образцы мышления, взглядов, действий, отношений. Дети перенимают главное — образ жизни. Потому-то определяющим фактором воспитания является сама личность воспитателя.

Сначала нас было всего четверо: Розанов, Сороковиков, Губин и я.

Сергей Иванович Розанов, зоолог по образованию, человек широкой эрудиции, свободно ориентирующийся в проблемах экологии, глубоко убежден: большая часть проблем может быть решена, главным образом, средствами педагогики. И, чтобы избавиться от жуела грядущей мировой экологической катастрофы, нужно изменить отношение людей к природе, к другим людям, к самим себе.

Почти одновременно с Розановым появился Виктор Александрович Сороковиков. Познакомились мы с ним намного раньше, в те дни, когда наши ребята участвовали в составе комплексной эколого-биосферной экспедиции Института агрохимии и почвоведения АН СССР. Жили в палатках в двух километрах от города — осваивали методику метеорологических наблюдений, составляли картосхему муравьиной колонии, делали описание деленок опытного поля, а вечерами у костра слушали разговоры ученых о том, как ставить тот или иной опыт. Можно понять мою радость, когда мы встретились вновь с Сороковиковым. Окончив университет, он вернулся в Пушкино, став сотрудником Института агрохимии и почвоведения.

Станислав Викторович Губин пришел к нам «не с пустыми руками»: в объединение влилась большая группа пятиклас-

сников, членов геологического кружка, который он вел. Но главное в другом: блестящий его «дуэт» с Сорокиным стал едва ли не самым сильным «магнитом» ДЭС. Вокруг них собирались ребята не столько для работы, сколько просто побыть рядом, узнать что-то новое, услышать необычное мнение об известных событиях.

Но нам нужны были новые люди, люди совершенно определенного качества. Прежде всего имеющие свое отношение к проблемам воспитания, широту подходов, способность не замыкаться в узко-профессиональных задачах.

Всего за четыре года через сито смотрин-собеседований было пропущено без малого тридцать человек. Остались восемнадцать — те, кто если не осознавал, то чувствовал необходимость именно воспитательной работы с детьми.

И тут возникает вопрос, имеющий принципиальную важность: что привлекает взрослых, серьезных и занятых людей, в ДЭС? Образ «общественного домашнего очага» дает лишь самое общее представление. Для понимания механизмов образования коллектива педагогов-общественников этого недостаточно. Пушкино имеет широкую сеть клубных объединений, потребность в общении есть где удовлетворить. Так нет, пришли и остались здесь у нас, где радость встречи с себе подобными дается человеку только в том случае, если он взял на себя труд воспитателя. Нелегкий труд! Этим прежде всего мы отличаемся от других объединений. Наш клуб — еще одна форма использования педагогического потенциала общества в решении единой общегосударственной задачи. Люди, добровольно и бескорыстно посвящающие свое свободное время воспитанию детей, — вот что прежде всего заслуживает внимания.

Взял того же Губина. Станислав Викторович — педагог от бога. Идти в первом ряду, брать на себя ответственность — совершенно естественное для него состояние. Уверенность в собственных силах, помноженная на доброжелательность, трудолюбие и обширные знания, делают его таким.

Константин Борисович Асланиди пришел в ДЭС и сразу развернул перед нами грандиозные замыслы. Его фантазия не знает удержу: «Здесь оборудуем аквариальную, за стеклом, в витрине посадим помидоры и тыквы, а тут будут жить лягушки и японские перепела...» В нем странным образом уживаются ученый и крестьянин. По знаниям, аналитическому способу мышления он, кандидат физико-математических наук, — ученый, по тяге ко всему вещному, материальному, по той основательности, с какой берется за любое дело, — крестьянин. Любит рукотворчество, трудится со вкусом, делает все капитально. Он одушевляет, даже очеловечивает все сущее. Обращаясь к сыну (все наши дети — члены ДЭС), Асланиди возмущенно басит: «Ты почему не покормил жабиков?! Как это — забыл?! Они же живые, они кушать хотят!» Рассказывая ребятам о растениях, он без тени улыбки объясняет, что — «тыква кушает» то-то, а огурцы предпочитают то-то.

Сергей Станиславович Быховец тих и потому незаметен. Со всеми, включая малышей-четвероклассников, он на «вы» —

такой уж человек. Редко повышает голос, обычно говорит почти шепотом. Первое время так и было, на советах сидит в уголке и слушает. Но мало-помалу выяснилось: у него на все есть свое строго определенное мнение, он может быть и настойчив и неуступчив. Просто, когда Быховец не полностью уверен в правоте, он предпочитает молчать. Но, зная, что прав, спорит упорно, и переубедить его трудно.

И так — все. Каждый приносит с собой не только новые идеи, но и понимание того, как именно их должно реализовать в практике. И возникает своеобразная мозаика приемов, организационных форм, которые, правда, не всегда удается сложить в цельную картину. И тогда отношения напрягаются.

Их было много, появившихся в ДЭС взрослых. И все время приходилось «притираться» их друг к другу. Чтобы, как в математике — «минус» на «минус», получался положительный результат. И помогла этому «трибуна» наших деловых советов, где каждому давалось 20—30 минут, чтобы изложить свои взгляды на стратегию развития станции, свое понимание наших задач. Так создавалось поле делового общения.

Благодаря этим бурным советам, мы стали глубже задумываться над тем, что творим. Понимание оформлялось в решения: ни одно «мероприятие» не должно быть безразличным к задачам воспитания. Даже праздники должны стать не только формой непринужденного общения, нести радость, но и развивать детей.

Кто-нибудь предлагает: «А не попить ли нам в пятницу чайку?» Собираемся. После чая шуточные конкурсы, придуманные здесь же игры «в ассоциации», в «литературных героев», просмотр слайдов, воспоминания. Малыши, раскрыв глаза, внимают.

А под Новый год Асланиди вышел на улицу и поймал Деда Мороза и Снегурочку, ходивших поздравлять малышей по квартирам, уговорил, привел в ДЭС.

Когда через месяц на очередной конференции ДЭС ребята выступили с серьезными сообщениями перед научными работниками, восхищая взрослых непринужденными манерами и спокойной уверенностью, слушателям было и невдомек, что доклады прошли многократную «обкатку» — на предзащитах — обсуждениях в семейной обстановке и за чаем.

В свое время долго мучились в поисках способа организации самоуправления детей, пока не поняли: не нужно ничего придумывать. Если проваливаются все попытки, значит, средства негодны и подходы неверны. В хорошей семье, ведь как: собираются домочадцы от мала до велика и вместе садят-рядят. Старшего слушают внимательно — у него за спиной опыт, но и мнению младшего не пренебрегают. Что миром присудят — то и верно.

Управлять ребячьим объединением не означает руководить. Определенную перспективу, нужно судиться и вместе с детьми искать конкретные решения. Вместе, а не порознь. Коллективное управление и становится самоуправлением, особым качеством взаимодействия взрослых и детей в коллективе.

У меня скопилось около двух тысяч вопросов старшеклассников, касающихся проблем общения юношей и девушек. Из них более половины о любви. Самое парадоксальное состоит в том, что эти вопросы задаются часто без надежды получить ответ. Но все-таки задаются. Просто, наверное, чтобы как-то «выплеснуть» переполняющие чувства. О чем спрашивают?

Может ли любить по-настоящему человек в 14—16 лет?

Как можно понять, любит тебя парень или нет?

Что такое настоящая любовь и как понять, люблю ли я?

Как вы думаете, почему девочки стали походить на мальчиков, а мальчики — на девочек?

Можно ли любить, не уважая?

Верите ли вы в любовь с первого взгляда?

На эти и подобные вопросы можно отвечать бесконечно и... ничего не ответить. Прежде всего потому, что на большинство нет однозначного ответа: любовь, отношения двоих — где все столь уникально, что давать какие-либо рецепты несерьезно. Ведь каждый любит по-своему, влюбляется иначе, чем другой, переживает свое чувство не так, как другие. Но я все-таки хочу поговорить о некоторых общих закономерностях.

В ранней юности становится трепетно необходимым найти общение со сверстниками противоположного пола. На это указывают в среднем до шестидесяти процентов опрошенных. Остальные же лишь не хотят признаваться в этом стремлении.

Стремление к общению со сверстниками другого пола у одних слабо осознанно, у других выражается в ориентировочной активности, у третьих поиск общения проявляется в целенаправленных действиях.

У некоторых ребят может и не быть намерения немедленно вступить в общение со сверстниками противоположного пола. Но нормы, господствующие в этой среде, оценивают подобное общение как факт высокопрестижный. Поэтому юноши и девушки стремятся соответствовать этой норме. Кому-то, скажем, достаточно общения с друзьями своего пола, и оно его вполне удовлетворяет, но раз у приятеля есть девушка, то и он ищет общения с девушкой.

Как и многое другое в ранней юности, увлеченность лицом другого пола имеет нередко групповой характер. Упомяну только три варианта (а их значительно больше).

В одной и той же школе в одном старшем классе повальная эпидемия — большинство подростков увлечены, влюблены, ухаживают, флиртуют и тому подобное. А в соседнем классе все тихо, и два общества, юношеское и девичье, никак друг с другом не связаны.

Или такой вариант. Кто-то из юношей

Продолжение следует

ЛЮБОВЬ! ЛЮБОВЬ? ЛЮБОВЬ...

А. МУДРИК,
доктор педагогических наук

Продолжение.
Начало публикации в № 8,
10 и 12 за 1989 год

(чаще из числа наиболее авторитетных) увлекся одноклассницей или девушкой из другого класса, хотя до этого никто на нее особого внимания не обращал. А тут вдруг выясняется, что именно она «гений чистой красоты» еще для некоторых других ребят.

И, наконец, даже физическая близость может оказаться не результатом индивидуальной страсти, а норм компании, в которую входят юноша и девушка. В других же компаниях Ромео и Джульетты проявляют свои чувства исключительно платонически.

Как тут не вспомнить вновь Франсуа де Ларошфуко, который утверждал: «Иные люди потому и влюбляются, что они наслышаны о любви».

Общение с лицом другого пола — своего рода способ самоутверждения в юношеском возрасте. Но реализовать себя в этой сфере не всегда просто — мешает отсутствие опыта. Наконец, романтические притязания, подталкивая к общению с лицами другого пола, одновременно их сдерживают.

Учеников девятых классов попросили дописать незаконченное предложение: «Когда я вижу мальчика и девочку моего возраста, гуляющих вместе...» Смысл ответов одной четверти девушек и трети юношей-учащихся сводился к тому, что при виде такой пары они «завидуют им». Любопытно, что в десятом классе число «завистников» меньше — каждый пятый среди юношей и 16 процентов среди девушек.

Большую роль в том, сколько активно реализуется стремление к общению со сверстниками противоположного пола, играют и субъективные переживания и собственная оценка шансов на успех в подобном общении.

Насколько все эти проблемы сложны и субъективно значимы, показывают результаты исследований. Из ответов старшеклассников выяснилось, что напряженность в общении со сверстниками противоположного пола возрастает у мальчиков от седьмого класса к восьмому, а у девочек — от восьмого к девятому. Однако в целом девушки чувствуют себя в общении с юношами более свободно и уверенно.

Все, конечно, хотят избавиться от подобных и иных переживаний. Но вот,

проходят годы и проблемы юности начинают смотреться уже иначе. Приведу отрывок из письма двадцатипятилетнего человека: «Я в пятнадцать лет боялся подойти к девушке, обратиться, спросить. Но вот спроси меня кто-нибудь: а хотел бы ты вернуться на десять лет назад и вылечить от этого недуга? Удивительная вещь: не хотел бы! Не хотел бы — потому, что все-таки была в этой моей стеснительности одна важная, как мне представляется, черта: отношение к общению как к чему-то таинственному и... высшему. Люди, которые умеют вот так запросто подойти и заговорить, тогда казались мне богами. Теперь не кажутся. Теперь этой немудреной науке я и сам обучился. А вот отношение к общению как к тайне какой-то, загадке, если хотите, колдовству даже, во мне осталось. Общение я с тех пор рассматриваю как понимание».

Достичь понимания не просто. Особенно со сверстниками противоположного пола. Но если у юноши установились доверительные отношения с кем-либо из сверстниц, то в разговорах с ней он обычно более откровенен и доверителен (кроме, конечно, самых близких друзей). От девушек ждут сочувственного понимания. И не случайно оценка юношами способности девушек понять другого человека неуклонно возрастает от седьмого класса к десятому.

В общении друг с другом юноши и девушки сталкиваются со множеством моральных проблем. Они весьма различны по степени сложности, но все субъективно очень значимы.

Начиная с проблемы, существует ли любовь вообще?

Вот два прямо противоположных мнения.

«Я верю в любовь. Для меня образцом счастливой семьи являются мои бабушка и дедушка, которые в этом году отмечали 50-летие своей супружеской жизни».

«В любовь я не верю. Примеров настоящей любви в жизни не видела (даже в собственной семье)».

Видимо, когда старшеклассник заявляет, что любви не существует вообще, он либо исходит из взглядов, почерпнутых в своем кругу, либо из того, как складывались у него отношения с девуш-

ками, либо просто из того, что не может определить, где любовь, а где нет. А разобраться в этом непросто. Начать с того, что любовь — это сплав различных эмоциональных состояний человека, в котором сливаются страстное чувство по отношению к избраннику или избраннице, глубокая эмоциональная привязанность к любимому, потребность в максимальной близости с ним, страх потерять любимого, ревность и т. д.

По мнению Л. Я. Гозмана, отношение к любимому включает в себя важнейший элемент — его идеализацию. Влюбленный воспринимает объект своей любви не столько таким, каков он есть, сколько таким, каким он может быть. И такое восприятие идет на фоне знания недостатков и слабостей любимого. Идеализация как неизбежный элемент любви рождает порой парадоксальные ситуации. Некоторым старшеклассникам, например, важны не только реальные отношения с ним или с ней, сколько переживания по этому поводу, нередко просто увлеченность, пока она не реализовывалась в непосредственном общении. При непосредственном общении, случается, быстро наступает финал, потому что она или он оказываются совершенно не такими, какими рисовались в воображении. Несоответствие конкретного лица созданному образу приносит разочарование. Но на смену прежнему увлечению, как правило, приходит очарование другим человеком.

Но одно дело идеализировать конкретного человека, которого любишь, и совсем другое — идеализировать любовь вообще. В последнем случае о любви создается совершенно нереальное представление. Любовь в таком случае превращается в нечто такое, совершенно недостижимое, и человек, который так представляет себе любовь, вообще может не понять, что влюблен. Ему все время будет казаться, что его чувство, его отношения — это не любовь, а что-то другое, далекое от «настоящей» любви. И он в результате лишает себя возможности счастья, любви.

Идеальных людей нет в природе и потому надо сразу же отказаться по крайней мере от двух заблуждений. Первое: нравятся хорошие люди, влюбляются в хороших людей. К сожалению, ничего подобного («Не по хорошему мил, а по

милу хорош» — известная поговорка). Второе заблуждение: сходятся противоположности. Ничего подобного. Вариантов бесчисленное множество. Любят друг друга и имеющие сходные черты характера и чьи человеческие качества как бы дополняют друг друга; люди, часто встречающиеся из-за близости места жительства или работы и редко видящие друг друга; те, кто получает положительный отклик на свои чувства от партнера, и кто страдает от резко отрицательной реакции «объекта любви» на свое к нему отношение...

Очень многие исследователи сходятся в том, что любовь-чувство и любовь-отношение прочны главным образом тогда, когда у любящих есть сходство взглядов на главные вопросы жизни.

Многих волнует вопрос: «Всем ли надо полюбить?» Ответ очевиден: да, всем. Но реализует свою любовь лишь тот, кто способен проявить себя сначала в других формах человеческих взаимоотношений.

Человек, не способный к психологической близости с другим, может испытывать очень сильную потребность в любви. Но эта потребность никогда не будет удовлетворена, ибо он не умеет на самом деле ни отдавать, ни даже брать. То есть он не в состоянии вести себя как любящий. Ведь любовь — это не только чувство, не только отношение, но еще и поведение.

Любовь-поведению надо учиться. Как вести себя с любимым человеком, чтобы чувства и отношения усиливались, а не «разваливались», анализировать свои поступки, слова, действия, думать о том, как на них станет реагировать любимый (любимая).

Немалую роль в том, как складываются отношения юношей с девушками, играют кругозор и широта интересов молодых людей. Отсутствие или узость интересов может привести к однообразным выяснениям отношений, которые часто оканчиваются абсолютно бессмысленными конфликтами.

А ведь силы нужны для того, чтобы строить отношения, что действительно трудно. Например, юноши не разбираются в особенностях психологии девушек, а девушки — юношей. Те и другие склонны предъявлять друг другу претензии, которые нередко по сути бесосновательны, так как факты обычно толкуются без учета внутренних побуждений. Или частный факт абсолютизируется, и на его основе делается вывод о свойствах всех сверстников противоположного пола. Судите сами: юноши-десятиклассники говорят о недостатках девушек: «Сплошные прихоти: не кури, не пей, чтоб танцевал только со мной», «С первого класса только и делаем, что интригуем», «Холодны, скрытны, неприступны», «Трудно с ними говорить», «Трудно найти общий язык. Одни намеки делают, а на что — непонятно».

А вот другой тип трудностей, мешающих «строить» отношения. Из письма московского десятиклассника: «Признаюсь, я разочарован в женском поле. Откуда у девочек такой прагматический подход к любви? Не успели познакомиться, уже спрашивают, а кто у тебя папа, и есть ли машина. Критерий оцен-

ки — куда можешь повести: в кафе «Мороженое» или куда-нибудь посольдней. И женятся по любви сейчас редко».

Но подобные же претензии предъявляют и девушки. Кроме того, по их мнению, у юношей вообще на первом месте не личность, а внешность: «упакованность», «свобода» поведения. Большинство юношей хотят, чтобы их любимые обладали внешностью «выше среднего». Что касается девушек, такие претензии высказывает лишь каждая пятая из опрошенных.

И наконец, самая простая «помеха», мешающая строить отношения, — неумение познакомиться, подойти первым, завязать контакт. У девушек же наоборот: никто не подходит, никто не знакомится. На танцах или в компании: юноши не приглашают девушек, девушки подпирают стенки. Почему? Юноша боится получить отказ.

А еще мешает «строить» отношения ревность.

Одни говорят: ревность — это пережитки. Другие наоборот: без нее нет любви.

Как же все-таки быть с ревностью? Заклеймить? Отменить? Приветствовать?

Вчитаемся в слова Александра Ивановича Герцена и задумаемся: «Радикально уничтожить ревность значит уничтожить любовь к лицу, заменяя ее любовью к женщине или к мужчине, вообще — любовью к полу. Но именно только личное, индивидуальное и нравится, оно-то и дает колорит, страстность всей нашей жизни. Наш лиризм — личный, наше счастье и несчастье — личное счастье и несчастье... Ни слез о потере, ни слез ревности вытереть нельзя и не должно, но можно и должно достигнуть, чтоб в них равно не было ни монашеского яда, ни дикого зверя, ни вопля уязвленного собственника».

А теперь затронем проблему, которая волнует практически всех старшеклассников (другое дело, что не все в этом признаются, а некоторые не признаются даже самим себе). Речь пойдет о сексуальной стороне отношений.

Чтобы человек мог сознательно строить свои отношения с людьми противоположного пола, чтобы он был счастлив в любви, в семейной жизни, ему необходимо понимание вопросов сексуальных отношений.

В юности половое влечение достаточно сильно, сознательное или неосознанное стремление его реализовать — тоже. А знания об этом часто искаженные. Источников информации, мягко говоря, очень мало, доступ к ним весьма ограничен. Обсуждать возникающие проблемы приходится лишь со сверстниками, чьи познания весьма незначительны и довольно путанны.

Проблемы начинаются уже в поисках ответа на вопрос, как соотносятся между собой любовь и секс. Для многих ответ на него выглядит однозначно и совершенно неправильно — любовь возвышенна, секс низмен, грязен, постыден и т. д.

Долгое время мне казалось, что подобные взгляды ушли в прошлое. Но вопросы старшеклассников, их письма, наконец, трагические ситуации свидетельствуют о том, что я был не прав.

Когда 15-летняя девушка серьезно спрашивает: «Существует ли чистая любовь?» (а такой вопрос задают многие старшеклассники), то сам вопрос уже содержит в себе утверждение, что всякая чувственная любовь «грязная». Отсюда и повышенный

интерес к этой сфере жизни иные старшеклассники склонны оценивать как «запретный».

Наряду с юношами и девушками, которые гипертрофируют физические аспекты сексуальности, есть и такие, которые всячески стараются отгородиться, спрятаться от них.

Одни стремятся подавить свои чувства. Это, как правило, не получается. Отсюда новый поток самообвинений и недовольство собой. Другие пытаются «защититься», убеждая себя и порой сверстников в том, что чувственность их не интересует, ибо она «неинтересна». Однако и в этом случае чаще всего результатом бывает не успокоение, а переживания.

В любви же воедино сливаются чувственное и духовное. С одной стороны, любовь — это потребность и жажда обладания. Это страстное чувство соответствует тому, что древние греки называли «эросом». С другой стороны, любовь — это потребность в бескорыстной самоотдаче, растворение любящего в заботе о любимом. Это то, что греки обозначали словом «агапе». Любовь-эрос, и любовь-агапе в каком-то смысле противоположности: первая стремится главным образом брать, вторая — отдавать. Вместе, и это главное, они разные полюсы одного и того же чувства.

Поэтому, хотя возможны половые отношения и без любви, подлинное удовлетворение они приносят только любящим. Просто это далеко не все понимают и знают. Более того, некоторые молодые люди могут даже не подозревать, что те сексуальные связи, которые, как им кажется, вполне их удовлетворяют, на самом деле неполноценны и не дают им того, что могли бы дать.

И когда спрашивают: «Что лучше — половое воздержание или связь без любви?», в самом вопросе заложена некая обязательность, заставляющая вступать в сексуальные отношения. Хотя и потребность такая действительно может быть, но решение вступить в половую связь — это нравственный выбор. А он всегда индивидуален.

Половая связь — это проверка на зрелость личности. Человек берет на себя ответственность за все последствия. Если девочка «от нечего делать» отдалась парню, а потом рассталась с ним и влюбилась в другого, а тот ожидал непренесенной девственности своей невесты, что тогда? А если в школе, в семье скандал: «Проститутка!» Она очень многим рискует, очень. И если уж принимает решение, то должна быть готова отвечать сама. Безопасности никто не гарантирует.

Опасность раннего секса прежде всего в том, что ранняя половая жизнь зачастую лишена глубокого чувства, она не более чем спорт. И такое отношение, легко закрепляясь, став привычкой, может привести к житейской драме.

Строго говоря, избежать риска можно только одним способом не влюбляться во все. Однако большинство людей такой путь не устраивает. Несмотря на понимание возможных негативных последствий, они предпочитают любить. И вступать в брак по любви. Поэтому никаких рекомендаций не будет. Любовь и все с ней связанное — тот случай, когда можно дать лишь один совет: «Решайте сами — иметь или не иметь».

СЕКСА у нас нет?!

Лев КУКЛИН,
писатель

Существует ли у нас, в стране сексуальные проблемы?

Вспомним не такой уж давний, ныне ставший анекдотически знаменитым, телестол «Ленинград — Сиэтл». На вполне невинный и искренний вопрос одной из заокеанских участниц передачи: а как, мол, у вас, дорогие русские женщины, с сексом? — тут же последовал столь же быстрый, сколь и нелепый, твердокаменный ответ: секса у нас нет! И сказано это было с легким покраснением лица и прерывистым от возмущения дыханием...

А ведь термин «секс» входит составной частью в такое понятие, как «сексуальная культура», и является естественной и неотъемлемой частью культуры обще-

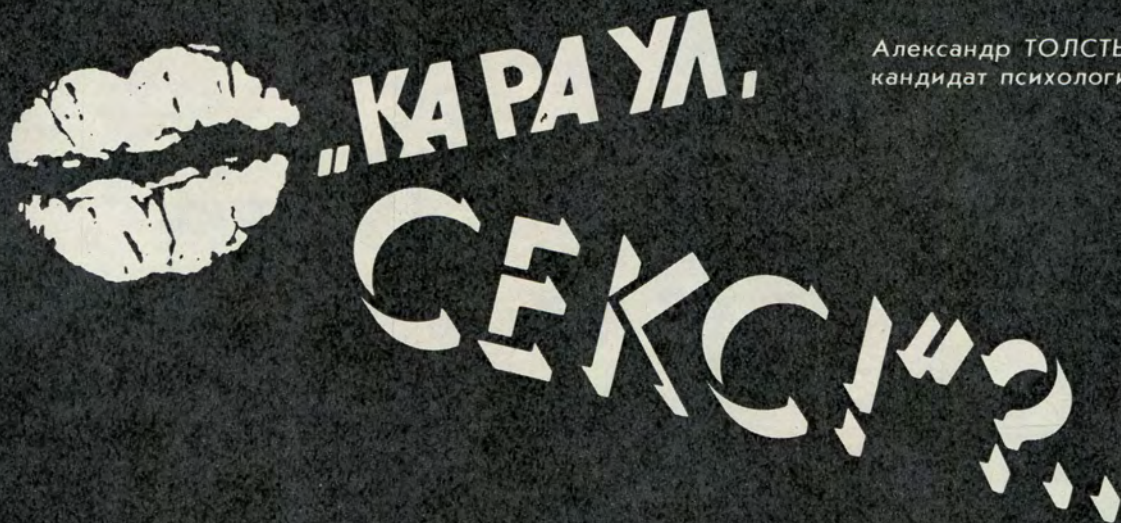
человеческой. И без владения некоторыми навыками этой древней культуры человек зачастую обкрадывает себя в области простого, обычного, житейского счастья...

Чего греха таить: у нас очень большое число неблагополучных семей, упорно тянется вверх кривая разводов. В крупных городах — Москве, Ленинграде, Киеве, Минске — по объективным оценкам специалистов на тысячу браков приходится примерно шестьсот разводов. Разумеется, причины разводов достаточно разнообразны, но из бесед с врачами-сексологами становится предельно ясно, что существенная часть разводов вызвана неудовлетворенностью в интимных семейных отношениях. И еще — полным не-

умением, отсутствием всяких навыков и знаний...

Но, это, так сказать, проблемы взрослые. Только начинаются-то они гораздо раньше, чем мы с вами решаемся в этом признаться. Вот наши школьницы-акселератки, ученицы восьмых-десятых классов... Сколько же из них беременеют, делают полуподпольные аборты, рожают — и бросают детей?! Сколько за этим стоит личных и семейных проблем, трагедий, изломанных жизней?

В Швеции — нашей северной соседке, стране со схожим климатом и нормальным, так сказать, темпераментом, — с двенадцатилетнего возраста ведется в школах специальный курс, в котором не стыдятся учить детей именно культуре сек-

Александр ТОЛСТЫХ,
кандидат психологических наук

«Маленькая Вера» наделала большой шум. Вроде шкодливого ребенка, надувшего пустой пакет и — трах! — надухом задремавшего родителя.

Общественность, спросонек не разобравшись, ударила в колокол — караул, наших деток развращают! Троянский конь порнобизнеса уже топчет родные нивы и поля! Все на борьбу с обнаженной натурой!..

Тут дело вкуса. Кому что нравится. На мой взгляд, если молодому человеку нравится «Маленькая Вера», то это

скорее признак нравственного здоровья, того, что еще не все потеряно у наших потерявшихся юных поколений. Но если умеренные пуритане — родители еще способны относительно спокойно воспринять нелицеприятную правду об идиотизме собственной жизни, то, что касается некоторых сцен...

Вот об этом и поговорим. О так называемом сексе на нашем экране. И о том, какое влияние вышепоименованное явление оказывает на растущие души. Непосредственным поводом для размышления

послужили фильмы, увиденные на XVI Московском международном кинофестивале. Впрочем, о фильмах чуть ниже, а сначала — несколько размышлений общего плана.

Сексуальная революция на Западе не обошла стороной советского читателя: ему были сообщены масштабы и душевнораздирающие подробности. Вместе с тем проблема взаимоотношения полов на «внутреннем рынке» тщательно замалчивалась.

Литература, театр и кино, публичные

суальных отношений, в том числе — грамотным пользованием противозачаточными и предохранительными средствами. Это извращает и самих детей, и их родителей от массы непоправимых сложностей. «У нас, — сказала мне женщина-директор шведской школы, — школьница в тринадцать лет может забеременеть только от собственной глупости!»

А как вам понравится, к примеру, такой веселенький плакатик, расклеенный на улицах Хельсинки: бабушка с хорошо уложенными седыми волосами провожает внука, может быть, — в школу, может быть, — на любовное свидание... Обе улыбаются во все свои тридцать два — шестьдесят четыре зуба, внучка машет бабушке рукой... А текст этого плаката гласит: «Муйста кондоми!»

Поскольку, я полагаю, не все из читателей сильны в языках финно-угорской группы, я перевожу это нехитрое послание: «Помни о презервативах!»

* * *

...Открылись в градах и весях видеосалоны и видеотеки, — так сказать, альтернативное кино... И как нетрудно догадаться, в них демонстрируют за неконвертируемые пока рубли все-таки не знаменитый приключенческий сериал «Ну, погоди!», а кое-что понаглядней, попривлекательней, то, что при дорогой импортной технике пользуется поистине непреодолимым спросом... Да-да! Появился даже осторожный юридический термин «эротические фильмы»: не будешь ведь сажать в тюрьму за демонстрацию всемирно из-

вестной... гм... порнографии каждого видеопрокатчика? А у нас же — хозрасчет!

И откровенно говоря — страшен вовсе не секс как таковой, не эротические фильмы. Неприятно и противоестественно, когда взрослый отец семейства, распустив слюни, с бегающими глазами сидит в таком видеозале, впитывая запоздавшую информацию, а дома оперативной хватается за ремень, когда его шестнадцатилетняя дочь собирается с подружкой туда же. Страшен не секс, а отсутствие сексуальной культуры!

* * *

Несмотря на огромное количество литературы «из столов» и раскрытых архивов — запрещенных, ошельмованных и возвращаемых в жизнь произведений прошлых лет, — современную повесть Владимира Кунина «Интердевочка» прочли все, как говорится, от пионеров до пенсионеров.

Первыми, кстати, откликнулись на публикацию в журнале «Аврора» и прислали благодарственное письмо в редакцию... известные московские «путаны». Красивое словцо — правда? И звучит гораздо приятнее и выразительнее, чем грубое известное русское слово или даже банальное — «проститутки»!

Итак, теперешние «жрицы любви» благосклонно оценили поднятый автором повести уровень проблем, пожарили кое за какие второстепенные промахи, но в целом — со своей профессиональной точки зрения — оценили повесть весьма и весьма положительно.

Зрелища всегда несли на себе печать самцензуры, предпочитая трактовать сексуальность скорее аллегорически, но никак не прямо. В последние же годы, в основном стараниями чиновников, и это дошло до крайностей. Наше стремление «повести нравственность» вышло далеко за пределы того, что создавали на 1/6 Земного шара.

Импортные книги и фильмы выходили с купюрами, даже если эротическое начало в них, как, например, в книгах Маркеса и Апдайка или фильмах Висконти и Феллини, несло смысловую нагрузку. Дети в школе не допускались в вопросе взаимоотношения полов дальше пестиков и тычинок, а сексуальные эксцессы в молодежной среде замалчивались как «нетипичные». Та немногая литература — советская и переводная — по проблемам пола, которая выходила к тому же крайне редко, печаталась мизерными тиражами и мгновенно расходилась явно не насыщая и сотую долю спроса. Лекторы, рискуя осветить сексуальную тематику, овладели оккультным языком эфемеризмов, стараясь говорить о чем угодно, только не о прозе взаимоотношений полов.

Тем не менее дети продолжали рождаться. И совсем не потому что народу открылось таинство непорочного зачатия.

Любовные страсти создавали браки, разрушали браки, образуя новые. При этом мотивом развода, вместо обычного «не сошлись характерами», стала уже допускаться — «сексуальная несовместимость».

Правда, они считают свой внешне привлекательный труд делом довольно тяжелым и искренне признаются, что не хотели бы, чтобы их дочери унаследовали занятие своих матерей...

Поэтому давайте поговорим о повести Владимира Кунина серьезно и спокойно. Подчеркиваю — именно о повести, а не о фильме с тем же названием, ибо литература и кино — это две разные области жизненного воплощения и соответствующих анализов.

Перед нами же, пожалуй, общественный обвинительный социальный документ. Почти документальный очерк нравов... Перед нами — история искалеченной человечности, или, если хотите, — история о бесчеловечной экономике.

Героиня «Интердевочки» Татьяна Зайцева — дорогая «валютная» проститутка. Тип личности, новый для нашей литературы. Мировая литература не оставляла своим вниманием женщин подобной профессии.

Но совершенно неожиданно изменилось общественное мнение: ежели раньше дамы с желтым билетом считались — единодушно! — обитательницами «дна», то теперь их способ достижения высоких заработков вызывает в определенных кругах нечто подобное уважению, если не восхищению!

Что за круги? А вот хотя бы так. По степени привлекательности этот вид современного индивидуального промысла у школьников старших классов (да простят меня родители!) стоит в первой десятке наиболее «престижных» профессий — где-то между стюардессой на междуна-

Многие считали за меньшее зло визит к сексологу, пытаясь повысить свою половую квалификацию и сохранить семью. Другие «сохраняли семью» еще проще, вступая во внебрачные связи с адекватными сексуальными партнерами. Все это происходило как обычно, но, всплывая на поверхность, вызывало ханжеские суждения о падении нравов у молодежи, хотя старшие сами часто были безгрешны.

Молодежь же явочным путем устанавливала свои нормы сексуальной жизни, широко практикуя, в частности, добравшую половую жизнь, недопустимую с точки зрения дедовских моральных норм. Сохранение невинности до брака сегодня уже не трактуется большинством как добродетель — скорее как атавизм.

Молчание вокруг вопросов секса в прессе, на радио и телевидении, в кино и театре, в литературе компенсировалось бурными обсуждениями в «кулуарах». Ловеласы хвастали своими сексуальными подвигами, поражая воображение вольных и невольных слушателей своим половым гигантизмом. Скромные подружки на девичниках не гнушались обмениваться сексуальным опытом, вплоть до обсуждения деталей.

И статистика то же подтверждает: по данным сексолога З. Рожанской, нынешние десяти-двенадцатилетние девочки лишь в 5 процентах случаев получают первую информацию о сфере интимных отношений в семье и немногим более 6 процентов — в школе. Для большинства (сверх 70 процентов) основным источ-

ником информации являются «более опытные» подружки сверстницы или девочки чуть постарше. Причем информация эта поступает, как правило, в примитивной, циничной и «разжигающей» форме. По данным того же исследователя, сексуальное просвещение к тому же серьезно запаздывает и в 75 процентах случаев начинается в 15 лет и старше, а иногда и опаздывает по отношению к первым сексуальным опытам. Даже к началу менструаций своевременно и надлежащим образом подготовлено не более половины всех девочек.

Логика — «придет время — узнают» — сохраняет удивительную живучесть в качестве «принципа» сексуального воспитания.

Новейшие изменения в советском обществе, в частности, расширение гласности при обсуждении любых социальных проблем, коснулись и вопросов взаимоотношения полов. На страницах «Литературной газеты» профессора В. Шубкин и И. Кон призвали к противодействию ханжеской морали в половом воспитании подростков. Слышится требование пересмотреть школьный курс этики и психологии семейной жизни. Недавно советское телевидение познакомило нас с семьей несовершеннолетних одеситов, воспитывающих своего первенца. Союз кинематографистов решительно воспротивился произволу в «редактировании» западных фильмов на нашем экране. Все это говорит, что в стене сексуальной контрреволюции пробиваются первые бреши.

Фото В. Школкина

родных линиях и заправщицей на бензоколонке...

В чем же новизна типа, описанного Владимиром Куниним?

Прежде проституцией, как правило, занимались от безысходности. Но Татьяна Зайцева — по своей основной, официальной профессии! — квалифицированная медсестра (сутки дежурства — трое суток свободных). И «подрабатывает» она именно в промежутках, вот в чем особенность.

Уверен, однако, что в высокоразвитых странах медсестре, получающей соответствующую квалификации зарплату, нет экономической необходимости прибегать к проституции в свободное от работы время...

И я уж не говорю о том, что ежелью проститутка вызывает не осуждение, а восхищение и зависть определенной части общества, — какова же тогда цена самому обществу?!

Валютная проститутка Татьяна Зайцева — жертва наших, уродливо искаженных «теневой» экономикой общественных отношений. Вот как об этом говорит сама героиня: «...Я каждое утро в институт в трамвае ездила и объявления в вагоне читала: «Курсы водителей... Обучение — четыре месяца. По окончании — зарплате от трехсот рублей и выше». А мне нужно было пять лет учиться, чтобы потом сто десять зарабатывать. Да пошел он, этот институт, знаешь куда!» Наконец-то мы стали признавать публично, что такая система оплаты «по труду» несправедлива, а значит — антиобществен-

на. И пока мы с вами не устраним причины, останется и следствие. Потому что уже сейчас школьницы и студентки, не имеющие возможности заработать на модный «прикид» честным путем, просят, шевеля губами, таксу проститутки, переводят свободно конвертируемую валюту в наши «деревяненькие» рубли или чеки и внутренне готовятся к решению...

И решение это не зависит от нашего с вами скудного школьного морализирования на примере письма Татьяны к Онегину, от наших пустых комсомольских призывов. Ирония повести: мать Татьяны — как раз учительница. А нравы диктует экономика! И в этом соревновании — увы! — Татьяна Зайцева побеждает Татьяну Ларину!

«Ну кто не торгует собой? Кто не стремится подороже продать свою профессию, свой талант? Кто не хочет получать вознаграждение за свои достоинства? Писатель торгуется с издательством, у художника покупают его картину, конструктор получает гонорар за изобретение... Это опять устами Татьяны говорит здравый смысл. Да, можно признать, что она не пример для подражания, не образец добродетели. Но ведь куда большее омерзение вызывает ее запойный отец, вымогающий у нее деньги, используя ее трудное положение. А швейцары и дежурные в гостинице? А бармен и шоферы, паразитирующие на ее деньгах?

Повесть «Интердевочка» заканчивается недвусмысленным «роковым возмездием». Но две смерти в конце повествова-

Последует ли за этим волна революционных изменений в сексуальной жизни советских людей? Вряд ли. Не в традициях это. Тем более, что подспудно произошедшие эволюционные изменения уже произвели кардинальную реформу в сексуальной сфере.

Итак, как я уже сказал, никакой сексуальной революции у нас ожидать не приходится. Зато — таков парадокс! — явно нарастает волна сексуальной контрреволюции № 2. И прежде всего в связи с кинематографом последних лет.

Спору нет: сбросившие путы тотальных запретов наши кинематографисты несколько переусердствовали с «обнаженной натурой». Авторам гневных писем в редакции и на студии нельзя отказать в правоте фактической: голых, голеных, полуголых, раздетых, полураздетых, пытающихся заниматься любовью и занимающихся любовью на экране в последнее время стало очень уж много. Впрочем, смотря с чем сравнивать. А сравнивать приходится с нашим же кино недавнего прошлого, в котором и целомудреннейший фильм Юлия Райзмана «А если это любовь?» рассматривался чуть ли не как покушение на нравственные устои. Правда, это было тридцать лет назад...

Может быть, в этом все дело. В том, что наше сверхконсервативное общество воспринимает нечто новое очень медленно. И то, что сегодня в той же «Маленькой Вере» кажется немыслимым, лет через десять будет смотреться как нечто само собой разумеющееся?

Ведь, скажем, то же западное кино, которое без должных на то оснований рассматривается отечественным обывателем чуть ли не как стопроцентная «порнуха», тоже не сразу нашло свой способ говорить на темы эротики. И визга зарубежных блюстителей нравственности — хотя бы в том же американском обществе — было предостаточно.

То, каким колоссальным трудом дался этот опыт американской кинематографии, наглядно продемонстрировала специальная ретроспектива «Эротика в американском кино», которая не без нездорового ажиотажа со стороны отечественной публики демонстрировалась в рамках кинофестиваля. Увиденное свидетельствует о том, как мучительно трудно, но твердо и решительно размежовывались две несомнимые линии: одна — тяготеющая к порнографии, вырожденной сексуальности и всякого рода мерзости, а другая — стремящаяся к искусству, к поиску прекрасного во взаимоотношении полов.

Особенно ярко это показывает лауреат Каннского конкурса этого года, фильм 26-летнего режиссера Стивена Содерберга «Секс, ложь и видео», который можно отнести к новому этапу раскрытия темы эротики — постсексуальной. Осмысливая некоторые итоги изучения взаимоотношений мужчины и женщины в современном мире, молодой режиссер (впрочем, он не один, можно назвать также фильм Роба Райнера «Когда Гарри повстречал Салли...») приходит к забавному выводу: нет секса — нет проблем!

Впрочем, проблемы есть. Именно потому, что никуда не денешься от факта существования человеческой сексуальности. И оттого, что сексуальность наших молодых людей, к сожалению, далека от высоких образцов, несмотря на то, что десятилетия, казалось бы, мы делали все, чтобы уберечь молодое поколение от нравственной порчи.

И доуберегались.

Изгоняя эротику с экрана, мы загнали ее на стены общественных сортиров, в подпольные порнозалы, на трубы теплоцентрали, где изнывающие от окружающей пустоты, молодые люди занимаются «самым доступным развлечением».

Так стоит ли пенять на кино? Может быть, перевести разговор в конструктивное русло? Оставить ложную дилемму — можно или нельзя — а заняться более насущным — как!

И тут нам действительно нечем похвастаться.

В свое время мы не купили американский фильм «История любви» — чистейшую историю любовного чувства, рассказанную с большей открытостью, чем это было возможно в предшествующие десятилетия; а своего ничего сделать не смогли. Впрочем, последнее утверждение скорее полемический задор, нежели правда: были и у нас прекрасные фильмы о любви. Но то было в прошлом, на уровне шестидесятых, семидесятых годов.

Новые времена требуют нового качества. А это новое качество не рождается на пустом месте, да к тому же при

ния доброй и беззащитной учительницы Зайцевой и ее дочери, бывшей проститутки, имеют разную мотивацию и разную, что ли, моральную ценность.

Самоубийство матери при ее высоких и неизменных нравственных критериях и логично, и оправданно («Честь — дороже жизни»), ибо она своей смертью так или иначе искупает, по собственному разумению, и свои, и дочерние грехи.

Случайная же гибель дочери в автокатастрофе — эффектная дань стремительно развивающемуся сюжету возмездия, а не внутренне неизбежный выход из жизненной ситуации. Потому-то нам с вами, родителям и воспитателям, гораздо важнее третий «конец», а точнее — начало. На место погибшей «интердевочки», как на боевой пост, тут же заступает другая — вчерашняя школьница, красавица Лялька, которая независимо от трагического финала предыдущей «красивой жизни» делает свой окончательный выбор: такса за профессиональный риск ее устраивает...

Воспитывать подрастающее поколение надо с открытыми глазами, не будучи циниками, но зная реальную рыночную цену самым рядовым вещам.

Иначе — не получится!

И вывод-то ясен любой пятикласснице, для этого ей даже не надо использовать ни дорогой компьютер, ни дешевый карманный калькулятор: занятие, о котором шла речь, отомрет само по себе только тогда, когда станет экономически невыгодным.

И наша с вами задача состоит в том,

чтобы как можно скорее приблизить эти экономические перемены. И тем самым привести, точнее — вернуть в нормальное состояние нравственность.

* * *

Мне сразу слышится тяжелая артиллерия возражений наших старых дев от педагогики: «А как же любовь?»

Стоп! Кто сказал, что сексуальная культура мешает любви?

Дело-то в том, что выяснилось теперь уже окончательно: воспитание любви у наших нынешних детей на примерах Катерины, Натальи Ростовой и уважаемой мною Татьяны Дмитриевны Лариной («Письмо Татьяны предо мною...») ни к чему не приводит... Вы только представьте себе, что думает по поводу этого самого письма сегодняшняя пятнадцатилетняя девица баскетбольного роста, у которой грудь, извините за подробности, распирает школьную форму! И нынешние школьники и «нехорошего» Мопассана-то в целях получения общих сведений не читают: они сразу переходят к практическим действиям!

Кроме того, давайте признаем со всей откровенностью: наши дети скептически относятся к нашим моральным критериям. Они вправе сказать нам с вами: вы наломали дров во всем: в политике, экономике, литературе и педагогике! Что вы тогда суетесь к нам с вашей любовью? Должно быть, и ее вы тоже выдумали!

Я достаточно поживший на белом свете человек, чтобы исповедально признаться: не будучи нынешним акселератором, тем

не менее — в 16 мальчишеских лет я познал противоречивые, сладкие и стыдные тайны того, что на библейском языке называется «первым грехопадением»...

И знаете — ничего!

Нынешние начинают раньше... И что с того? Их лучше кормят, в их тугих, налитых телах больше витаминов. Мы же с вами в этом — в известном смысле! — и виноваты... Так сделаем из этого спокойный и разумный вывод, как это сделали, к примеру, в той же Швеции: они в государственном порядке снизили разрешенный возраст вступления в брак. Теперь там можно стать мужем и женой в шестнадцать лет. И — никаких мучений, ложного стыда, никаких нравственных проблем ни для детей, ни для родителей. Ну а проблемы экономические... Помогает же мы нашим великовозрастным детям до тех пор, пока внуки в свою очередь не женятся!

Если уж не всем повезет встретить в своей жизни настоящую, «как в романах», для большинства непостижимую любовь, так постарайтесь же, по крайней мере, сделать так, чтобы сексуальная сторона наших отношений доставляла нам как можно больше радости и удовольствия!

ложных стратегических установках. Что касается «пустого места», то это не вполне справедливо. В начале восьмидесятых годов на наших экранах не без успеха прошел фильм И. Фрезы и Г. Щербаковой «Вам и не снилось» — современный парафраз на тему Ромео и Джульетты. Одновременно с еще большим успехом по экранам страны пронесся югославский фильм «Время любить» — еще более простая, даже примитивная история любви. Важно то, что оба фильма — повторы: пользовавшиеся благосклонностью молодой публики — были фильмами именно о любви, если можно выразиться «чистой». Значит, наш «рынок» вовсе не по-вально ориентирован на порнографию и насилие. И я уверен, что не одна, а десять «историй любви», причем пускай даже с сокровенными сценами, с восторгом примет наш зритель. И вряд ли такой поворот сюжета пагубно скажется на его нравственности.

Другое дело, что тот поток «секса», который заполнил наши видеозалы, да и проникший на большой экран, носит весьма специфический оттенок: он практически всегда является «сексом ради секса», «клубничкой» и почти наверняка связан с насилием! Это заметил С. Говорухин

в своей статье «Жуть!», опубликованной «Советской культурой», но вывод сделал, как мне кажется, неверный: «Мол, им, там, на Западе все это смотреть можно, а мы — не доросли... Господи! И не дорастем ведь! И дело не только в традициях.

В очередной раз приходится вспоминать банальную истину о том, что «правда жизни» и «правда художественная» не совпадают стопроцентно: между ними есть общность, но и есть различие. Сегодня мы трактуем этот вопрос слишком любовно: все что в жизни — на экран! Отсюда столько откровенной «чернухи»! Я готов мужественно взглянуть правде в лицо и, может быть, согласиться с резонансностью тех, кто утверждает, что у нас сегодня изнасилования случаются чаще, чем красивая, взаимная любовь! Но я против того, чтобы этот тезис ежеминутно доказывать с помощью дальноточной киноартиллерии.

Теперь, в заключение, я попытаюсь подвести некоторые итоги и внести окончательную ясность в свою позицию, дабы не случились кривотолки. При таких чувствительных темах это не исключено.

Итак, я считаю, что нам не удастся — и не нужно стараться — вернуться к оскотинному эротизму нашего кино недавнего

прошлого. Хотим мы этого или не хотим — не удастся: мы уже слопали запретный плод познания! Опыт мировой кинематографии показывает, что эротическая тема дается нелегко и постижение не исключает болезненных моментов, — той же порнографической чумы, которая так же близко относится к эротике в искусстве, как публичный дом к детскому саду! Это, простите, надо различать! Придется! Если мы не хотим идти по пятам былого ханжества, бичевавшего Флобера и Л. Толстого, — тоже мне нашли «порнографов»! Впрочем, чтоб потом не было стыдно, надо научиться взвешенно оценивать и это непривычное явление.

И еще, если мы серьезно вознамеримся бороться с дурной продукцией видеозалов, представляющих любовь человеческую по преимуществу как занятие скотское, то нам надо подумать не только о том, как урезонить этих не в меру ретивых дельцов (по сути кинопиратов — ибо они нарушают права владельцев фильмов), но и о том, чтобы на наших экранах чаще появлялись добрые фильмы о любви! — И пускай там будет секс — лично я в этом ничего страшного не вижу.

Поэтому призываю: не кричи — секс! Сначала разберись в чем дело!

Г. ЦУКЕРМАН,
В. СЛОБОДЧИКОВ
кандидаты психологических наук

МЫ, ВЗРОСЛЫЕ, И ОСТАЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Встреча с «Учителем» и «Умельцем»

Окончание. Начало — в № 11, 12
за 1989 год и № 1 за 1990 год

Любящие и понимающие взрослые («Родители» и «Мудрецы») напитают ребенка доверием к жизни, стремлением к делам и знаниям, спокойной верой в свои возможности. Такая вера воистину творит чудеса: а без нее самореализация просто невозможна. Но все же только этих двух встреч мало: воплотить свои возможности, найти себя в море дел человеческих ребенок не сможет без общения с «Умельцами», которые передадут ему свои качества, и с «Учителями», которые научат его учиться всему на свете.

Устойчивую, житейски-важную часть опыта ребенок может получить от взрослого — «Умельца», перенимая его умелость, но ничего не меняя в ней. Способность же меняться (менять себя) он приобретает в общении со взрослым — «Учителем». Позиция «Учителя», который не снабжает юные умы готовой пищей, а учит ее добывать самостоятельно, диловина для сегодняшней школы и безнадежно спутана с позицией «Умельца». Чтобы яснее понять, что такое чистое учительство, представим его ценности и смыслы предельно обостренно. Если бы перед «Учителем» стоял жестокий выбор: учить детей учиться или научить их грамотно писать, то «Учитель» выбрал бы первое, справедливо полагая, что человек, умеющий учиться, всегда окажется способен освоить орфографию — стоит к этому возникнуть настоящей необходимости. Например, когда она с иронической усмешкой вернет его безграмотное любовное послание, или когда нужно будет писать сочинение на приемных экзаменах в университете...

По счастью, жизнь не ставит взрослого перед столь жестким выбором, позволяя с одними и теми же детьми общаться и как с учениками, которых он, «Учитель», научит учиться и совершенствовать себя, и как с неумейками, которых он, «Умелец», снабдит любыми навыками. Почему мы так заботимся о различении того, что слито самой жизнью: два типа обращения одного и того же взрослого к одному и тому же ребенку? А потому, что

образ действий, задачи «Учителя» и «Умельца» — разные! Вас же не смущает, что для содержания в порядке одной и той же одежды нужна и стиральная, и швейная машины? И невозможно одновременно и с помощью одного и того же устройства постирать и ушить рубашку. Так же точно не стоит одновременно и одними и теми же приемами учить ребенка слушаться и сомневаться, копировать и творить новое. Не различая разных форм общения с ребенком, не мудрено какую-то утратить и лишит детей либо умелости, либо самостоятельности.

И все-таки, что значит «умение учиться» и чем отличается оно от «умения» читать, писать, решать задачи, петь, играть в футбол? Этот вопрос — едва ли не роковой для современной педагогической системы, которая не видит этого различия и потому, обучая детей всевозможным навыкам (трудовым, спортивным, художественным, интеллектуальным...), — не учит их учиться. Раньше, освоив отцовское и дедовское ремесло, мастер мог всю жизнь лишь оттачивать свое мастерство; ничто не вынуждало его переучиваться. Теперь, в стремительно меняющемся мире, такая стабильность немислима ни для одной профессии; вот почему, чтобы войти в современную культуру и развивать ее, образование должно быть непрерывным и пожизненным.

Жутковатый образ цивилизации, в которой учиться умеют только избранные, нарисовал А. Азимов в рассказе «Профессия». В ту фантастическую эпоху и обучение стало фантастически быстрым и легким. Педагогическая революция произошла, когда изобрели образовательные ленты — устройства для мгновенного запечатления в мозгу любого количества информации. Не правда ли, предел мечтаний: знания вгоняются в мозг раз и навсегда, мигом и безболезненно? Их можно сколько угодно пополнять. Правда, их уже нельзя изменить, пересмотреть... Но так ли это важно?.. И лишь несчастных слабоумных продолжали учить по старинке: с помощью книг, из которых знания добываются мед-

ленно, по крупицам. И не все сразу становится понятным, приходится перечитывать, переспрашивать. А многое забывается, приходится перепроверять себя...

Отчаянье и острое желание «быть как все», получить нормальное образование и специальность переполняет героя рассказа Азимова — юношу, который удра из приюта для слабоумных и с завистью смотрит, как его сверстники, окончившие «нормальные» учебные заведения, получают распределение на работу и, переполненные знаниями, бодро устремляются во все закоулки Вселенной. Обделенный юноша мечется в поисках образовательных лент. Но кто их создает?.. И в самом деле, чтобы создать новую ленту, нужен человек, свободный от груза готовых и намертво впечатанных знаний прежних лент; нужен человек не просто осведомленный, но самостоятельно мыслящий, способный критически отнестись к собственным знаниям, переосмыслить их... Где берутся такие люди, если все вокруг наполнено самыми новыми, но уже закостеневшими идеями и сведениями? А может быть, те, кто с трудом продирается сквозь книги... Так, дойдя до края отчаяния, юноша вдруг постигает, что приют для слабоумных — это высшая школа интеллектуальной элиты, где лучшие головы эпохи собраны и защищены от готовых мыслей.

Фантастика? Да, но, увы, «подтвержденная жизнью»... Мы ведь еще и распрощаться не успели с другой фантастической эпохой, когда поколение за поколением с молодых ногтей пропитывалось «самым передовым мировоззрением», «единственно правильным учением»... И только техническая недоразвитость, отсутствие аппаратуры, вливающей эту непоколебимую веру, знание в каждую извилину мозга, объясняют воистину фантастическую стойкость заразы свободомыслия.

Но не будем кидаться из одной педагогической крайности в другую. Еще жив, но уже не так страшен высмеянный Ю. Кимом ретрôград от педагогики: «Я им говорю, дескать, так-то и так-то, мол. А если не так, значит, ложь...» Но сколь бы критичными и самостоятельными мы ни мечтали видеть нынешних учеников, все же «творческое разнообразие» в написании слова «корова», честно говоря, огорчает. Приятно, когда на вопрос: «Сколько будет дважды два?» — первоклассник, уже понимающий относительность любого знания, спрашивает: «А в какой системе исчислений?» Но еще приятней, если хотя бы в десятичной системе юный релятивист считает легко, не тратя умственных усилий на то, что можно делать автоматически. Приятно встретить ребенка, который изобрел собственную письменность и при этом наизубок знает русский алфавит...

Есть еще один — внешне видимый критерий отличия *ученика* (того, кто умеет учиться) от *школяра* — обладателя знаний и умений. *Знатоки* и *умельцы* хорошо отвечают на любые вопросы. Ученик *умеет спрашивать*. «Он тот, кто спрашивает с парты» — вот характеристика ученика, данная Мариной Цветаевой. А ведь — вгля-

дился — мы то привыкли, что ученик — это тот, кто *отвечает* на вопросы учителя. Если он отвечает хорошо, то он хороший ученик. А по смыслу учебной самостоятельности, все как раз наоборот: ученик — тот, кто интересуется и спрашивает, а получив ответ, сомневается и спрашивает дальше, ведя взрослого за собой, побуждая «Учителя» учить, а «Умельца» раскрывать секреты мастерства. Ребенку, как и всем людям, нужны и устойчивость знаний, и неизменность действий, придающих миру упорядоченность, но и способность меняться, перестраивать свои взгляды и привычки, необходимая в быстро меняющемся мире.

Попытаемся узнать «Учителя» и «Умельца» по плодам их.

«Учитель» для дошкольников — это тот взрослый, который поддерживает ребенка в естественном для него состоянии неутомимого Почемучки, будит и дразнит детское любопытство, используя для этого весь арсенал народной и современной педагогики: загадки и небылицы, угадки и дразнилки, игры в Незнайку или Инопланетянина, стихи и анекдоты, обыгрывающие самые привычные слова, делающие их забавными и странными, тот, которому все непонятно в нашем мире. Всё-всё, что удерживает удивленный взгляд ребенка на мир, все, что противится окостенению, догматизации, однозначности. Ведь любопытство — это здоровая реакция на новизну. Не загасит искру любопытства, но и не обольщется по части истинных познавательных интересов и не форсировать развитие дошкольника в сторону сверххраненной интеллектуализации — вот в чем состоит правильность позиции «Учителя» при встрече с дошкольником. Милая прихотливость и еще не досадная эгоцентричность детской логики неожиданно точно сформулирована в песенке А. Галича: «Говорят, что где-то есть острова. Где четыре не всегда дважды два. Считаю хоть дослепу — одна испарина. Лишь то, что по сердцу, лишь то и правильно». В этом — весь дошкольник при встрече с «Учителем».

В японском детском саду после того, как малыши нарисовали свои первые нарциссы, группа рассматривает все рисунки и выбирает для общего букета цветы самые чистые и свежие. В таком взгляде на свои и чужие рисунки — начало эстетического подхода. Но задает вопрос, впервые обращающий глаза ребенка на себя и на других, как что-то мне выразивших — именно «Учитель»! И хитрость учительского вопроса в том, что он лишь помогает ученику «обернуться», приглашает видеть по-новому, но в принципе не может показать, как это делать. Способ нового видения каждый обретает сам и сам же рассказывает другим о секретах своего мастерства. Своими вопросами «Учитель» как бы раздвигает плотную ткань живого действия, высвобождая в ней зону «чистого обучения», но никогда не заполняя ее своим авторитетом.

Место встречи дошкольников с «Учителем» в схеме условно названо «студией» — музыкальной и художественной, танцевальной, и спортивной, рукодельной и театральной, которые, к великому сожалению, сегодня превратились в чистые специализированные школы.

А с «Умельцем» дошкольники общаются на каждом шагу. Здоровье и нормаль-

но развитое дитя само стремится к новым знаниям и умениям: все трогает и развивает, обо всем спрашивает, перенимает все, что делают окружающие взрослые. Мама стирает, ребенок тут же пристраивается с тапком; папа берется за молоток, и сыну тут же понадобилось что-то срочно приколотить. Родители сквернословят, и дети тут же... получают по губам. Такое стихийное и повсеместное «пропитывание» ребенка находящимися во взрослом обращении и нужными в совместной жизни навыками заполняет все дошкольное детство и часть школьного.

Итак, «Умелец» — это тот, кто погружает ребенка в действие и учит действовать; та самая, популярная немецкая телевизионная игра — «Делай с нами, делай, как мы, делай лучше нас!» Стоит лишь сопоставить «студию» и «мастерскую», где ребенок, встречаясь с «Умельцем», не учится рисовать, а уже рисует, — и различие в позиции обретет наглядность. Художник, стоящий за мольбертом в мастерской, — вот идеальный инициатор художественной самостоятельности дошкольников. Буквальное копирование, *уподобление* позы живописца, его выразительным движениям кистью, его манипуляциям с привлекательными тубками и баночками — вот игровое начало собственного рисования ребенка. «Умелец» не рассказывает малышу, как вести линию; он вкладывает карандаш в детскую ручонку и ведет ею по листу, радуясь вместе с ним тому, что получается, а затем и поручая ребенку часть совместной их работы. Подмастерье — это всегда серьезный соучастник работы мастера.

Если всмотреться в стрелочки нашей схемы, описывающие главное направление инициативы во встречах ребенка и взрослого, то пора расцвета ученичества определяется без труда: это возраст подростковой инициативы. На границе дошкольного и школьного детства происходят те важнейшие события в самосознании ребенка, в его отношениях с самим собой, которые делают возможным истинное ученичество — это вечное устремление от «я — настоящего, сегодняшнего», — к «я — возможному, завтрашнему». Теперь и песенка А. Галича поется по-другому: «Говорят, что где-то есть острова. Где четыре — как закон — дважды два. Кто б ни указывал иное гражданам, Четыре — дважды два — для всех и каждого».

«Ученик» (спрашивающий и сомневающийся) → «Учитель» (побуждающий искать и не довольствоваться полуправдами) — вот идеал подлинного учебного сотрудничества взрослого и подростка. Не стоит, да и бессмысленно за уши тащить человека к само-совершенствованию, составляющему суть ученичества.захотеть менять-ся, расширить круг своих знаний и способностей человек может только сам! Помочь же желающему учить себя — узнать это желание и исполнить его — дело «Учителя».

**Отрок, умеющий учиться, по-новому об-
щается и с «Умельцем».** Подражая образ-
цам умелости, он способен сам опреде-
лить, что у него получается хорошо, что
совсем не получается, какой сноровки не
хватает и как ее получить. Но оконча-
тельный итог каждой встречи подростка с
«Умельцем» (итог, от которого почти все
взрослые взрываются и негодуют) таков:

«Я узнал, как ты это делаешь. У меня даже
получается. А теперь я сам решу, нужно
ли мне это знание (умение). И тогда
начну (или не начну) в нем совершен-
ствоваться». Раздражающий итог, тяжкое
требование? Но не признавать за отрочес-
том права самостоятельного выбора — зна-
чит лишить подростка возможности делать
его *главное дело*: пробовать себя во всем
разнообразии человеческих занятий и оп-
ределять границы своих притязаний и вку-
сов, своей способности — само-определять-
ся. И взрослые «Учителя» и «Умельцы»
для того и нужны подростку, чтобы рас-
спрашивать, их и, примеряя к себе ответы
взрослых (не только словесные), дорастать
до самих себя, находить себя, свои пути
во всех закоулках культуры.

Вот только где учить себя учиться и про-
бовать себя сегодняшнему отроку?! Конечно,
до 10—12 лет хватит ему доверчивой
влюбленности для встречи с взрослым в
классе, в пришкольном огороде, в школь-
ной мастерской, оборудованной по луч-
шим мировым стандартам эпохи Петра I.
...А дальше? Оставим ответ для тех, кто
превратил современный институт образо-
вания (школу) в место не встреч, а «выпа-
са» детей на период рабочего времени ро-
дителей.

На границе своего настоящего и будущего
**юность встречается со своими «Учите-
лями» и «Умельцами».** Молдые люди,
подводящие итоги подросткового самоопре-
деления, делающие окончательный выбор
образа жизни, своего воззрения на мир,
профессии, ценностей, устремленностей, во
все времена были неким бродильным на-
чалом общественной жизни, олицетворяя
ее порывы, устремления, веяния. Юность
с ее вечными порывами, неудовлетворен-
ностью, максимализмом требований подоб-
на фигуре рационализатора, вносящего
вечную смуту в устойчивое производство.
И от того, хотя ли взрослые менять свой
миропорядок или надеются, что юность,
перебесившись, впишется в привычный
образ жизни, зависит смысл встречи
«Учителей» и «Умельцев» с молодежью.

В стабильных обществах юношей вводят
в их культурное наследство, загружают
незыблемыми знаниями, устоявшимися
традициями. В так называемом «обществе
прогресса» — нашем обществе — место
встречи юности с «Учителями» — это об-
ласть *новых теорий, сейчас рождающихся*
идей. И не случайно лучшими и люби-
мейшими учителями юношей становятся
ученые, работающие, творящие, приходя-
щие в аудитории и лаборатории с «передне-
го края науки», притягивающие студентов
(а в идеале — и старшеклассников) к
точкам роста, а не омертвления живого
древа познания. Место встречи юности с
«Умельцами» — тоже на границе рутинно-
го производства и мира новых технологий,
в области внедрения и изобретательства.
Соучастие юных в продуктивном произ-
водстве — условие истинного профессиона-
лизма и творческого роста в зрелые годы.

**Нужно ли встречаться с «Учителями»
и «Умельцами» взрослым?**

Нужно ровно в той степени, в которой
каждый взрослый, являясь «Учителем» для
самого себя и собственных детей, хочет
утвердиться в учительском отношении с
людьми, обогатиться приемами и техни-
ками. Или, являясь «Умельцем», — усOVER-

ТОЧКИ ВСТРЕЧИ ВСЕХ ПОКОЛЕНИЙ

Какой взрослый тебя встретит?	Кто инициатор встречи	взрослые ↓ дети	взрослые ↓ подростки	взрослые ↓ молодежь	взрослые ↓ старцы
Родитель	Где они встречаются?	усадьба семейный дет. сад	семейный лагерь	дом и мир	дом
	Что они делают вместе?	живут друг для друга	проигрывают половозрастные отношения	строят общую жизнь	заботятся, помогают друг другу
	Что получается?	оживление, одушевление	половозрастная персонализация	новая встреча с родителями, осознание Рода	ценность жизни старших
Мудрец	Где они встречаются?	усадьба, семейный дет. сад.	«беседка»	???	родительский клуб
	Что они делают вместе?	любят и принимают друг друга	беседуют о подростке	исповедуются, решают проблемы мировоззрения	решают педагогически проблемы
	Что получается?	базисное принятие мира	самопознание, самопринятие	смыслы жизни	детоцентричное сознание, пед. творчество
Учитель	Где они встречаются?	студия	класс	лаборатория, аудитория	образовательные центры
	Что они делают вместе?	совместно любопытствуют, «задачиваются»	дискутируют	совместно создают новые идеи, идут в неизвестное	пед. консультация
	Что получается?	смыслы человеческих деятельностей	умение учиться	опыт творчества, проблемное мышление	педагогизация сознания взрослых
Умелец	Где они встречаются?	мастерская	???	развивающееся производство	производство, выставка, живой музей
	Что они делают вместе	трудятся для других	пробуют свои силы	внедряют и изобретают новые технологии	проф. труд, праздники, конкурсы...
	Что получается?	навыки	умелости	способности, проф. умения	профессиональное самоутвер- ждение, мастерство
ВЫХОД ИЗ ВСЕХ ПОЗИЦИЙ	место действия: мир	смысл действия: свободное общение свободных людей			результат: кайф, блаженство

Условные обозначения: ??? — отсутствие соответствующего места в нашей культуре.

шенствоваться в своей умелости, самоутвердиться в мастерстве.

С «Учителями» взрослые встречаются во всех образовательных учреждениях. На языке нашей схемы живые родители и учителя встречаются на границе родительской и учительской позиций, присутствующих в каждом взрослом. Зачем? В идеале — чтобы тем и другим «стать лучше». В жизни — чтобы конфликтовать. Сегодня конфликты «семьи и школы» не прекращаются потому, что «нейтральная полоса» между школьной позицией «Учителя» и домашней позицией «Родителя» слишком широка и ничем не заполнена. Но как только кто-то (с любой стороны) на нее забредет, другая сторона открывает огонь. Стоит учителю вмешаться в дела семьи, травмирующей ученика, ему, как правило, предлагается «заняться своими прямыми обязанностями». И наоборот: редко добром кончается попытка родителей обсудить с учителем какие-то недоразумения, ранящие родительское сердце. Сокращение «нейтральной» полосы возможно лишь пазимное, с двух сторон! А мирное установление «открытых границ» должно стать основным содержанием педагогических консультаций. Тогда их результатом для каждого взрослого станет взаимопроникновение и синтез позиций «Родителя» и «Учителя», тот синтез, который лежит в основе подлинного педагогического сознания. Ведь для ребенка просто небезопасна ситуация чисто родительских отношений со взрослыми дома и чисто учительских отношений в школе. Так закаляют сталь, но раскаляют, расщепляют сознание.

Встреча взрослых «Умельцев» (а все взрослые в чем-то являются «Умелцами», но не все это знают) — важное условие профессионального самоуважения, этой основы душевного здоровья в зрелые лета. Дилетанты, люди, не нашедшие своего призвания, занимающие не свое место в жизни — это социальные больные, для лечения которых нужны особые общественные формы жизни, где можно дотянуть себя до подлинного самоутверждения в собственной умелости.

Для акцентирования этой умелости профессиональному труду необходимо придать несколько демонстративный характер, специально подчеркивающий не результаты труда, а само мастерство. Всяческие производственные праздники, живые выставки, конкурсы мастеров — это формы любования трудом, а не только его продуктами, любования для всех — и для старших, и для младших. И эти формы необходимо множить не только для собственного благополучия взрослых, но и для нормальной общей детско-взрослой жизни. Острую ненормальность в отношениях детей с собственными родителями — «Умелцами» мы почувствовали, когда стали расспрашивать младших школьников о работе их пап и мам. «Что делает мама на работе? — Работает»; «Что делает папа на работе? — Зарабатывает деньги» — таков типичное представление детей об умелости их ближайших взрослых.

* * *

Мы исчерпали все заданные схемой отношения взрослых к людям всех возрастов. Осталось прочесть лишь послед-

нюю строку. «Выход их всех позиций» может быть понят двояко.

Одни усмотрят в нем временное освобождение от ответственности, возможность расслабиться и «побалдеть», паузы в жизни, которые, как речевые паузы, нитируют главные события, но не составляют их смысл. Впрочем, затянувшаяся пауза, молчание — это очень выразительное речение, и, как есть великие молчаливики, так есть и идеологи вечного кайфа.

Другие поймут «выход из всех позиций» как высший уровень внутренней свободы; но свободы не от груза ответственности, а от тех ограничений, которые накладывают на любые реальные обстоятельства их жизни условности, привычки, собственная капризность. Тогда «выход их всех позиций» — это место встречи людей, достигших в личном развитии уровня внутренней свободы и более всех способных к полной и подлинной человеческой близости. Правда, тогда слово «кайф» (кейф), означающее отдых, досуг, приятное безделье, следует заменить каким-то другим именем — например, «блаженство». Впрочем, все слова здесь достаточно произвольны, ибо лишь указывают на высшие состояния духа, но не рассказывают, в чем они.... Оба прочтения последней строки схемы допустимы: а вдобавок они очень точно отражают Ваше представление о счастье.

* * *

А теперь всмотритесь в схему «Точек встречи» и отнеситесь к ней как к проекту нормальной общей жизни всех поколений по всему пространству мира человеческого. Наша педагогическая утопия — не «светлое будущее», а способ зарождения и возрождения полуразрушенных, умерших детско-взрослых общностей. Детоцентричный мир пластичен, при-роден каждому из нас, открыт на встречу... Готовы ль мы откликнуться — уже не зову — крику!? Готовы ль выйти из лабиринта камер: квартира — улица — контора — улица — квартира..., где не с кем встретиться, потому что камеры — место не для встреч, а лишь для отбывания жизненного «срока».

Нашли ли и найдете ли вы место на нашей карте, которое сулит вам наибольшую уладу, где вы чувствуете себя комфортно, уютно, защищенно? Если в этом месте вы хотели бы оказаться ребенком, чтобы по-другому, полнее пережить собственное взросление, то здесь, скорее всего, область неизжитой травмы. Компенсация душевных травм, пережитых в детстве, возможна, если вы рискуете вернуться в место травмы уже взрослым, чтобы прожить новую встречу уже с своими собственными детьми. Но, может быть, в какой-то точке встречи вы хотите оказаться взрослым — тогда легко понять, к какой из взрослых позиций тяготеете. А теперь посчитайте: в скольких точках встреч вы побывали, пожили и будучи взрослым, и на пути взросления — так можно измерить полноту собственной жизни среди людей.

И, не правда ли, теперь — по такому окончанию нашей встречи на страницах «Семьи и школы», более всего напоминающему цыганское гадание и рубрику «Знаете ли Вы себя» из дамского журнала, — можно разоблачить сверхсерьезность

нашего повествования. Так что же такое сей пестрый вымысел: озорство, шарлатанство, обыкновенный гипноз или простая правда? Как вам угодно... Кстати, ваша оценка тоже может многое вам сообщить о вас самих.

Фото Е. Стецко

Ю. ГИППЕНРЕЙТЕР,
доктор психологических наук

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

«Я буду очень беспокоиться...»

Продолжение. Начало в № 9—12
за 1989 год, № 1 за 1990 год

Сегодня мы начинаем знакомиться со следующим очень важным правилом вашего общения с ребенком. Психологи назвали его посылкой «я-сообщения».

Применять этот способ нужно в тех случаях, когда проблема возникает не перед ребенком, а перед родителями.

Подходя к дому, вы натываетесь на собственного сына: лицо измазано, пуговица оторвана, рубашка вылезла из брюк. Проходящие соседи оглядываются, улыбаются, а вам немного стыдно. Однако ребенок ничего не замечает: он рад встрече с вами.

Малыш с энтузиазмом возит по полу свою машинку. Вы торопитесь на работу. Он мешает, путается у вас под ногами, одним словом, раздражает.

Подросток включил магнитофон «на полную катушку». И не в первый раз. Вас это утомляет, а то и возмущает.

Как реагировать в подобных случаях?

Когда ребенок вызывает у вас своим поведением отрицательные чувства, *лучше всего ему о них сказать*. При этом очень важно — как это сделать. Желательно, чтобы оно было сделано от первого лица, и в нем говорилось о *вас*, вашем состоянии, вашем впечатлении или переживании, а не о *нем*, не о его поведении.

— Я не люблю, когда дети ходят расстрепанными.

— Мне трудно собираться на работу, когда под ногами кто-то ползает и мне приходится все время спотыкаться.

— Меня очень утомляет громкая музыка.

Заметьте, все эти предложения содержат местоимения первого лица: я, мне, меня. Поэтому они и называются «я-сообщениями».

Вы могли бы сказать иначе:

— Ну что у тебя за вид!

— Перестань тут ползать, ты мне мешаешь!

— Ты не мог бы потише!

В таких высказываниях используются: ты, тебя, тебе. Поэтому они и называются «ты-сообщениями». Их желательно избегать.

На первый взгляд, разница между «я-» и «ты-сообщениями» невелика. Больше того, вторые более привычны и более «удобны». Однако, как показывает практика, на них ребенок отвечает отрицанием, защитой, обидой.

Почему? Потому что каждое «ты-сообщение», по сути, содержит выпад, обвинение или осуждение ребенка.

Вот типичный диалог:

— Когда ты, наконец, начнешь убирать свою комнату?!

— Ну, хватит, мам. В конце концов, это моя комната!

— Как ты со мной разговариваешь?

— А что я такого сказала?

Давайте посмотрим, какие преимущества имеет «я-сообщение» по сравнению с «ты-сообщением».

Во-первых, оно позволяет выразить свои негативные чувства в необидной для ребенка форме. Некоторые родители считают, что во избежание конфликтов следует подавлять вспышки раздражения и недовольства. Это мнение ошибочно. Подавленные чувства имеют свойство накапливаться и рано или поздно прорываются. Лучше не доводить до этого. Кроме того, ведь ребенок чувствует ваше недовольство: оно просачивается через интонацию, мимику, жесты и даже ваше молчание.

Во-вторых, «я-сообщение» дает возможность детям ближе узнать своих родителей, а также их истинные чувства в данный момент. Нередко родители закрыты от детей броней «авторитета», который они стараются поддерживать. Они как бы носят маску непререкаемого воспитателя и боятся ее хотя бы на миг приподнять. Порой дети поражаются, узнав, что родитель может вообще что-то чувствовать! Это производит на них неизгладимое впечатление. Главное же — делает родителя ближе, человечнее.

Недавно я слышала, как одна мама говорила по телефону с десятилетним сыном. Мама (педагог по профессии) рассказывала ему о том, как трудное для нее занятие прошло очень успешно. «Ты ведь знаешь», — говорила она, — как волновалась я сегодня утром. Но все кончилось хорошо, и я очень рада! И ты рад? Спасибо! Было приятно наблюдать такую эмоциональную близость между мамой и сыном.

Когда мы искренни в выражении своих чувств, дети становятся искреннее в выражении своих. Это еще одно преимущество «я-сообщения». Дети начинают чувствовать: мы им доверяем, и нам тоже можно доверять.

Приведу письмо одной мамы, которая спрашивает, правильно ли она поступила.

«Мы разошлись с мужем, когда сыну было 6 лет. Сейчас ему 11, и он стал глубоко, осознанно, но больше «про себя» скучать по отцу. Как-то вырвалось у него: «С папой я пошел бы в кино, а с тобой не хочется». Однажды, когда сын прямо сказал, что ему скучно и тоскливо,

а я чувствовала, что очень-очень тоскливо, я сказала ему: «Да, сынок, тебе очень грустно, и грустно, наверное, оттого, что нет у нас папы. Да и мне, сынок, невесело. Был бы у тебя папа, у меня муж, было бы нам жить намного интереснее».

Сына как прорвало: прислонился к моему плечу; полились тихие горькие слезы. Всплакнула укладкой и я. Но нам обоим стало легче...

Я долго думала об этом дне и где-то в глубине души понимала, что сделала правильно. Не правда ли?»

Да, конечно, мама интуитивно нашла правильные слова: сказала мальчику о его переживании (активное слушание), а также рассказала о своем («я-сообщение»). И то, что обоим стало легче, что мама и сын стали ближе друг другу, — лучшее доказательство действенности этих методов.

Дети очень быстро усваивают от родителей манеру общения. Это касается и «я-сообщений». «С тех пор, как я стал использовать «я-сообщения», — пишет папа пятилетней девочки, — у дочки почти исчезли просьбы типа: «Дай мне!», «Поиграй со мной». Чаше звучит: «Мне хочется...», «Я не могу больше ждать».

Таким образом, родителям становится гораздо легче узнавать о чувствах ребенка. Можно сказать, что «я-сообщения» и активное слушание подобны двум сторонам одной медали: они неразрывно связаны и взаимно дополняют друг друга.

И последнее: высказывая свое чувство без приказа, ожидания или выговора, мы оставляем за ребенком возможность самому принять решение. И в этих решениях они, как правило, начинают учитывать наши переживания.

Приведу в пример случай, рассказанный мамой четырехлетнего мальчика.

«Пришли мы с сыном в аптеку. Он увидел витамины, я ему купила. Пошли уже к выходу, он увидел другие, стал тоже просить. Я ему говорю: «Сережа, давай договоримся: когда эти витамины кончатся, я куплю другие». Но он начал ныть, просить, а потом — толкать меня и орать, причем так, чтобы слышали окружающие.

Мне было очень неприятно и стыдно. Я уже не замечала вокруг никого, не знала, как выйти из положения. И тогда я громко сказала:

— Мне ужасно стыдно из-за такой сцены!

И вдруг Сережа оглянулся, посмотрел по сторонам на всех, потом прижался ко мне, обнял за ноги и говорит:

— Мам, пойдём! Как хочешь! Вот сколь-

ко ты скажешь съесть витаминки, столько я и съем. Скажешь одну, съем одну, скажешь две — съем две.

Так мы и шли домой. Он все время заглядывал мне в глаза и повторял одно и то же: сколько он съест витаминки».

Научиться посылать «я-сообщения» трудно, так же, как и активно слушать ребенка. И здесь требуется длительная тренировка. Давайте же обсудим трудности, ошибки и вопросы, которые возникают при применении «я-сообщения».

Одна из опасностей состоит в том, что иногда, начав с правильного «я-сообщения», родители заканчивают фразу «ты-сообщением».

Например: «Мне не нравится, что ты такая неряха!» или «Меня раздражает это твоё хныканье».

Избегать подобных ошибок можно, используя безличные предложения, неопределённые местоимения, обобщающие слова. Например:

— Мне не нравится, когда за стол садятся с грязными руками.

— Меня раздражает, когда дети хнычут.

Ещё одна ошибка — боязнь выразить чувство истинной силы. Например, если вас охватывает ужас при виде сына, который бьёт по голове своего младшего братишку, то лучше всего прямо ему показать силу вашего чувства.

Мама пятнадцатилетней девочки заметила, что дочь в последнее время отдалась от неё. Отчуждение очень мучило маму. Но она не знала, как заговорить с дочкой об этом. Наконец она решилась сказать то, что чувствует. Она призналась, что «совсем потеряла покой» и «не может больше так жить». Сдержанное: «мне не нравятся наши отношения» в этом случае было бы далеко от истины.

Родители часто задают вопрос: как им послать «я-сообщение», если они очень сердиты и даже разгневаны на ребенка?

Психологи справедливо считают, что гнев чаще всего — вторичное чувство. Он возникает на почве какого-то другого, первичного переживания. Поэтому, если вам захотелось бросить ребенку гневную фразу, подождите и постарайтесь дать себе ответ в исходном чувстве.

Ребенок вам сильно нагрубил. Первая реакция — удивление и обида... Вы услышали о нем на родительском собрании много нелестных слов и испытали горечь, разочарование, может быть, даже стыд. Ребенок возвращается с опозданием на три часа, заставив вас ужасно переволноваться. Первое чувство — радость и облегчение!

Лучше всего выразить именно эти первые чувства: «Мне больно и обидно», «Я очень огорчен тем, что услышал», «Слава богу! Ты цел! Мы так волновались!» Вы скоро обнаружите, что в таких случаях для «грома и молний» места уже не остается.

Нередко родители жалуются, что «я-сообщение» не действовало. «Дочь собралась вечером гулять, не выучив урока.

Я ей сказала: «Мне это очень не нравится», а она все равно ушла».

Хочу пояснить. Не следует думать, что «я-сообщение», как и другие методы, которые мы осваиваем, — новые средства добиваться своих целей. Это вовсе не более утонченные способы заставить ребенка сделать то, что хочет от него сейчас роди-

тель: выучить уроки, надеть шарф или отказать от похода в кино. Назначение наших методов совсем другое: установить контакт с ребенком, улучшить (или впервые обрести) взаимопонимание с ним, помочь ребенку в решении его проблемы, в обретении самостоятельности и ответственности. Как видите, цели более далекие и гораздо более общие.

Конечно, бывает, что от одной фразы практический результат следует сразу. Но часто приходится ждать, пока отношения налаживаются. Ребенок должен еще поверить, что ваше отношение к нему изменилось. А пока что ваша правильная фраза будет лишь кирпичиком в новом здании — кирпичиком, пока не очень видным. Но как иначе построить здание, как не из множества «незаметных» кирпичей?

Итак, стоит набраться терпения, а главное — не срываться на старые способы.

Вопрос: «Если дочь обидели в школе, и она пришла в слезах, то я тоже очень переживаю; как быть?»

Важно понять, чье переживание первичное и чье сильнее. Конечно, любая неудача или беда ребенка вызывает у нас ответное чувство. И все-таки главная проблема — у обиженной дочки. Ее стоит активно послушать. В этом и выразится ваше сочувствие ей.

Вопрос: «Если сын слоняется весь день по дому, почему я должен его «активно слушать»? Скорее, проблема не у него, а у меня».

Можно, конечно, попробовать сказать: «Мне трудно смотреть на детей, которые не могут заняться делом». Но он вполне может ответить, что и ему трудно сидеться «за эти противные уроки».

Ведь и с нами, взрослыми, такое бывает: предстоящее неприятное дело тяготит и мы не можем заняться ни им, ни чем-то другим.

Так что, если уроки «противны», проблема, конечно, на стороне ребенка. Возможно, учитель в школе преподает скучно, возможно, он кричит на детей; может быть, сын запустил учебу или вообще разуверился в своих силах. Что бы то ни было, во всех случаях он нуждается либо в реальном участии (совместной деятельности), либо в эмоциональной поддержке. Возмущаться и посылать «я-сообщения» в таких случаях — значит делать для себя проблему из того, что ваш ребенок не хочет на сильно учиться.

Есть еще один способ не создавать проблему: не требовать от ребенка невозможного. Лучше посмотреть, что вы можете изменить в данном случае.

Полугодовалый малыш «очень интересуются» розеткой. Вы ужасно беспокоитесь, как бы не сунул в нее пальцы. Уговоры и запреты не помогают, ссоры с ребенком — тем более. Проблема исчезнет, если вы загордите розетку какой-нибудь мебелью или купите специальную пробку.

Недавно мне пришлось наблюдать такую сцену: Мама с двумя полутчиками и пятилетним сыном стояла в очереди на улице перед кафе. Стоять пришлось долго, около получаса. Мальчик сначала изнывал, потом начал крутиться, бегать с другим таким же ребенком, залезать на тумбы... Мама, то и дело прерывая оживленный разговор, делала ребенку замечания и «приговаждала» на месте рядом с собой. А чтобы лучше его «обездвижить», повеси-

ла на него довольно большую сумку. Но все было напрасно. После очередного «непослушания» очень рассерженная мама прочла сыну длинную нотацию.

Положение спас человек из очереди, который стал играть с мальчиком. Было так интересно, что и мама бросила свой разговор, с улыбкой наблюдая за игрой.

Ошибка этой мамы была в том, что она требовала противоестественного и невозможного для пятилетнего мальчика: долго стоять «как столб» на одном месте. В результате у нее и появилась «проблема».

Другие случаи: иногда родители буквально «выхватывают» заботы и трудности у своего сына или дочери. Они заботятся и волнуются о том, что их ребенок может и хочет решать сам.

Признаюсь, что и я делаю такую ошибку, когда перехожу улицу со своим сыном-подростком: не могу не придержать его за руку перед едущей машиной. И это вызывает обычно его бурный протест.

Что скрывать: от таких «рефлексов» в простых и более сложных делах нам, родителям, трудно извлекаться. Трудно, но совершенно необходимо.

Во-первых, это нужно нам самим: взваливая заботы ребенка на собственные плечи, мы очень затрудняем свою жизнь.

Во-вторых, еще более это нужно самому ребенку: только через заботу о собственных делах, проблемах и даже опасностях он может стать зрелым и самостоятельным. Дети это хорошо чувствуют. Отсюда и возмущение: наша забота им мешает.

Рано или поздно нам приходится идти на риск: впервые отпустить ребенка одного через улицу, разрешить взрослой дочери встретиться. Новый год в компании сверстников, отпустить сына в поход... Наши беспокойства оправданы; и мы, конечно, должны принять все зависящее от нас меры предосторожности. Но как при этом разговаривать с ребенком? Можно сказать с уверенностью, что «я-сообщение» здесь незаменимо.

Расскажу один случай.

Пятнадцатилетний сын собирался в горный поход с друзьями родителей. Родители очень тревожились: поход предстоял серьезный, со снежными перевалами, переходами через горные реки. И мальчик не будет у них на глазах! Мама, хотя и знакомая с правильными методами общения, не удержалась:

— Очень тебя прошу, будь осторожен! («ты-сообщение»).

На что подросток взволнованно отреагировал: «Ну, мам, как ты не понимаешь! Ты делаешь мне этими словами только хуже: настраиваешь на боязнь. Да и сам все знаю. Не хочу тебя слушать!»

— Прости, я сказала плохо. Просто знай, что я буду очень беспокоиться («я-сообщение»).

После похода сын рассказал, что однажды он оказался перед выбором: решиться пройти через ледяную трещину по ненадежному снежному мостику или пойти в обход. «Я вспомнил, как ты сказала: «Я буду очень беспокоиться», — и выбрал второе».

Когда ребенок оказывается перед лицом реальной опасности, пусть наша любовь, выраженная через «я-сообщение», охранит его. И пусть мы не дадим ему повод «назло» отозваться раздражением или поспешным поступком на наше назидательное «ты-сообщение».

В. ЧИМАРОВ, кандидат
медицинских наук

МАТЬ И ДИТЯ

Окончание. Начало в №№ 7—12
(кроме № 9) за 1988 год и в
№№ 1—12 (кроме № 7) за
1989 год

Мы завершили наш разговор о первом, самом сложном, периоде жизни ребенка. Рассказывая о воспитании малыша-первогодка, мы строили наши беседы таким образом, чтобы помочь родителям вырастить здорового, крепкого, жизнерадостного малыша.

Правда, жизнь подсказывает, трудно найти ребенка, который рос бы без синяков, ссадин и болезней. Но вот что бесспорно: при прочих равных условиях у одних родителей даже серьезные недуги проходят бесследно, у других — обычные детские хвори оставляют осложнения, отравляющие человеку всю жизнь. А дело во многом зависит от отношения родителей к болезни и к заболевшему ребенку. Итак, как себя вести, если ребенок все-таки заболел?

Лучший вид помощи — профилактика. Травмы, отравления, другие несчастные случаи могут произойти, как свидетельствует статистика, и с детьми грудного возраста. Едва научившись переворачиваться, младенец рискует упасть на пол с пеленального столика или дивана. Овладев ползанием и ходьбой, он оказывается подчас в самых неожиданных и неподходящих местах. Но ребенку все же необходимо осваивать пространство; а сидя в манеже, мир не познаешь. Следовательно, возрастающую активность малыша надо всячески поощрять, но и глядеть за ним в оба. И отдать все силы для предотвращения беды.

Прежде всего надо сделать недостижимыми для него ножи, вилки, другие режущие, колющие, бьющиеся предметы, инструменты, спички, средства бытовой химии, лекарства и т. д. И все же будьте на страже: малыш может стянуть на себя скатерть с кипящим чаем, супом, острыми или тяжелыми предметами. Поэтому лучше на этот период скатерть вообще спрятать в шкаф.

Так же тщательно надо оградить от малыша подступ к электророзеткам, краям на газовой плите. Надо следить и за тем, чтобы в руки к нему не попадали шарики, пуговицы и другие мелкие предметы, которые он может взять в рот, засунуть в нос, ухо.

А если все-таки беда пришла, мать должна быть готовой оказать первую помощь.

Помощь при отравлениях. Ребенок может отравиться пищевыми продуктами, лекарствами, бытовой химией и т. д.

Если яды попали в организм через рот, надо постараться быстро вызвать рвоту, раздражая пальцами или чайной ложечкой заднюю стенку глотки или корень языка. Затем нужно «промыть» желудок теплой водой, слабым раствором перманганата

калия (марганцовкой), многократно вызывая рвоту (в больничных условиях промывание осуществляется с помощью зонда). Госпитализация обязательна.

Отравление может наступить из-за проникновения ядов в дыхательные пути. Срочно перенесите ребенка в комнату с чистым, теплым воздухом, промойте рот и носоглотку двухпроцентным раствором пищевой соды. В ожидании «скорой» надо уберечь ребенка от остановки дыхания. Если она произойдет, необходимо в экстренном порядке делать искусственное дыхание. Самый результативный, наиболее приемлемый способ искусственного дыхания в этом возрасте — «рот в нос» или «рот в рот». Малыша кладут на спину, голову запрокидывают и ритмично, через марлю или платок, вдувают воздух в его рот или нос.

Если вредное вещество попало в глаз, никакого самостоятельного лечения проводить не следует. Пораженный глаз промывают теплой кипяченой водой, накладывают стерильную или чистую повязку и, не откладывая, обращаются к офтальмологу.

При поражении кожи кислотами, щелочами и другими опасными химическими соединениями ее многократно промывают водой и обильно покрывают любой жирной мазью.

Иногда родители, оказав ребенку первую помощь и отделавшись легким испугом, в дальнейшем от услуг медицинских работников отказываются, ссылаясь на улучшение состояния малыша. Но оно может быть временным! При любом, даже незначительном, отравлении во избежание тяжелых последствий должно быть проведено квалифицированное лечение в полном объеме в медицинском учреждении.

Помощь при травмах и других несчастных случаях. Всевозможные повреждения режущими, колющими предметами вызывают кровотечения, которое надо срочно остановить, а рану перевязать стерильным бинтом. Вначале пораженную часть тела (если это рука или нога) поднимают вверх, чтобы уменьшить ток крови. Нельзя промывать рану водой, пытаться самостоятельно извлечь из раны инородные тела — при этом можно внести инфекцию, в том числе и такую опасную, как столбняк. Край раны необходимо обработать трех-пятипроцентным спиртовым раствором йода или перекисью водорода.

Редко, но все же бывают у грудных ребят и артериальные кровотечения, которые марлевая повязка остановить не может. Приходится накладывать жгут: очень туго любой тканью перетягивают сосуды выше раны до полной остановки

кровотечения. Более полутора часов держать жгут нельзя, потому что возникнет глубокое нарушение кровообращения, вплоть до омертвения тканей. За эти полтора часа ребенок должен быть доставлен в медицинское учреждение.

Первая помощь при носовом кровотечении — холодный компресс на переносицу и полусидячее положение на руках у матери. Обычно этого бывает достаточно, чтобы через непродолжительное время кровотечение остановилось. Но частые «беспричинные» носовые кровотечения могут быть признаками болезней крови и других заболеваний; поэтому о них следует, не затягивая, сообщить педиатру.

Ожоги у детей не редкость. Кожа у маленьких нежная, тонкая и легко повреждается под воздействием даже и не очень высоких температур. Организм маленького ребенка тяжело страдает, потому что даже небольшой ожог легко осложняется гнойной инфекцией. Лечение глубоких или обширных ожогов у малыша нередко представляет большие трудности.

Каким бы ни был ожог у грудного ребенка, лечить его народными средствами (например, гусиным салом) или даже медикаментами недопустимо! Рану следует покрыть стерильным бинтом или чистым проглаженным полотенцем, малыша, по возможности, успокоить и немедленно доставить в медицинское учреждение.

Мелкие предметы в дыхательных путях. Травма вызывает непрекращающийся кашель и беспокойство у ребенка. Если инородное тело сильно затрудняет дыхание, может начаться удушье. Малыша наклоняют вперед и легонько похлопывают по спине между лопатками, стараются вызвать кашель. Но главное — экстренная доставка в больницу или поликлинику, чтобы успеть спасти.

Иногда инородное тело застревает в пищеводе, вызывая обильное слюнотечение, затрудняя глотание. Дети постарше жалуются на боли в области груди, маленькие выражают беспокойство плачем. Если у родителей возникло подозрение, что «игрушка» застряла в пищеводе, не следует заставлять малыша глотать твердую пищу или иными способами «проталкивать» инородное тело: помощь в данном случае должна прийти от специалистов.

Если малыш проглотил шарик, пуговицу или иной неострый предмет, то обычно ему дают жидкую слизистую кашу или пюре с маслом, чтобы пища окутала проглоченный предмет. Инородное тело быстрее покидает пищеварительный тракт, не травмируя стенки кишок. Если проглоченный предмет продолжительное время не выходит с испражнениями или у ребен-

ка появилось беспокойство или другие признаки изменения поведения и состояния здоровья, за ним следует непременно установить наблюдение медицинского работника.

Если малыш занемог. Всегда важно уловить начало болезни по самым первым, еще неясным изменениям в поведении ребенка. Он становится чрезмерно прихотливым в еде, меньше ест, а потом и вообще отказывается от пищи. Прежде уравновешенный, оживленный, малыш капризничает, возбуждается, плачет, беспрестанно просится на руки или, напротив, впадает в апатию, перестает интересоваться игрушками. Нарушается сон: ребенок часто просыпается ночью, беспокоится, плачет: днем в обычные часы бодрствования дремлет. Умеющие говорить грудные дети начинают чаще просить пить. Повышение температуры мать может определить по засохшим, потрескавшимся от жара губам и ощутить руками. Несомненным симптомом развивающегося заболевания становится кашель, насморк, высыпания на коже, рвота, понос и т. д.

Заподозрив неладное, надо не отмахиваться от капризов и тем более не сердиться на ребенка, а для начала, измерить температуру. Отметим: не всегда она бывает повышенной даже при явном заболевании, так что ориентироваться только на один этот «показатель» было бы ошибкой. Заболевшего малыша следует уложить в кровать и вызвать на дом педиатра. Идти в поликлинику с ним нельзя!

Нельзя заниматься самолечением, — ведь квалифицированная помощь так близка и доступна! Кажущаяся простота лечения обманчива. Поставить точный диагноз младенцу порою бывает очень сложно даже врачу: иногда требуется консилиум специалистов. Пользоваться опытом «прошлого раза» («врач при повышенной температуре тогда тоже тетрациклин назначал») или рекомендациями соседки опасно. Особый риск — без ведома педиатра давать антибиотики, сульфаниламиды, гормоны и другие высокоэффективные или сильнодействующие вещества: во-первых, превысив дозировку, можно вызвать отравление; недостаточная же доза, скажем, антибиотиков действует на болезнетворные микроорганизмы так же, как легкое ранение на хищного зверя — он становится еще опаснее. Во-вторых, лекарства, принятые до прихода врача, часто меняют клиническую картину болезни и затрудняют диагностику. В-третьих, не следует торопиться с введением в организм активных химических веществ — врач, возможно, эти медикаменты и не назначит, ибо они опасны вашему ребенку или противопоказаны.

Но как быть, если ребенку плохо, а помощь запаздывает? И хотя, наверное, не так уж часто это случается, матери-медсестре следует ко всему быть готовой.

Скажем, у ребенка температура 39 градусов и «ползет» выше. Что делать? До прихода врача для снижения очень высокой температуры (более 39 градусов) малыша следует раздеть, обернуть водкой или наполовину разведенным водкой спиртом, к голове прикладывать, часто меняя, смоченное в воде полотенце. Не нужно

укрывать ребенка при этом теплым одеялом.

Часто недомогание у маленьких детей сопровождается рвотой. Матери в этих случаях надо быть начеку. Во время бодрствования ребенка лучше держать на руках, в кровать класть не на спину, а на правый бок. Бессмысленно пытаться исторгнутую пищу тотчас компенсировать новыми порциями. Ничего, кроме приступов рвоты, это не даст. Малышу полезно питье — просто кипяченая вода или слабый несладкий чай. Если повышение температуры сопровождается рвотой и поносом, не исключено, что у ребенка возникло заболевание желудочно-кишечного тракта, возможно, инфекционное. Его надо изолировать от остальных детей, рвотные массы и испражнения оставить для осмотра врачу.

Заболевших детей грудного возраста с серьезной патологией, как правило, госпитализируют. При легком недомогании ребят оставляют для лечения на дому. Все члены семьи и, конечно, в первую очередь мать должны очень внимательно, днем и ночью, наблюдать за состоянием здоровья малыша. Организм младенца первого года жизни очень хрупок; любое, даже легкое заболевание быстро ослабит его. Часто к основной болезни присоединяются осложнения. Порою стремительно развивается ухудшение состояния. Например, даже у легко болеющего гриппом или острой вирусной инфекцией малыша могут возникнуть весьма серьезные приступы удушья. Чаще всего они наступают ночью. Внезапно появляется одышка, лающий, хриплый, грубый кашель, затрудненное дыхание. Ребенок крайне беспокоен, синее... Мгновенно нужно вызвать «скорую помощь» и продолжать оказывать помощь: проветривают комнату, ребенка периодически подносят к открытой форточке. «Отвлечь» от приступа (в медицине существует такое понятие «отвлекающая терапия») иногда способны горчичники, положенные на грудь, спину, область гортани, горчичные ножные или общие горчичные ванны. Первоначальная температура воды в ванне +38 градусов, постепенно ее повышают до +40 градусов, ребенка погружают в воду до шеи. После ванны (или независимо от нее) малышу дают теплое молоко с питьевой содой, чаем, минеральной водой «Боржоми».

Больные дети более капризны, беспокойны, доставляют много дополнительных хлопот. Что же делать, надо с этим мириться — ведь ребенку тяжело. Как никогда, ему нужны сейчас ласка, особое внимание и хорошее настроение. Радостные эмоции для организма всегда полезны; во время болезни они жизненно необходимы! Давным-давно замечено, что человек в угнетенном состоянии духа плохо поддается лечению или не выздоравливает совсем... В равной — в большей! — мере это относится и к маленьким детям, ведь они не способны управлять собой.

Маленький ребенок во время болезни должен чувствовать, что рядом с ним человек, который всегда поможет, облегчит боль, приласкает, принесет радость. Кто же это, как не родная мать?.. Каждая внимательная мать знает, что больше всего доставляет удовольствие ее ребенку: взять

на руки и дать любимую игрушку, поиграть редкой игрушкой... Малышу нужна спокойная радость.

Больные дети нуждаются в дополнительном глубоком сне. Это мощный фактор выздоровления, нормализации деятельности нервной и других систем организма. Хорошо спится в тишине при свежем прохладном воздухе, в чистой сухой одежде, в полумраке. Больного ребенка первого года жизни днем следует укладывать спать три раза.

Накормить заболевшего малыша для матерей всегда проблема. Мы уже говорили, что принуждать к еде здоровых детей нельзя; вдвойне недопустимо насильно кормить больных. По согласованию с лечащим врачом число кормлений можно увеличить, уменьшив соответственно порции. Надо постараться вызвать аппетит ярким оформлением блюда, попытаться с помощью кулинарного искусства сделать запах и вкус еды отменными — разумеется, в пределах дозволенного по возрасту и разрешенного врачом. Полноценное питание во время болезни — средство восстановления сил. Как видим, матери надлежит быть еще и хорошим поваром и обаятельной официанткой.

* * *

Год, когда ребенок впервые услышал звук, увидел свет, лицо матери, яркие краски окружающего мира, почувствовал запахи, прикосновения, боль... Впервые начал понимать, а затем и сказал первое слово, познал радость движения и сделал свой первый в жизни шаг... А сколько еще было за год этих «впервые»?

Детские врачи знают: первый год жизни — это, если так можно выразиться, своеобразная биологическая проверка на жизнеспособность, проба на жизнестойкость. Не случайно из всех периодов активной жизни человека самая высокая смертность — в первый год жизни, в течение этого года — в первый день появления на свет...

Как видим, прожить этот год весьма непросто, и когда истекут первые триста шестьдесят пять дней можно с полным правом и облегчением считать: самое трудное и опасное время — позади.

За первый год жизни масса тела ребенка возрастает почти втрое и достигает в среднем 10–10,5 кг. Рост увеличивается на 25 см и становится равным примерно 75 см. Ко дню рождения у годовалого ребенка может быть восемь передних зубов. Он самостоятельно ходит, понимает речь и сам произносит десять — пятнадцать слов. Его энергии, жизнерадостности, активности, страсти к исследованию окружающего мира нет предела. Хлопот с ним становится все больше... Но ведь это приятные, в большинстве своем, хлопоты!

Итак, позади самое трудное и опасное время.

А впереди — самое сложное. Вся жизнь...

Будет она счастливой, полноценной или нет — во многом зависит от того уровня здоровья, основы которого были заложены в период детства, до рождения и в первый год жизни.

Мария РОМАНУШКО

НАШИ ЗИМЫ И ЛЕТА, ВЕСНЫ И ОСЕНИ

Продолжение. Начало в № 11, 12
за 1989 год и № 1 за 1990 год

Мальчик с планеты Маль

...И опять было утро, опять трудное прощание. Шел дождь, дети играли в группе на втором этаже. Выйдя во двор, я взглянула на окна игровой комнаты. У одного из окон стоял ты, приплюснув нос к стеклу. Ты плакал. Я помахала тебе. Ты попробовал улыбнуться, но улыбки не получилось, только жалкая, страдальческая гримаса искривила твое лицо...

В этот вечер я задержалась. Когда пришла за тобой, всех детей уже разобрали, ты остался один, сидел с Любовью Петровной на скамейке, под глазами — темные круги, в глазах — тоска. Увидев меня, с рыданиями бросился мне на шею.

— Сын очень любит вас. Он так переживал, что вы задержались. Сидит и твердит: «Только бы ничего не случилось! Только бы ничего не случилось!»

— Что же со мной могло случиться, сынок?

— Не знаю... — выдохнул ты еле слышно. По дороге домой.

— Ты почему так долго не шла?

— Я ездила по делам, сынок.

— По каким делам?

— Искала работу.

— У тебя же есть работа, твои рецензии.

— Но ты же знаешь, какая эта ненадежная работа: сегодня есть, завтра — нет, послезавтра — неизвестно... Я устала от этой постоянной неизвестности...

— А какую ты работу хочешь?

— Ох, Антоша... Какую хочу, я вряд ли найду. Хотела бы в издательстве где-нибудь, редактором. Хорошо бы не каждый день, конечно. Чтобы оставалось время на нашу жизнь...

Утром по дороге в сад.

— Ты опять едешь по делам?

— Опять.

— Приходи за мной пораньше.

— Я постараюсь.

Глаза твои наливаются слезами...

— Ну что ты, милый?

— Я не хочу в сад.

— Не хочешь? Почему?

— Там... невкусно.

— Ну, миленький, надо привыкать.

— Я никогда не привыкну! — с тихим отчаяньем воскликнул ты.

— Ну что ты, милый, ну что ты! Другие ребята привыкают, и ты привыкнешь. Постепенно...

Дети гуляли во дворе. Ты пошел к своей группе и остановился поодаль, грустно нахохлившись...

— Мне нужно поговорить с вами, — сказала, подходя ко мне, Евдокия Васильевна, пожилая строгая воспитательница. Эта женщина, казалось, не умела улыбаться, и ты с первых же дней стал ее побаиваться.

— Вы знаете, Антон ничего не ест, — сказала она строгим голосом.

— Как? Совсем? А он говорит: ест...

— Ну разве это еда? Только хлеб да булочку какую-нибудь за весь день. Ну и пьет еще: компот и чай, а от кофе отказывается, наотрез.

— Понимаете, он еще не привык. Он ведь домашний ребенок...

— Я все понимаю, но вынуждена его заставлять. Он и так у вас худенький.

Она смотрела на меня сурово и осуждающе, и я почувствовала, что съеживаюсь под ее взглядом, робею.

— И вообще, он у вас странный, — сказала она жестко, будто бы ставя диагноз.

— Почему странный?

— Он, конечно, мальчик развитой, я бы сказала, даже слишком. Но лучше бы он в футбол с мальчишками играл. Говорю ему: «Иди играй в футбол», а он мне отвечает: «А зачем? В какой футбол?» Ребята в войну играют, а он опять: «А зачем?» Нельзя же все время только одни книжки читать!

— Но не всем же детям играть в футбол.

Она смотрела на меня осуждающе.

— Не удивляйтесь, если его начнут бить.

— Бить?.. За что?!

— Слишком уж он беззащитный у вас...

Таких всегда бьют. «Таких всегда бьют...» — звучало у меня весь день в ушах.

Ты встретил меня у самых ворот с охапкой желтых листьев.

— Слушай стишок, мамася:

Все ходит с букетами,

Огромными цветами!

Все ходят с букетами,

Огромными цветами!

— И еще слушай:

Любовь Петровна плюс Евдокия

Васильевна

Получается Любокия Петросильевна!

— Отличные стишки.

Подумав сказал:

— А почему ты грустная?

— Устала, малыш. Я сегодня пол-Москвы объездила, где только не была...

— Нашла работу?

— Нет.

— А когда найдешь?

— Не знаю...

За ужином ты судорожно хватал черный хлеб с маслом, умял два омлета и никак не мог наестся. Отвалившись от стола, запел:

Мой сыночек рыжий,

Съел кусок Парижа!

Мой сыночек желтый

Съел кирпичик тертый.

Мой сыночек сладкий

Съел ботинок гладкий...

Ты похудел за две дачевские недели, нос заострился, под глазами залегли тени, которые не исчезали даже ночью, во сне. Даже во сне вид у тебя был уставший и грустный.

Укладывая тебя спать, заметила, что твои ноги, от шиколоток и до самых колен, в синяках.

— Антон, ты почему весь в синяках?

— В саду так много углов... — нехотя ответил ты.

* * *

На следующий день я, как обещала, пришла за тобой пораньше, ты еще не успел занять свой пост у окошка веранды и начать считать кирпичи. Ты сидел на горке песка и что-то строил. Рядом с тобой в песке играли два мальчика, вы о чем-то оживленно переговаривались. Но не успела я порадоваться, что у тебя хорошее настроение и ты играешь с ребятами, как ситуация в песочнице мгновенно изменилась. Пока я шла от калитки к вашему участку, на моих глазах разыгралась следующая сцена. Один из мальчиков стал что-то выкрикивать, размахивая руками. Ты с улыбкой отвечал ему. Мальчик, крайне раздраженный, ударил тебя кулаком по голове. Ты заплакал. Оба мальчика вскочили, словно твой плач послужил им сигналом, и стали бить тебя. Они затаптывали твой город (ты пытался защитить свои чудесные башни), пинали тебя, били по спине, по голове...

Я бежала к тебе на выручку, а Евдокия Васильевна спокойно созерцала эту сцену, сидя в двух шагах на веранде. Она не шевельнулась и не проронила ни слова. Ты плакал, даже не пытаясь защититься, лишь прикрывая голову руками от ударов, продолжая сидеть на холодном песке среди руин своего сказочного города...

Подбежав к песочнице, я с трудом оттащила от тебя мальчишек. Подняла тебя, вытерла лицо, измазанное песком и слезами...

— За что вы его бьете?

— А чего он...

— Что «чего»?

Мальчики угрюмо молчали.

— Антон, за что тебя били? Ты кого-нибудь из них обидел?

— Я им рассказывал про Маль... А он, этот Ваня, говорит: это неправда! А я говорю: правда! А они стали стучать и все ломать... — ты опять залился слезами.

Мальчики стали что-то выкрикивать, размахивая руками, злое, несвязное, все их обвинения сводились к тому же: «А чего он!...»

Евдокия Васильевна наконец поднялась и неторопливо приблизилась к нам.

— Я вас предупреждала, что его будут бить, — почти с удовлетворением сказала она.

Я не могла говорить, я боялась заплакать. Первый раз в жизни тебя били, били на моих глазах (впрочем, первый ли? я тут же вспомнила синяки на твоих ногах). Я была потрясена тем, что тебя могут бить, тебя, который никогда никого не ударил.

Обидчики твои, чувствуя безнаказанность, испарились. Мы стояли у песочных руин втроем.

— Ему нужно учиться давать сдачи, — говорила мне несокрушимо спокойная Евдокия Васильевна, — Антон, ты должен давать сдачи.

— Какую сдачу? — поднял ты на воспитательницу горькие заплаканные глаза.

— Ты что, не знаешь, что такое «сдача»? — изумилась воспитательница.

— Не знаю, — смущенно признался ты, словно тебя уличили в чем-то нехорошем.

— Тогда вам придется объяснить своему сыну, что такое давать сдачи.

По дороге домой.

— А ты ходила в сад, когда была маленькой?

— Ходила.

— А тебя стучали?

— Один мальчик... Однажды он даже оторвал мне воротник от пальто. Бабушка шила мне новое пальто, а он в первый же день его порвал... Я тоже плакала и не умела давать сдачи.

— А как ее давать?

— Никогда не думала, что мне придется тебя учить этому. Вот уж не думала... Дать сдачи, Антон, это ответить тем же. Когда тебя бьют, ты должен защищаться.

— Также стучать?

— Ну... в общем, да, — с усилием выдавила я из себя, чувствуя отвращение к

себе, к Евдокии Васильевне, к детсаду, к жестокой необходимости учить тебя тому, против чего восстает моя душа.

— А синяки на ногах — небось тоже от «стуканья»?

— Они все ногами бьются.

— Но из-за чего вы деретесь-то?

— Не знаю. Подходят и начинают стучать.

— И ты плачешь?

— Да.

— А они еще больше стучают?

— Да...

— Тебе, сынок, прежде всего нужно учиться не плакать. Даже если больно, даже если очень обидно.

— Не получается, — говоришь ты со вздохом.

— Я понимаю... Это трудно. Но пока ты будешь плакать, они тебя будут бить.

— Почему? — твои глаза опять наливаются слезами.

— Они видят, что ты слабее, что ты боишься их, — и это распаляет их еще больше... К тому же их много, а ты один. Понимаешь, они испытывают тебя. Но если ты не будешь плакать — они увидят, что ты не боишься их, и оставят тебя в покое.

— Я попробую...

— Попробуй, сынок.

Весь вечер ты был грустным.

За ужином капризничал, ворчал: «Слишком уж многожарусный...» С трудом уговорила тебя выпить чашку молока. И вообще вид у тебя был уставший, измученный и больной.

— Антон, а у тебя ячмень на глазу наклеивается. Небось от сидения на холодном песке... Придется тебе посидеть пару денечков дома...

— Ура!... отчаянно закричал ты.

На следующее утро ты блаженно терпел все процедуры: промывание глаза крепким чаем, прикладывание к веку теплого, вкрутую сваренного яйца, и весело напевал при этом:

Жил — был ячмень,

Кара-чечень!

Когда он прорвет,

Не знает народ!

Но ячмень был только сигналом. Вскоре потекло из носа, и послышалось легкое, но упорное покашливание.

Насморк и кашель к вечеру усилились, особенно трудно было ночью, кашель начинал душить тебя, как только ты опускался на подушку. Я взяла тебя на колени, и ты заснул у меня на руках, прижав горячей головой к моему плечу...

Начались хождения по врачам. Но ты рад, тебе лучше в поликлинику, чем в детсад.

И дома тоже играешь в поликлинику. Написал множество бумажек с номерами кабинетов и названиями врачей и расклеил их по всей квартире: теперь на кухне у нас лаборатория, в ванной принимает педиатр, в платяном шкафу — хирург, а в шкафу под мойкой сидит бедный кожник...

Эта игра и бесконечные разговоры о том, что у человека внутри (особенно после того, как мы несколько раз сходили на

Рисунки Л. Заболотского

рентген) — все эти разговоры были не просто игрой. Как выяснилось некоторое время спустя, они были сосредоточенным и неотступным раздумьем: где, в каком месте в человеке помещается жизнь? Что в человеческом организме главное? И почему человек умирает?..

Однажды ранним вечером, когда ты уже выздоравливал, мы возвращались с прогулки домой, и на светло-синем небе засеребрились первые звезды, ты тихо и убежденно сказал:

— А я знаю, когда человек умирает. Когда у него рвется паутина жизни.

— Какая паутина жизни?

— Ну, такая паутина внутри, по которой бежит жизнь... Паутина есть у всего — у человека, у цветка и у звезд...

Нарисовал схему внутренностей человека: сердце, легкие, желудок и — паутина жизни.

Теперь тебе все ясно.

Завел блокнот, на обложке которого написал: «Новое для тех, кто мало знает».

«Нутрь».

На самом деле у нас у каждого есть паутина жизни. Паутина жизни — это паути-

на, по которой бежит жизнь. Паутина жизни шевелится. Там, в механизме паутины жизни, есть кружочек, который, когда паутина жизни вздрогнет, — там вытягивается еще одна паутина жизни, которая есть внутри. Знаете, как человек умирает? Потому что паутина жизни рвется. Паутина жизни состоит из того же, что мы едим.

Паутина жизни есть у всех — у цветов, у звезд и у земли. А кто паутину жизни придумал и из чего состоит паутина жизни у земли — это вы узнаете на стр. 10.

1800 или больше лет назад один ученый узнал, что паутина жизни состоит не только из того, что мы едим, она еще состоит из луны, звезд, солнца и еще из разных химических веществ».

* * *

И опять было утро, опять ты стоял в слезах у окна...

Я уходила по дорожке, засыпанной мокрой желтой листвой, уходила все дальше, непрерывно оглядываясь на твое окно, и твои полные тоски глаза словно бы бежали за мной, настигали, принимали к моему ли-

цу, вырастая до отчаянных размеров, затмевая своей тоской все вокруг...

И опять я весь день ездила по издательствам, и опять — впустую.

— Ну как, нашла работу?

— Нет...

— А тебе письмо...

Оно лежало в кармане вместе с мокрым от слез носовым платком и было влажным и смятым.

«Дорогая мамуся!

Люблю тебя очень и давай не пойдем в детский сад в пятницу, как ты обещала. С другой стороны — рыбы. Целую очень крепко и передаю привет от всех 30 человек».

— Хорошо, насчет пятницы договорились. Но до пятницы нужно походить. Ты вздохнул.

— Расскажи, как ты жил сегодня? Что делал?

— Скучал.

— А кроме «скучал»?

— Еще сегодня морковки лепили...

— Все тридцать человек морковки?

— У кого красный пластилин — морковки, а у кого желтый — репку.

— А другое что-нибудь нельзя было слепить? Ведь это же слишком легко...

— Нельзя. Сказали, у нас конкурс: на лучшую морковку и на лучшую репку.

— А еще что было?

— Что еще?.. Еще Любви Петровне помогал, на веранде листья подметал. Потом мы сидели, я ей про Деревфан рассказывал. Она так удивлялась! Говорит: «Интереснее всяких сказок...»

Отношения с ребятами у тебя продолжали накаляться. Тебя били каждый день, даже во время еды (ногами под столом), даже во время дневного сна, уловив минуту, когда воспитательница выйдет из спальни.

Ты стал очень нервный и дома без конца нарывался на ссору, тебе все время хотелось выкинуть что-нибудь эдакое: вывалить на пол все игрушки из шкафа, или выдрать цветок из горшка, или устроить небольшой потоп в ванной. Одним словом, разрядиться. И мои нервы тоже порой не выдерживали.

— Антон, ты и в саду так себя ведешь?

— В саду я хороший.

— А дома почему же?

Ты задумался на минуту и ответил вполне убедительно:

— Если я буду везде одинаковый, тогда я буду везде хуже.

За ужином неожиданно устроил истерику. Увидев перед собой тарелку, ты крепко зажмурил глаза, сжал губы так, что они побелели, закрыл уши руками. Мыча, ты отчаянно мотал головой. Наконец из тебя вырвался крик:

— Не буду!..

— Почему не будешь? Ты же голоден.

— Не буду! не буду! не хочу! не буду!.. Меня вырвет!..

— Да почему вырвет? Это твоя любимая каша... — я попыталась отвести твои руки от лица. И ты, как зверек, вцепился зубами в мою руку. Я вскрикнула от неожиданности и боли.

— Ты в саду научился кусаться?!
 — Да! — с вызовом крикнул ты.
 — И что воспитательница делает, когда вы начинаете кусать друг друга?
 — Я не кусал.
 — А с теми, кто кусал, что делает?
 — Ставит в угол!
 — Ну и как? Помогает?
 — Помогает!
 — Может, и тебе поможет?
 — Не хочу! — завопил ты каким-то чужим, незнакомым голосом, которого я у тебя не знала.

— Пойдем, пойдем, голубчик! — я взяла тебя за руку и повела, точнее, потащила в комнату. Ты визжал, упирался ногами, пытался еще раз укусить меня.

— Ах, так? — я оглянулась по сторонам, ища место, где не было сквозняка. Бросив на пол у книжного шкафа половик (чтоб не простудился), я как можно суровее сказала:

— Пстой-ка на коленях в углу. Может, и тебе поможет.

И ушла на кухню.

Некоторое время до меня доносились твои сердитые крики: «Выйду! Выйду!.. Вот возьму и выйду!..»

Потом ты уговорился и затих. В комнате было так тихо, что казалось — ты уснул там, устав буйствовать. Я осторожно приоткрыла дверь... Тихий и сосредоточенный, ты по-прежнему стоял на коленях в углу, в руках у тебя была книга. Я подошла и заглянула в нее. Это была «Астрономия» Струве.

— Ну что, успокоился?

— Да.

— Тогда выходи и идем ужинать.

— А можно я еще постою? — улыбнулся ты. — Дочитаю.

— Хорошего понемножку. Идем ужинать.

— Не хочу ужинать.

Лицо твоё опять померкло.

— Как не хочешь? — растерялась я.

— Не буду.

— Да почему, в конце концов? — я с трудом сдерживала раздражение.

— Боюсь.

— Антон, брось валять дурака, надоело.

Ты смотрел на меня исподлобья.

— Я никого не валяю...

— Ладно, давай спокойно потолкуем.

— Все равно не буду есть.

— А если цветок не поливать? Засохнет?

— Засохнет.

— А если нашей черепахе не давать есть? Умрет?

— Умрет...

— А человек?

— Тоже умрет.

— Значит, ты все понимаешь?

— Понимаю...

Обливаясь слезами, давась, сморкаясь и кашляя, с невыразимым отвращением ты ел кашу, которую еще недавно любил.

— Что с тобой стряслось, малыш?

— Не знаю...

Долго не мог уснуть. Спал беспокойно, вскрикивал, садился в постели, испуганно тараща глаза, что-то бормотал, всхли-

пывал: «Не надо! Не хочу!.. Не надо!» — «Успокойся, сынок, утешься...»

Утром Евдокия Васильевна отозвала меня в сторону и сказала:

— Я вчера припугнула его. Сказала: если не будет есть, я позову врача, и врач сделает укол.

— Зачем вы пугали его? Он такой впечатлительный. Вчера у него была истерика. И ночью спал плохо...

— Как же вы мне прикажете управляться с ним?

— Надеюсь, он привыкнет, — без особой уверенности сказала я. — Постепенно...

Ты продолжал отказываться от еды. Евдокия Васильевна несмотря на мои просьбы продолжала пугать тебя, изыскивая все более изощренные способы. Вскоре я узнала, почему, когда я ставлю перед тобой тарелку, ты тут же закрываешь не только рот и глаза, но и зажимаешь руками уши... Оказывается, забываясь о твоём здоровье Евдокия Васильевна не раз грозила, что выльет тебе суп в карман, что зальет его тебе в уши... Она испытывала и такой способ: если ты отказывался от первого, она вываливала в тарелку с супом второе, туда же выливала компот и криком пыталась заставить тебя есть эту бурду. Тебя тошнило, рвало...

Узнав об этом, я потребовала, чтобы она оставила тебя в покое. На что она поджала обиженно губы и сказала, что то время, которое ты в саду, ты все равно на ее ответственности и никто, даже я, не вправе эту ответственность с нее снять.

Только Любовь Петровна искренне сочувствовала тебе. Но что она, сама еще девочка, могла сделать? Она только могла жалеть и любить тебя.

— Откровенно говоря, то, что здесь готовят, есть невозможно. Я сама только чай пью, да и тот бывает прокисшим... — призналась она мне. — Старайтесь его получше кормить дома, утром и вечером.

— Так он и дома перестал есть. У него какое-то отвращение к еде. Не знаю, что делать... Скажите, а как же другие дети?

— Они к нам все из яслей пришли, они привычные... Но Антоша, боюсь, не сможет привыкнуть. И дело не только в еде... Просто он из другого мира. Он — другой. Дети не принимают его. Как всякое стадо изгоняет чужака, так и они. Они его бьют, вы знаете? И не только мальчишки...

— Знаю... Но что же нам делать?

— Когда мое дежурство, я стараюсь его возле себя держать. Он мне помогает. Мы разговариваем. Или сажаю его перед группой и прошу почитать или рассказать что-нибудь. Дети его слушают, раскрывают рты. Но стоит отвернуться или выйти из комнаты, тут же начинают бить...

Мы стоим возле беседки и смотрим, как дети граблями сгребают листья на участке, собирают сухие ветки и сносят их в костер. Горький дым стелется по двору, щиплет глаза...

— Я вам советую: забирайте его отсюда. Недетсадовский он у вас...

...Есть у Пастернака, в одном не очень известном стихотворении 20-х годов, такие строки:

Однажды Гегель ненароком
 И, вероятно, наугад
 Назвал историка пророком,
 Предсказывающим назад.

Совсем недавно и такое предсказание историку нашей литературы давалось не просто. Сегодня — легче. Но что его точно ждёт, особенно если из-за возраста он не мог охватить прошедшее личным запоминанием, — так это оторопь: какие прогнозы делались тогда *наперед*, что сулили тому же Пастернаку — от скромного «останется на обочине» до не подлежащего обжалованию и должного немедленно быть приведенным в исполнение «гнева и презрения народа»...

Кому быть живым и хвалимым,
 Кто должен быть мертв и хулим, —
 Известно у нас подхалимам
 Влиятельным только одним.

Для такого обобщения личного опыта поэта было с лихвою достаточно. Но значила ли вся эта «людская мольва и конский топ» что-нибудь для читателя? Сбивала ли его с толку, отвращала — или, напротив, действуя «от противного» (очень противного!), привлекала и указывала? Попробуем вспомнить. Попробуем, без всяких претензий историка, не предсказывать «назад», но просто представить, припомнить — как читались, как слышались, как понимались стихи и проза Бориса Пастернака «давным-давно». Автор этого текста может опереться лишь на собственные воспоминания; иными он не располагает. Но, может, и так будет какой-то прок: пусть сегодня *тому* прошлому воздано «по заслугам» — но преодолено ли оно? А с другой стороны, не все в читательском восприятии относится только к «текущему моменту» — что-то живет и проявляется всегда.

Итак, этот «дневник читателя» — по воспоминаниям, давним и не очень...

«СЕСТРА МОЯ — ЖИЗНЬ»

Собственно, первую книгой поэта, попавшей в руки «нашему читателю», был не отдельный этот сборник, а однотомник 36-го года, в серой обложке, с гравированным портретом, — тот самый, по которому два (или три — с 36-го по 61-й?) поколения тех, кто заинтересовывался поэзией, открывали для себя Пастернака. Но начальной в однотомнике была именно «Сестра моя — жизнь»; и сами эти слова, уже не как название, а как девиз и образ, стали первоосновой дальнейших читательских впечатлений.

Но прежде чем о них, о «впечатлениях» — несколько слов об «обстоятельствах места и времени». Время действия — 1951 год; нашему «любопытному читателю» в это время около 17 лет, он — старшеклассник провинциальной школы в маленьком городе на севере России. Совсем недавно еще его поэтические «пристрастия покинули пределы Щипачева» и перешли к Есенину. Что же касается

В. РЫБАКОВ

1946 год. А. Ахматова и Б. Пастернак

К столетию со дня рождения БОРИСА ПАСТЕРНАКА

СВЕЧА НА ВЕТРУ

школьного курса литературы, то великий океан русской поэзии сквозь него воспринимался словно бы как через стекло: видно — да не слышно, осязатима красота, но так слабо доходит *живое* дыхание этого океана... Не будем относить это лишь за счет туповатости «нашего читателя» да плохих учебников и учителей (вовсе не *таких* плохих, что столь часты теперь); но сегодня, с дистанции почти сорока лет, понимаешь, что традиционное построение школьного курса литературы — вообще большой риск. Душевного, духовного, наконец, чисто читательского опыта ранней юности зачастую маловато, чтобы вступить в *живой* диалог с Пушкиным и Толстым. Потери же — на глазах: сколько людей «открывает» то, что «проходили», лишь лет через двадцать: а сколько — и вообще не открывает, во всех смыслах этого слова?

Но вернемся к тем, к первым впечатлениям. Самое первое: как странно...

Стихи захватывают сразу, с первых строк: «Это — круто налившийся свист, это — шелканье сдавленных льдинок», «Давай ронять слова, как сад — янтарь и цедру...», «О детство, ковш душевной глубин!» — и сегодня, столько раз перечитав, не устаешь удивляться, как все это здорово начато — совсем без тех «лишних слов», которые, по мнению Чехова, неизбежны в начале любого «сочиненного» текста.

А вскоре, на второй-третьей строфе, — не поспеваешь, отстаешь от быстролетящих и как бы «необоснованных» образов и сопоставлений: вот после понятного «всех лесов абориген» — «мой вдохновитель, мой регент», — а почему «регент»?

Вот здесь именно и был тот водораздел, с которого можно спуститься в одну сторону — к живому, незамкнутому, всю жизнь пополняющемуся ощущению поэзии; в другую же — к пониманию ее «в границах», которые с годами и прибавлением читательских впечатлений не раз-

двигаются, а все более становятся «на замке». Вот в чем дело: на том культурном пустыре, на который мы, подрастающие, тогда выходили, из всех корневых движений русской поэтической культуры лишь одно признавалось полезным для произрастания — повествовательно-поучительное. Так вот выходило, что ни есть в стихах — картины ли природы, историческое или «про любовь» — все это непременно завершалось сентенцией, нравственного ли, социального или житейского характера. И все, что «учили в школе», так подбиралось — или ставилось под таким углом. Да и не в одном том, как учили, были к тому основания: в пределах того, что тогдашнему читателю было доступно, ничего иного и не находилось. Разве что сказать спасибо тем критикам, что «пригвождали к позорному столбу» — кого еще, кроме Пастернака? Да, Ахматову, Платонову, Гроссмана — они нам, критики-то, хоть указывали имена — а

дальше уж дело было за нашей любознательностью...

Вот Пастернак и оспаривал, развенчал эту привычку к повествовательному, пусть даже и с лирическим надрывом, стиху. Много позже узналось, что это было для него не одной лишь наклонностью натуры, но сознательной творческой задачей. Он так сказал об этом: «Я ничего не выражал, не отражал, не отображал, не изображал... Моя постоянная забота обращена на содержание, моею постоянною мечтою было, чтобы само стихотворение не что содержало. Мне нужно было, чтобы одно стихотворение содержало город Венецию, а в другом заключался Брестский, ныне Белорусско-Балтийский вокзал».

...И вдруг удавалось увидеть, что «героем» стихотворения может быть — зеркало, просто зеркало...

В трюмо испаряется чашка какао,
Качается тюль, и — прямой
Дорожкой в сад, в бурелом и хаос
К качелям бежит трюмо.
Там сосны враскачку воздух саднят
Смолой; там по маете
Очки по траве растерял палисадник,
Там книгу читает Тень.

Огромный сад тормошится в зале
В трюмо и не бьет стекла!
Казалось бы, все коллодий залил
С комода до шума в стволах.

И вот в гипнотической этой отчизне
Ничем мне очей не задуть.
Так после дождя проползают слизи
Глазами статуй в саду.
Шуршит вода по ушам, и, чирикнув,
На цыпочках скачет чиж.
Ты можешь им выпачкать губы
Черникой,
Их шальюстью не опоишь.
Огромный сад тормошится в зале,
Подносит к трюмо кулак,
Бежит на качели, ловит, салит,
Трисет — и не бьет стекла!

...Вот сейчас думаешь — и чего тут «не понимать», когда ключ к пониманию заботливо дал автором в самом названии стиха... Смотри в зеркало — и вот оно, все то, что есть в этих строках: и, в ответ шелестенью книжных листов, — шелест листьев над головой, и кружкий света на траве сквозь прорези палисада, и качели, и беготня детей... Так ведь сегодня глаз наш научился чему-то у Феллини, и Андрея Тарковского, у Гикассо, и Шагала...

А может, и они (и все мы!) Пастернаку чем-то обязаны? Не те именно, чьи имена тут названы, но — кто находился в кругу впечатлений от новой русской поэзии. Ведь в ту пору, когда складывались первые книги поэта, «монтажного», ассоциативного кино не было еще в помине. «Новая» живопись расцветала и шумела — но прямых отзвуков ее у Пастернака не видно...

А между тем именно «монтажность», многомерное пересечение ассоциаций, смена изобразительности — от взгляда в упор до широкого, во весь оком, обзора — это и создает поэта, который, так странно для начинающего читателя, «ни на кого не похож». Не совсем это так — «монтажность», кинематографичность поэтического взгляда заметны уже у Тютчева; а Ю. Оле-

ша углядел подобное и у Пушкина. Но лишь Пастернаку приспело сделать ее основой поэтического взгляда, открывающего читателю мир, насквозь новый и увиденный впервые — словно решительно все в том мире только что получило имена и еще не успело к ним привыкнуть. А для «нашего читателя», с его подростково-оценочным взглядом на мир (а разве не такую же с прибавкою вымученного пафоса и ненаигранного страха, была тогда почти вся печатающаяся словесность?), та серая, порядочно уже затрепанная книжка помогла ошутить: нет «важного» и «второстепенного»; любая «точка вселенной», будь то Венеция или вокзал, гроза или сирень, раскрываясь, становится целою вселенной, соединенной с другими же — и нет им конца...

Все жили в суть и впроголодь,
В борьбе ожесточась,
И никого не трогало,
Что чудо жизни — с час...

Друзья-читатели, читайте стихи *вслух!* — многое мишурное ответится сразу; зато в настоящем — откроется что-то, не схватываемое «глазным» чтением. Вот и тут: «с час», в звуке — это ведь и «сейчас», это возникающий дополнительный смысл и ракурс. «Сейчас» остановленное мгновение, да не остановленное даже, живущее всеми красками, звуками и отзвуками, — таков он, «ранний Пастернак». И нашему читателю посчастливилось, что все это впервые было прочтено именно в юности: и «Сестра моя — жизнь», и «Поверх барьеров», как настоящая всякая поэзия, любому возрасту слышны, но юности — еще и созвучны...

Сестра моя — жизнь, и сегодня в разливе
Расшиблась весенним дождем обо всех,
Но люди в брелоках высоко брызгливы
И вежливо жалят, как змеи в-овсе.
У старших на это свои есть резоны.
Бесспорно, бесспорно, смешон твой резон,

Что в грозы лиловы глаза и газоны
И пахнет сырой резедой горизонт

...Никаких людей в брелоках отроду не видывал читавший эти строки вологодский школьник; но строй чувств, которые в этих строках — и неуверенность, и запальчивость, и боязнь быть смешным, и надежда, что втайне прав ты — о, это все про юность... Про *каждую* юность...

«Охранная грамота». Стихи из романа

...«Наш читатель» повзрослел на три года; на дворе 1954-й. Сменилось и место действия: теперь это общежитие на Охте, и закутки в университетских коридорах, где разговоры откровеннее и горячее, чем на занятиях, и библиотека в торце бесконечного коридора Двенадцати коллегий, в которой нашелся даже (и как это просмотрели!) сборничек Гумилева.

Да, вот Гумилев... И еще — Северянин, Бальмонт, у самых «авангардных» — Хлебников... Так выходило, что в поэтических пристрастиях начинающих филологов словно бы «разморозились» строки и имена, гремевшие на грани века. И первый отбор шел «от обратного»: кого ругали в учебниках и на лекциях, чьи книги были не

разыскать... И, что скрывать, — *яркое* казалось более привлекательным, чем *глубокое*...

Вот именно так, по какому-то прочитанному туманно-недоброжелательному упоминанию (мол, искажил образ Маяковского...), внимание было наведено на «Охранную грамоту». И она явилась все из той же чудесной библиотеки — маленькая, темносиняя, кажется, книжечка. И оказалась, для начала, «ключом», которым открылись иные, завораживающие, но и загадочные стихи того одномыслика — «Марбург», «Венеция». Для тех, кому «Охранную грамоту» еще не довелось прочесть, скажем в пояснение: это автобиография поэта, начинающаяся с подростковых, перед революцией пятого года, лет и доведенная до 30-го года — года смерти Маяковского; автобиография скорее внутренней жизни, духовных ее событий, отзывавшихся, разумеется, на то, что вокруг, в мире... На ее страницах представляла эпоха, что действительно была для нас, двадцатилетних, «отдаленней, чем Пушкин, и виделась точно во сне». И прочитанное словно бы вплеталось в наши разговоры; голосом товарищеской поддержки звучали хотя бы такие слова: «...Развращенные пустотой шаблонов, мы именно неслыханную содержательность, явившуюся к нам после долгой отвычки, принимаем за претензии формы». Ведь что-то стало промелькивать уже и в журналах, появилась померанцевская статья «Об искренности в литературе», при дверях была «оттепель» (лишь много позднее узналось, что слову этому исполнялось тогда — 100 лет; его ввел в обиход, в 1855 году, Тютчев)... «Формализм» был ругательным словом в учебных книжках и с лекторских уст; но мы уже отчетливо предпочитали «бывших формалистов» Томашевского и Проппа бранившим их коллегам.

Но рядом, на тех же страницах, читались и такие строки: «Эпигоны представляли влечение без огня и дара. Новаторы — ничем, кроме выхоленной ненависти, не движимую воинственность». Воинственности нас учили сызмальства; но вот на этом участке жизни, на этом «культурном фронте», куда мы вступали любознательными новобранцами, все очевиднее обнаруживалось обаяние и достоинства именно тех, кто «не понял», «не смог воплотить», «остался в стороне»; а лица и мысли борцов и ревнителей расплывались в пустоватой туманности.

И дело тут было не в утрате школярской наивности по отношению к «изучаемым предметам», не в том, чтоб в оценках плюс поменять на минус. Через все это определялось гораздо большее: те линии и знаки, те мерки и оценки, которые и дают возможность каждому из нас видеть жизнь как *целое*, строить *образ мира*, пытаться понять, где в нем *твое* место.

Этот образ только-только начал чуть яснее проступать сквозь то, что Пастернак определил в «Охранной грамоте» как «затяжной, дребезжащий, государственный дождик». Яснее становилось, что у книг и людских поступков, у чувств и фасонов одежды, у музыки, под которую танцуют, есть и *своя* внутренняя суть и правда; и разобраться в ней, пожалуй, интереснее, а главное — жизнен-

но *нужнее*, чем знать, как про то думать *положено*.

И вот — стихи из романа, напечатанные в апрельском «Знамени» 54-го года. И вновь первое чувство — изумление. В соседстве чтения рядом с «Охранной грамотой», которая созвучна пастернаковским стихам первой поры и как бы послана вслед им, *эти* оказывались загадочны именно в ясности своей, кажущейся безыскусности, прямом назывании вещей и чувств там, где прежде заключилось бы многоцветное облако сравнений и метафор.

Засыплет снег дороги,
Завалит скаты крыш,
Пойду размять я ноги:
За дверью ты стоишь.

Одна, в пальто осеннем,
Без шляпы, без калош,
Ты борешься с волненьем
И мокрый снег жуешь...

С порога смотрит человек,
Не узнавая дома.
Ее отъезд был как побег,
Везде следы разгрома.

Повсюду в комнатах хаос.
Он меры разорения
Не замечает из-за слез
И приступа мигрени.

Что же в этих строках, и при сотом чтении, сразу будто втягивает внутрь, в пространство, которое они образуют, в *ту* зиму или в *тот* дом? И каково же было при чтении впервые... То ли, что, по выражению А. А. Ахматовой, «все слова стоят на своих местах»? То ли, что каждое из них найдено с крайнею, предельною точностью? То ли, что, без помех отвлекающих подробностей, они говорили о чувствах, к которым *каждому* человеку, так или иначе — приходится прикоснуться? Все, наверное, так здесь и было. Та глубинная суть, та самая правда чувств, вещей, явлений, то *узнавание*, которое отзывается, вслух или про себя: «Это так!», «И я *так* чувствовал!..»

Но только к этому все не сводится. Есть источник, к которому все это сходится и из которого исходит, — высота духовного строя.

В журналах и книжках той поры «нашему читателю» не раз встречалось такое: что вот, мол, поэт N — замечательный пейзажист, гражданские же стихи у него подкачали. А прозаик NN большой психолог, но вот не сумел увидеть жизнь в ее революционном развитии...

В сопоставлении с тем духовным строем, который воплощен в жизни и книгах Бориса Пастернака, все это — чистый абсурд; ну, примерно так, как если бы нам сказали, что существуют весьма проворные ноги — сами по себе. Человек — един; а как художник (не «тоже человек», а человек в его полной сути) един прежде всего, это первое его качество. Он может и «отступиться от лица», и тогда его *не будет*; но быть и тем, и пятым, и десятым он не может. И в его работах, воплощены ли они в немногих строках или в сотнях страниц, его душа неизменно высказывается в полную меру, говоря о мире тоже как о целом. «Книга есть кубический кусок горячей, дымящейся соевости», — определил поэт еще в начале

пути, в 20-е годы. И те, четверть века назад прочитанные стихи и ощущались как искры большого пламени — несмотря даже на то, что в публикации не вошли ни «Гамлет», ни все, что было написано на темы Нового Завета. Роман был обещан к публикации вскоре — но ждать его читателям пришлось долго.

«Доктор Живаго»

Некоторым, правда, не так долго: наступила (нет худа без добра...) эпоха, которую какой-то остроумец назвал «Эрика» против Гутенберга». То, что было обещано, но не печаталось; то, что и было написано «не для печати»; давние стихи и проза тех, кто продолжал оставаться «мертв и хулим», — все это, под копирку (почему-то всегда доставалось читать совсем слепые, пятые—десятые экземпляры...), полетело от одной пишущей машинки до другой; а скеросов еще не было и в помине.

И уже нелегко сейчас отделить близкие впечатления от романа от тех, двадцатипятилетней давности, когда под сигареты и кофе передавались по кругу затертые страницы, а наутро невыспавшиеся читатели вызвали у сослуживцев разные сомнительные предположения... Но оставим ностальгические воспоминания, да и не умиления они заслуживают, а стыда: что же с нами делали и что мы позволяли делать с собой...

Журналу и автору этих строк уже довелось писать о книге Бориса Пастернака (№ 11 за 1988 год); там мы попытались понять, как был задуман и построен роман; поэтому обратимся сразу к его нравственной сердцевине, духовной сути.

...Есть один символ, один образ, который проведен через весь роман, пронизывает и озаряет его. Это — пламя и свет свечи. Ее мерцание сквозь снегопад видит Юрий Живаго в окне еще не знакомой ему Лары, и с этой минуты начинают приходить к нему стихи. Как заклинившие повторяемое — «свеча горела на столе, свеча горела...» то и дело приходит нам в память на тех страницах, где рассказано о невольном их отшельничестве посреди разрухи, зимы и войны... «А ты все горишь и теплишься, свечечка моя ярая!» — шепчет спрессованная Лара склонившемуся над стихами Юрию... И Россия, охваченная огнем междоусобия и раздора, тоже видится «на глазах у всего мира вдруг заплывшей свечой искупления за все бездолье и невзгоды человечества...»

Многое соединено в этом образе. Свеча горит как бы изнутри — не пополняемой извне силой, а собою, своею сущью; и ее *жизнь* — это и есть горение. Она светит, не может не светить, пока живет. Ее зажигают в праздник — в день венчания, и на Рождество, и в поминальный час. И она — выражение тех чувств, которые человек обращает к тому, что считает Высшим началом.

...Недавно было отмечено тысячелетие христианства на Руси; немногим более десятилетия осталось до того, как минует двадцать веков его участия в истории человечества. Каждый из этих двадцати чем-то — мраком ли, светом или мельканием их — отмечен в этой истории. Но сейчас едва ли можно оспорить, что первоосновы того, что называлось европейской культурой, — именно там, в первом из этих двадцати. А судорожные попытки нашего

века построить жизнь, минуя те основания — от «сверхчеловека» до «нравственно то, что служит делу», — обернулись лишь хаосом и кровавой кашей. И еще — эпидемически выросшим чувством бессмысленности жизни, бессмыслицы отдельного человеческого существования. А между тем цель эта есть. Вот как сказано у Пастернака:

«...Можно быть атеистом, можно не знать, есть ли Бог и для чего он, и в то же время знать, что человек живет не в природе, а в истории, и что в нынешнем понимании она основана Христом, что Евангелие ее основание. А что такое история? Это установление вековых работ по последовательному разгадке смерти и ее будущему преодолению. Для этого открывают математическую бесконечность и электромагнитные волны, для этого пишут симфонии... Для этих открытий требуется духовное оборудование. Данные для него содержатся в Евангелии. Вот они. Это, во-первых, любовь к ближнему, этот высший вид живой энергии, переполняющей сердце человека и требующей выхода и расточения, и затем это главные составные части современного человека, без которых он немислим, а именно идея свободной личности, идея жизни как жертвы».

Жизнь — как свеча, которая не может гореть «внутри», для себя, которая, умаяясь, становится все наполненнее — вот сердце книги, вот суть жизни — поэта. «...Все мы стали людьми лишь в той мере, в какой людей любили и имели случай любить...» И такую свечу «ветер времени», если вызван он естественным движением жизни, не гасит — лишь делает ярче... Но для того, что обрушилось на книгу и ее автора, не найти иного названия, чем давнее выражение Андрея Платонова, — «мусорный ветер».

...Сегодняшнему читателю уже достаточно известно, что происходило в дни «антипастернаковской» кампании: и как ругались Семичастный, и что сказал Солоухин, и как страдал Слуцкий, и чего якобы не сказал Софронов. Но все равно тем, кто не застал этого вьяя, не почувствовать того смрада, который висел над печатными страницами, той бесовщины, которая вырвалась вдруг в воздух, того улюлюканья «братьев по перу», из которых — один из ста едва ли держал роман в руках...

И в ответ — последние стихи, последние вспышки свечи:

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу хода нет.
Темный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду,
Будь что будет, все равно.
Что же сделал я за пакость,
Я, убийца и злодей,
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

...«Всего лишь» через три десятилетия — если не заплакали, то сокрушению завздохали и мы, да и то — не все... «Они любить умеют только мертвых...» Давно это было сказано — а отозвалось далеко наперед. Да и — положи руку на сердце — перейдена ли та грань, чтоб уверенно сказать — «не повторится!»?

Для детей

Сколько стоит рубль?

Обзор книг по экономике

Что такое экономика и чем занимаются экономисты? Что такое себестоимость, прибыль, национальный доход? От чего зависит цена вещей и почему не обойтись без денег?

Получить ответ на эти простые вопросы ребята могут разными путями. Один из них — книги, знакомящие с азами экономики.

Книга Г. Елизаветина «Деньги» вышла в издательстве «Детская литература» давно, но интерес к ней не угасает. Ее охотно читают даже те подростки, которым казалось, что экономика — вещь сухая и скучная. Ну в самом деле, кому же не любопытно, к примеру, узнать, что в давние времена деньгами служили... собачьи зубы, черепа людей и животных, перец, солома, лопаты, хлопок, листья табака, копченые циновки, раковины каури, своей формой похожие на змеиную головку, и раковины копков, напоминающие миниатюрный слоновый язык. А на Каролинских островах, как рассказывает книга, существовали вовсе уж дикие деньги — камни размером с мельничный жернов. Чтобы такой камень сдвинуть с места, нужно было усилие нескольких человек.

В книге Елизаветина много интересных, разнообразных и полезных сведений. Из нее узнаешь о монетных дворах, существовавших на Руси, о том, когда был изготовлен первый советский рубль, для чего существует Государственный банк СССР,

что такое безналичный расчет и т. д.

КНИЖКА И. ДУБРОВИЧКОГО И В. ОРЛОВА «СКОЛЬКО СТОИТ РУБЛЬ?» (М.: Мол. гвардия, 1983) — о законах экономики.

«Не показалось ли тебе странным название этой книги? — обращаются ее авторы к читателям. — Сколько стоит рубль?»

А сколько он может стоить? Стоят вещи, стоят продукты, стоят билеты в кино, а не деньги.

Но ведь если...

50 тетрадей, или 5 порций мороженого, или 20 билетов на автобус, или еще что-нибудь стоят 1 рубль, то и...

1 рубль стоит 50 тетрадей, или 5 порций мороженого, или 20 билетов на автобус, или еще чего-то...

Ну а почему на рубль можно купить именно 50 тетрадей, а не 5 и не 100? Кто так постановил и почему?.. Почему каждому человеку нельзя выдать столько денег, сколько ему хочется? Ведь деньги-то бумажные, а не золотые какие-нибудь. Печатай сколько хочешь?

Вот сколько вопросов сразу.

Книга дает ответ и на эти, и на многие другие важные вопросы. А в ходе разговора авторы разъясняют ребятам смысл таких понятий, как себестоимость, прибыль, национальный доход, девальвация...

Говорят: «Экономика — наука о хозяйстве и хозяйствовании», «Знание экономики — каждому!» В то же время говорят и так: «Экономика стран Западной Европы», «Экономика страны развивается...» В. Стороженко, автор книги «Семь раз отмерь...», обращает внимание ребят на многозначность слова «экономика», но книга его посвящена в основном экономике-науке.

Книга Стороженко убеждает, что экономика нужна сегодня всем, что не обойтись без нее ни химику, ни архитектору, ни геологу, — вообще никому. Химик, например, предлагает новые синтетические вещества. А экономист говорит, какое из

них выгоднее производить. Авиаконструкторы создают новые модели пассажирских самолетов. А экономисты определяют, какие модели наиболее рациональны. Именно экономист каждый раз обязан ответить: быть или не быть?

«Быть новому заводу или не быть?»

«Быть новому станку или не быть?»

«Быть новому каналу или не быть?»

«Быть новому колхозному саду или не быть?»

Так или иначе, в конечном счете судьбу вещей, заводов, земель, полезных ископаемых, рек, а в некотором смысле и людей решают экономисты. Смысл работы экономиста в том, чтобы делать труд людей все более и более осмысленным, чтобы люди как можно меньше тратили сил попусту.

«Семь раз отмерь...» — не единственная книга В. Стороженко, посвященная экономике и адресованная ребятам среднего и старшего школьного возраста.

«...Не удивляйтесь, что в магазинах не хватает товаров... Чудес в экономике не бывает. Мы потребляем только то, что производим», — пишет Стороженко в другой своей книге — «Формула экономики». Здесь рассказано, как надо и как не надо экономить, какие колоссальные убытки может принести народному хозяйству бездумная экономика.

Один из ярких примеров того, как не надо экономить, ребята смогут найти и в книге «Слагаемые успеха» (того же автора). Наиболее дешевая отделка наружных стен зданий — обычная окраска известковыми красками, пишет автор в главе «Экономная экономика». Именно такими красками покрыты стены жилых домов. А дешевые краски недолговечны. Так вот, экономисты подсчитали, что даже мрамором, не говоря уже о декоративном бетоне, зачистую отделять дома дешевле, чем известковыми красками. Это тот самый случай, когда копейная польза очевидна, а миллионный ущерб скрыт. Вот и получается, что в экономике далеко не всегда более дешевое одновременно и более эффективно, и выгодно.

Последняя в этом обзоре книга — «Занимательная экономика» В. Грошева. Она издана «Просвещением» в 1989 году и рассчитана на старшеклассников. Автор стремится заинтересовать ребят экономикой, научить мыслить экономически. А современное экономическое мышление, объясняет он в обращении к читателю, предполагает знания — в чем смысл хозрасчета, как обеспечить самофинансирование и самоокупаемость, снизить себестоимость и повысить производительность труда. Экономика сегодняшнего дня невысказана также без менеджмента, знания современного ценообразования, денежного обращения и кредита, внешнеторговой деятельности. Объяснить это также входит в задачу автора. Этой цели подчинен и отбор фактического материала, и само построение книги. Автор предлагает ребятам принять участие в деловых играх — выполнить задания, обсудить ситуации. Вот, к примеру, одно из деловых заданий, включенное в книгу:

«Попросите у родителей расчетные книжки на оплату жилья, электричества, телефона. Попробуйте заполнить карандашом все квитанции на очередной месяц, покажите родителям и проведите расчеты в сберкассе. Посчитайте годовые расходы семьи. Проанализируйте расходы по месяцам и попробуйте найти резервы экономики».

Деловые задания и деловые ситуации чередуются с микросюжетами и небольшими по объему очерками. Все это облегчает восприятие экономической информации. Привлекают внимание и вызывают интерес и названия самих очерков: «Мистика и экономика», «Отдавать то, что не брал», «Ошибка инженера Гарина», «Можно ли обогнать черепаху?», «Курьезы и прогнозы».

Книги, названные в этом обзоре, обращены к ребятам среднего и старшего школьного возраста. Для них же издательство «Книжная палата» выпустило в 1988 году и библиографическое пособие «Будущим хозяевам страны: Беседы о книгах по экономике и народному хозяйству СССР для учащихся 6—8 классов». Беседы знако-

мят с литературой, которая рассказывает о прошлом и настоящем науки экономики, о том, как развивалось народное хозяйство СССР и каковы его перспективы. Будем надеяться: рекомендуемая здесь литература поможет ребятам в выборе будущей специальности и деловой подготовке к ней.

Г. РУМЯНЦЕВА,
главный библиотекарь
Государственной
республиканской
детской библиотеки
РСФСР

Для взрослых

Мир моделей

КОСТЕНКО В. И., СТОЛЯРОВ Ю. С. МИР МОДЕЛЕЙ. — М.: ДОСААФ, 1989

Для ребят любого возраста техническая игрушка это — миниатюрное воспроизведение натуральной машины или сооружения. С нею дети играют и, играя, как будто приобщаются к настоящей «большой» технике. Такие игрушки — по существу модели машин и аппаратов, с которыми детям придется столкнуться в будущем. Это обстоятельство является одним из основных моментов, увлекающих ребят в общении с технической игрушкой. Уже в школьном возрасте они с увлечением строят действующие модели самолетов, кораблей, танков, локомотивов. Тогда такая игрушка превращается в миниатюрную модельную машину, воспроизводящую функции прототипа. Причем оказывается, что разного рода модели, наряду с некоторыми игровыми моментами, содержат в себе также и достаточно серьезные функции демонстрационного средства, а нередко выступают и как инструмент научного эксперимента.

Недавно вышедшая в издательстве ДОСААФ научно-популярная книга В. И. Костенко и Ю. С. Столярова вводит читателей в мир тех-

нического моделирования. Она так и называется: «Мир моделей». Читатель узнает, какие бывают модели машин и сооружений. Узнает и о том, как часто летящие модели самолетов, планеров, воздушных шаров и дирижаблей играли важную роль в создании полноразмерных летательных аппаратов. Авторы в разделе, касающемся этого вопроса, упоминают о ряде малоизвестных фактов, ранее не освещавшихся в нашей литературе.

Генеральный конструктор самолетов О. К. Антонов, генеральный конструктор вертолетов М. Н. Тищенко, пилот-испытатель самолетов М. М. Громов, главный конструктор судов на подводных крыльях Р. Е. Алексеев, первый космонавт Ю. А. Гагарин прошли путь в авиацию, судостроение и космонавтику от летающей или плавающей модели. Авторы увлекательно рассказывают о том, какова была роль действующих моделей в серьезных научных исследованиях, которые предварительно приходилось осуществлять для проверки действия новых сложных машин, таких, например, как ракеты с жидкостными ракетными двигателями, скоростные самолеты с ТРД и треугольными крыльями. Каждая глава книги снабжена библиографическими ссылками на первоисточники.

Кроме того, со страниц книги читатель получает совершенно неожиданные сведения о том, что модель прокладывала дорогу и в создании архитектурных и гидротехнических сооружений, в частности — речных плотин и каналов.

Авторы приводят интересные примеры того, как сама модель в ряде случаев может служить рабочей машиной, когда ее миниатюрные размеры позволяют выполнять действия, недоступные при тех или иных габаритах натуральной машины.

В полезной и нужной книге есть и некоторые упущения, они больше относятся к работе издательства, чем к авторам. К счастью, эти мелкие недостатки не умаляют достоинства и интересности содержания, оригинальности кни-

ги. «Мир моделей», несомненно, будет хорошим пособием для молодежи, интересующейся техникой, для учителей физики и труда в школах и ПТУ, и, конечно, для родителей, желающих привить своим детям живой интерес к технике и к ее истории.

**Академик
Б. В. РАУШЕНБАХ**

Ответы

В ответ на рецензию Ю. Смелкова «По школьным шаблонам...» («Семья и школа» № 2, 1988) мы получили следующее письмо, которое публикуем с сохранением орфографии, пунктуации и всех особенностей стиля автора.

С позиций сегодняшнего дня

Ветеран педагогического труда, учительница русского языка и литературы, десятилет лет проработавшая в школе, Александра Никитична Казакова прислала мне, биографу известного русского писателя Георгия Георгиевича Степанова, из города Урюпинска Волгоградской области копию так называемой рецензии некоего Ю. Смелкова, опубликованную в журнале «Семья и школа» № 2 за 1988 год. Рецензия озаглавлена «По школьным шаблонам» и касается книги названного мною писателя «День из жизни писателя», выпущенной издательством «Советская Россия» в 1987 году. Кстати, это уже шестое издание в сокращенном виде. В полном же виде пятое, переработанное издание как «Пособие для учащихся» вышло в свет в Москве еще в 1981 году, переизданное издательством «Просвещение». Это издательство вообще не публикует художественных произведений. Но ввиду особой значимости книги «День из жизни писателя» как учебного пособия для школ книга эта была принята издательством. В послесловии к этому из-

данию член-корреспондент Академии наук СССР В. Р. Щербина дал самую высокую оценку сборнику очерков и рассказов «День из жизни писателя». Он писал:

«Книга Георгия Степанова «День из жизни писателя» — не просто сборник литературоведческих очерков и рассказов о русских писателях и поэтах классиках. Оригинальная по замыслу и композиции, она являет собою своеобразное художественное повествование о сложной, многоступенчатой истории русской литературы...

Содержание книги получилось глубоко емким и широко познавательным для читателей разных возрастов и разной подготовки и, в особенности, оно оказалось нужным и полезным для преподавателей-словесников, работающих в старших классах, наших средних школ. Ведь речь идет в рассказах, очерках, эссе не только о «звездных днях» из жизни писателей-классиков, но и о «звездных днях» великой русской литературы, то есть о незабываемых «поворотных веках», имеющих непреходящее историческое значение».

Тем более вызывает удивление появление в журнале псевда Ю. Смелкова на очень полезную для школьников книгу спустя много лет после ее издания и ряда переизданий. Псевда пишет: «Нет, я вовсе не призываю к превращению истории литературы в историю литературных склоков, но при бесконфликтном подходе к делу искажается сам литературный процесс». И все же к «литературной склоке» и свелась вся суть рецензии. Рецензент, так сказать, попал в струю перестройки!

Однако при чем тут перестройка? Под видом перестройки выплескивается на страницы печати ненависть к истории русской классики, есть попытка ошельмовать весь процесс отечественной литературы. Может быть, автор рецензии вообразил, что он выступает против застоя? Отнюдь нет, он тоскует по застою, по административно-бюрократической командной системе, когда

можно было по-ждановски расправляться с писателями, командовать ими из кабинетов, становиться заслоном на широком пути развивающегося литературного процесса.

Прошу вас опубликовать это мое письмо.

Г. ЧУМАЙ,
кандидат исторических наук,
ветеран войны и труда,
персональный пенсионер
г. Краснодар

Уважаемый Григорий Титович!

Право, жаль, что отсутствие места в журнале не позволяет рядом с Вашим письмом еще раз напечатать полностью рецензию Ю. Смелкова «По школьным шаблонам», которая вызвала Ваше, мягко говоря, неудовольствие. Непредубежденному читателю сразу бы стало ясно, кто есть кто и что есть что. Рецензия Ю. Смелкова, безусловно, критична, но это критика аргументированная, доказательная. А доказательность, по сути, и есть тот водораздел, что отделяет подлинную литературную критику от пасквиля.

Судя по Вашему письму, сами Вы, в отличие от Ю. Смелкова, относитесь к книге Г. Степанова восторженно, если не благоговейно. Но в критике любой восторг надо тоже подкреплять аргументами. Где же они? Вы ссылаетесь на мнение В. Щербины, но сами же говорите, что Щербина был автором послесловия к одному из изданий книги Г. Степанова, — а это значит, что при всем своем желании он не мог высказать об этой книге критические суждения, даже если бы они у него были, ибо послесловия пишутся для того, чтобы рекомендовать книгу читателю, а не оценивать ее критическим оком.

Точно так же и число переизданий книги Г. Степанова, на которое Вы ссылаетесь, само по себе еще не говорит о том, что книга эта непременно хороша. Сколько знаем мы и учебников, и учебных пособий, которые выходили и десятью, и двадцатью изданиями, а потом подвергались убийственной (и справедливой!) критике со сторо-

ны литературно-педагогической общественности за отставание от жизни и другие грехи...

И потом, ссылаться на многочисленные издания книги — значит смотреть назад, а не вперед. Время сейчас так быстро меняется, что книги, еще вчера признаваемые безусловно полезными, а то и выдающимися, сегодня не выдерживают проверки временем, поскольку не отвечают современным задачам воспитания читателя.

Именно так случилось, нам кажется, и с книгой Г. Степанова.

Отдел литературы и критики

Недавно выпущено

БАЛЬМОНТ К. Д. СОЛНЕЧНАЯ ПРЯЖА: Стихи, очерки / Составитель, предисловие и примечание Н. В. Банникова; Художник И. Л. Бруни. — М.: Детская литература, 1989. — 239 страниц с иллюстрациями.

Ярым поклонникам Б. Гребенщикова, Цоя или «ДДТ» трудно себе представить своих прадедушек и особенно прабабушек в роли «фанатов», как говорят сейчас наши подростки. А между тем в начале века всероссийская слава, широкая популярность сопутствовала поэту Бальмонту. Составитель книги, включив в нее элегии, стансы, сонеты, как и очерки поэта Л. Н. Толстом, Некрасове, Фете, Скрыбине, предлагает старшеклассникам познакомиться с творчеством кумира молодежи начала XX века.

ВОЛОДЧЕНКО В., ЮМАШЕВ В. ВЫХОДИ ИГРАТЬ ВО ДВОР. — М.: Молодая гвардия, 1989. — 139 страниц с иллюстрациями.

Эта книжка даже своим названием обязана читателю «Комсомольской правды». В своих многочисленных откликах на обращение газеты они прислали описания многих забытых подвижных игр. Кто из старшего поколения не играл в детстве в салки,

лапту, горелки, прятки, чижа, бабки, казаки-разбойники?!

МИР ДЕТСТВА: Подросток / Под редакцией А. Г. Хрипковой. — 2-е издание, дополненное. — М.: Педагогика, 1989. — 288 страниц с иллюстрациями.

Первое издание книги (1982 года) готовилось почти десять лет тому назад. Времена изменились. Как выглядит сегодняшний подросток в глазах сверстников, взрослых, физиологов, педагогов? Какие у него взаимоотношения с природой, искусством, спортом, трудом, учебой и как они должны развиваться? Это приходится учитывать не только родителям 14—15-летних, но и 8—9-летних детей, т. к. возрастные границы подростка определены 10—15 годами.

Книга издана в серии «Библиотека для родителей».

МОСКВИЧЕВ Л. Н. ЗНАНИЯ О МИРЕ И МИР ЗНАНИЙ. — М.: Педагогика, 1989. — 128 страниц с иллюстрациями.

Прошающиеся со школой прошли лишь первый отрезок пути по дороге знаний, и им еще предстоит следовать по ней в ПТУ, техникумах или институтах. В чем же особенности и сложность, сила и слабость мира знаний? Какие требования он нам предъявляет? К этим вопросам старшеклассников привлекает доктор философских наук, профессор Л. Н. Москвичев. «Библиотечка «Детской энциклопедии» продолжает свои серьезные беседы «Ученые — школьнику».

МУДРОЕ СЛОВО ДРЕВНЕЙ РУСИ (XI—XVII ВЕКА): Сборник / Составитель, вступительная статья, подготовка древнерусских текстов, перевод и комментарий В. В. Колесова. — М.: Советская Россия, 1989. — 464 страницы с иллюстрациями.

Постоянно присутствующие в нашей письменной и устной речи пословицы и поговорки пришли к нам далеко не сразу. Древнерусские письменные источники составлялись из переводных и оригинальных текстов поучений и наставлений. Довольно рано эти тексты стали важным учебным пособием. В послед-

ствии из них выделялись цитаты-афоризмы, дожившие до наших дней самостоятельными пословицами и поговорками. Знакомая с отрывками из многочисленных летописей, изречениями и афоризмами исторических деятелей, пословицами и поговорками из сборников XVII — начала XVIII веков, можно проследить историю развития жанра.

Сборник издан в серии «Сокровища древнерусской литературы».

ПОНОМАРЕВ С. А. РАСТИТЕ МАЛЫШЕЙ ЗДОРОВЫМИ. Выпуск 2. — М.: Советский спорт, 1989. — 48 страниц с иллюстрациями.

Малыш здоров, подвижен. Но вот он пустился наперегонки и отстал от ребят. Слезы из глаз. Хорошо бы встревожиться родителям и задуматься о показателях физического развития своего ребенка. Их вы найдете в брошюре вместе с комплексами физических упражнений для детей 3—6 лет. Запомните и название серии издательства: «Физкультурная библиотечка родителей».

СОРОКИН В. В. И ДР. ЗАДАЧИ ХИМИЧЕСКИХ ОЛИМПИАД / Под редакцией Е. М. Соколовской. — М.: Издательство МГУ, 1989. — 256 страниц с иллюстрациями.

В задачниках, адресованных старшеклассникам и учащимся ПТУ, кроме задач Московских и других олимпиад, включая и международные, включена программа для решения расчетных задач с помощью компьютера.

Фото Е. Стецюк

Вл. ДЕСЯТНИКОВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

„ЗАЖЕГШИ СВЕЧУ...“

«Велико незнание России...» — говорил Н. В. Гоголь и рекомендовал при этом «проездиться» по стране. Известно, что Н. В. Гоголь строил планы объехать все отечественные монастыри. И не только потому, что человек он был богомольный. Целью задуманного путешествия было написание географического сочинения о России, так, «чтобы была слышна связь человека с той почвой, на которой он родился». Свои планы путешествий Н. В. Гоголь хоть и начал осуществлять, но не выполнил. Зато у великого путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского, в известном смысле последователя Н. В. Гоголя, описаний монастырей, скитов, пустыней, соборов, церквей, часовен, памятных крестов — предостаточно. Открываем изданную под его руководством книгу «Россия», том I (Опб. 1899) и читаем:

«В четырех верстах от Козельска на правом берегу Жиздры под осенью вековых дубовых лесов находится столь известная всем богомольцам России Оптино-Введенская пустынь...»

Будучи студентом, я сделал себе эту выписку, но так до окончания университета и не съездил в Оптину пустынь. К тому времени на моем счету было уже около ста «паломничеств»: на Соловки и Кий остров, на Валаам и в Хутынский монастырь под Новгородом, в Кириллов и Ферапонтово, в Псковско-Печерскую лавру и в Новый Иерусалим... По справочнику Л. И. Денисова, выпущенному в Москве в 1908 году, наше Отечество имело 1105 мужских и женских монастырей. (Теперь их осталось только двадцать.) Так что мне надо было поспешать, чтобы успеть отснять священные руины и сделать краткую их «инвентаризацию». Путешествия мои носили не только познавательный, но и деловой характер: посоветовавшись с реставраторами, я разработал методику фотофиксации памятников с тем, чтобы снимки могли со временем быть использованы для восстановления святынь.

Словом, в праздничный день Первомая 1968 года я оказался в Оптиной пустыни. Готовясь к поездке, я переснял из старой книги литографию гоголевских времен с видом Оптиной. И вот теперь мог в натуре сравнить, что было и что осталось. На литографии пустынь была ограждена каменными стенами с башнями. Они, несмотря ни на что, в основном, сохранились, но не по всему периметру. Зато взгляд «по вертикали», увы, открывал иную картину: величественная трехъярусная колокольня была взорвана, больничная Владимирская церковь разобрана, а все остальные храмы обезглавлены. Войдя через пролом в стене ограды, я обнаружил на территории пустыни полигон для тракторов и другой сельскохозяйственной техники. Как мне объясни-

В. Сорокин, 1979 г.
Фото В. Десятникова

ли, хозяином здесь было СПТУ, готовившее механизаторов широкого профиля. И действительно, профиль машин был довольно разнообразный: все вокруг было изрыто, изъезжено и, как водится, залито соляной кислотой. Не лучше дело обстояло и в скиту, находящемся, по свидетельству Ф. М. Достоевского, в «шагах четырехстах от монастыря».

«Я заезжал по дороге в Оптино по пустыне», — писал Гоголь в 1850 году А. П. Толстому, — и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше... Я уверен, что эта обитель оставит у Вас, как и у меня, одно из приятнейших воспоминаний». Позже Гоголь еще раз вспоминает Оптино: «Какая тишина, какая простота. Я... всегда заезжаю в эту пустыню и отдыхаю душой». Однако мне отдохнуть душой в тот приезд в Оптино не удалось. Я нашел здесь мерзость запустения. Ограда скита была разнесена вдребезги. Уцелели лишь две башенки и надвратная колокольня. В хибарках старцев Макария и Амвросия жили семьи рабочих и преподавателей СПТУ. Под жильем были заняты и все остальные кельи. К ним пристроили кто свинарник, кто курятник, кто овчарню...

Мое внимание в скиту привлекла необыкновенной красоты деревянная церковь Иоанна Предтечи 1822 года с двумя классическими портиками. Я начал фотографировать церковь, бывшие кельи, скитский пруд с гоговскими гусями, стараясь представить, как здесь было во времена Гоголя и Достоевского. За этим занятием меня и застал Василий Николаевич Сорокин. Он

делал обмеры небольшого домика в углоскита, и, когда закончил работу, подошел ко мне. Мы познакомились.

Это был человек, прошедший большую и серьезную школу жизни. В 1932 году Василий Николаевич закончил Козельский педтехникум. Работал учителем, писал стихи, очерки, статьи, в 1934 году, в возрасте девятнадцати лет, был назначен ответственным секретарем газеты «Козельская правда». Потом закончил в Москве трехгодичный коммунистический институт журналистики и служил в армии. Участвовал в боях с японцами на Хасане и Холхин-Голе, в боях с белофиннами, а потом в Великой Отечественной войне, и все это время Василий Николаевич работал как журналист. После войны главными темами его публикаций стали краеведческие материалы и, в частности, пребывание писателей в бывшем Козельском уезде. Вот здесь В. Н. Сорокин и нашел себя. Учась в Московском заочном полиграфическом институте, Василий Николаевич в качестве курсовой работы представил сделанные им в 1957 году записи воспоминаний козельчан, помнивших встречи с Л. Н. Толстым. К тому времени в Козельске и окрестных селах жило довольно много долгожителей, некоторые из них еще и на пенсию не выходили, продолжали трудиться...

Василий Николаевич имел редкую способность увлекать своей идеей людей. Он рассказал мне, что давно мечтает создать литературный музей и с жаром принялся «верстать» меня в свои союзники.

«Помните знаменитую сцену в хибарке из «Братьев Карамазовых»? — спросил Василий Николаевич и продолжал: — Это именно здесь все и происходило. В той хибарке, — указал Сорокин, — старец поклонился в ноги Мите Карамазову...

— А нельзя ли попросить нынешних хозяев, чтобы они разрешили нам посмотреть их «покои»?

— Пойдемте, — решительно сказал Сорокин. — Там живут хорошие люди. Я к ним пришел как-то, поговорил и попросил, чтобы интерьер хибарки не переделывали. Ведь это наша историческая реликвия! Здесь старец Амвросий принимал Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

Можно только предположить, что старец Амвросий читал роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Зато дополнительно известно, что последней книгой, которую читал Л. Н. Толстой и оставил открытой на своем столе в Ясной Поляне, были «Братья Карамазовы». Знаменательный факт. Ведь из Ясной Поляны в последний свой путь Толстой приехал «к месту действия» романа — в Козельск и в Оптино.

— При жизни Л. Н. Толстой с Ф. М. Достоевским так и не познакомились, не поговорили ни разу. Чем вы объясняете это? — спросил я Сорокина.

— Не могли переступить через что-то. Обоим «сан не позволял», как говорят в таких случаях священники, — дипломатично ответил Василий Николаевич. — Один раз, правда, Н. Н. Страхов (литературный критик, сподвижник Л. Н. Т. — *Ред.*) «сплоховал». Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский были в Политехническом музее на лекции и можно было их представить друг другу, но Николай Николаевич не нашелся и не решился на это, — а жаль...

Когда Ф. М. Достоевский умер, Л. Н. Толстой написал Н. Н. Страхову: «Как бы я желал уметь сказать все, что я чувствую о Достоевском... Я никогда не видел этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, а вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый близкий, дорогой, нужный мне человек».

Меж тем мы с В. Н. Сорокиным вошли в ограду хибарки Амвросия. Василий Николаевич попросил меня подождать, а сам вошел вовнутрь. Через пару минут на крыльцо вышел хозяин и пригласил зайти к нему в гости.

— Вот здесь был вход в спальню старца, — показал Сорокин. — А в этой комнате, где мы стоим, принимал старец семейку Карамазовых.

Я внимательно присматривался к мебели в бывшей хибарке Амвросия. Стулья были явно советской «постройки», а вот диванчик показался мне «породистым», середины прошлого века, только уже обтянутый не кожей, а «дерматинном», как сказал хозяин. Василий Николаевич тут же сговорился с ним, что готов предоставить ему из музейного фонда почти новую тахту взамен диванчика.

Остаток дня мы провели за съемкой. Отсняли скит, ракитовую аллею, сам монастырь и остатки некрополя. Когда-то он насчитывал сотни богатых захоронений. Миусов в «Братьях Карамазовых» не ошибался, что могилки в Оптино «дорогоны» обошлись хоронившим. Можно быть уверенным, никто из тех, кто покупал здесь место для последнего упокоения, не мог даже в ночном кошмаре предположить, что их прах будет осквернен, а могильный камень будет продан нумуришам в Калугу или Москву еще при жизни внуков: ни зять Пушкина Николай Иванович Гартунг, ни сестра адмирала Нахимова Мария Кавелина... Об этом могли провидеть лишь оптинские старцы: но они были великими молчаливками.

— А где же захоронен старец Амвросий? — спросил я. — Покажите мне его могилу.

— Какая она была, могу показать, — и Сорокин достал старинную открытку.

— А в натуре?

— Могилы всех старцев сровнены с землей. — И Василий Николаевич повел меня к Введенскому храму. Отмерив от юго-восточной абсиды несколько шагов, Сорокин, сняв кепку и сказал:

— Здесь лежит старец Амвросий, рядом старец Макарий, а вот там, — и он указал рукой, — братья Иван и Петр Киреевские (известнейшие славянофилы. — *Ред.*)

— А знаете, где встретил Лев Николаевич Толстой тот самый репей-таратник, который напомнил ему историю Хаджи-Мурата? Оказывается, в окрестностях Шамординской Казанской Амвросиевской женской пустыни или проще — Шамординского монастыря. Об этом и запись есть в черновике писателя и дата указана — 14 августа 1896 года.

Вместе с В. Н. Сорокиным во время одного из путешествий по окрестностям Козельска мы пришли на высокий откос над речкой Серёной и пытались восстановить, какой дорогой шел тогда Лев Толстой, когда встретил сломанный, раздавленный колесом, но все-таки поднявшийся куст та-

Фото Е. Стецко

Музей Ф. М. Достоевского в Оптиной пустыни

тарина». Особенно гадать не приходится — там вон у столетней липы стоял дом Марии Николаевны, сестры Л. Н. Толстого, а здесь вот — монастырская гостиница, где останавливался Лев Николаевич. Так, что нетрудно представить, как и где все это происходило.

С графом Толстым у оптинских старцев отношения не сложились, а вот сестру его Марию Николаевну старцы любили, как родную. Амвросий сам ей место выбрал для хибарки, когда она решила переехать из Белевского женского монастыря в Шамордино, часто и подолгу душевно беседовал с ней.

Кто был в Ясной Поляне, тот наверное, заметил в комнате Льва Николаевича на втором этаже на кровати небольшую темного цвета подушку с вышитой по краю надписью: «От одной из ш-ских дур». Не правда ли, странная надпись? Однако она имеет свое отношение к Шамордину. Оказывается, Лев Николаевич в одну из встреч с сестрой полунронично, полусерьезно спросил у нее: дескать, сколько вас, таких дур, в монастыре? Сестра припомнила братцу его не очень-то церемонный вопрос. С любовью вышив ему на память подушечку-думку, она не преминула вставить «от одной из шамординских дур»; Мария Николаевна была остра на язык.

Дом Марии Николаевны уцелел, хотя и стоит нынче не на своем месте; после ее смерти его продали в Козельск. Особой перестройке, к счастью, он не подвергся. Старый фотоснимок, на котором Мария Николаевна и Лев Николаевич сфотографированы на террасе этого дома, послужит основным документом, когда придет время поставить дом на свое место. Надеемся, поставят на свое место и гранитный камень над могилой Марии Николаевны. Его увез из монастыря в соседнюю деревню один «благодарный» сын Отечества. Старую надпись он забил и поставил камень на могиле своих предков.

В скиту Оптиной пустыни Сорокин рассмотрел два деревянных строения, которые он назвал в своих прошениях «Домиком Ф. М. Достоевского» и «Домом Н. В. Гоголя». И предлагал Козельскому райисполкому отселить из них жильцов и отдать под музейную экспозицию. Однако Козельское начальство вкупе с Калужским уполномоченным по делам религий категорически восстало против затеплившегося «очага религиозного дурмана», как было объявлено В. Н. Сорокину. Его даже стали прорабатывать на партийных собраниях, обвиняя в идеологической близорукости, в попытках возрождения славянофильского «гнезда», в пособничестве церковникам-

мракобесам. Но Сорокин твердо отметал все наветы и продолжал строить, как многим казалось, совершенно несбыточные проекты. Однако пришлось временно отступить и заняться кропотливой работой по сбору материалов для литературного отдела Козельского самостоятельного краеведческого музея, директором которого он был. Из экспонатов этого отдела, созданного, кстати, по инициативе Василия Николаевича, впоследствии и выросла экспозиция в Оптино. К тому времени В. Н. Сорокину и еще одному местному краеведу Н. Н. Анисимову удалось исклупить сначала одну комнату в бывшем купеческом особнячке на задворках Козельска и перевести туда народный краеведческий музей, потом они «выбили» под музей весь особнячок. В. Н. Сорокин в январе 1969 года был назначен заведующим Козельским филиалом музея.

Для Козельска, где нет ни театра, ни концертного зала, ни филармонии, музеев — без преувеличения первое по значимости учреждение культуры. В. Н. Сорокин прекрасно понимал эту простую истину и настойчиво добивался, чтобы под музей был выделен памятник архитектуры начала XIX века — двухэтажный дом Брюзгиных — бывших владельцев парусной фабрики. Василий Николаевич был уверен, что музею будет хорошо именно в этом красивом здании эпохи классицизма. Здесь он мечтал развернуть новую обширную экспозицию. Однако стену равнодушия и косности нелегко бывает пробить и сейчас, не говоря уже о времени «застоя».

Аппаратчики усмотрели в лекциях и экскурсиях В. Н. Сорокина чуть ли не крамолу. Объективных данных, чтобы снять его с должности, не было, поэтому для начала ему объявили выговор за то, что, находясь на переднем крае идеологической борьбы, он протупил «политическую бдительность».

«Дорогой Владимир Александрович, — писал мне В. Н. Сорокин, — 30 июля 1980 года с тоски я уехал в санаторий, хотя никогда бы не отлучился (кроме болезни) из Козельска и его Оптиной пустыни.

Я не знаю, как назвать сне. Но с 12 июня Оптино для экскурсий закрыта, скит тоже, музей Оптиной тоже. А ведь в ноябре — 70-летие со дня смерти Л. Н. Толстого, в феврале — 100-летие со дня смерти Ф. М. Достоевского. Что я переживал! Но наши-то дураки действуют хуже тех, кто рушил храмы в 20-х — 30-х годах. Реставрация, по существу, прекратилась. Все, что сделано, можно сказать, сделано нами без помощи кого-либо.

Плиту с могилы Амвросия (Александра Гренкова) — прототипа Зосимы, куда-то убрали. Кто убрал — скрывают. Ваше письмо о переводе музея в другое здание пока не возымело воздействия. Я говорил по телефону с поверяющими, когда был в Калуге 23 июня. Они за вас и за нас. Но дело не движется. Попросите кого-либо из влиятельных лиц, чтобы открыли музей Оптино.

С уважением В. Сорокин».

Получив письмо, я обратился к первому заместителю Председателя президиума Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и

культуры В. Н. Иванову с просьбой оказать помощь в охране памятников Оптиной пустыни и Шамордино и вторично обратился с письмом в адрес министра культуры РСФСР Ю. С. Мелентьева, чтобы Козельскому музею был выделен под экспозицию памятник архитектуры XIX века — дом Брюзгиных.

Воспользовавшись поездкой в Калугу с группой художников, я встретился с заместителем председателя облисполкома А. П. Бархатовым. Разговор у нас не получился. Чувствовалось, что отношение властей к Сорокину приобрело, как тогда любили говорить, самый негативный характер. Должны были последовать строгие «оргвыводы», но В. Н. Сорокину уже было все равно. Он серьезно был болен и вскоре умер. На похороны человека, который столько сделал доброго для родного города, ни один руководитель ни из Козельска, ни из области не пришел и не приехал. Зато отец Леонтий, настоятель Нижне-Прысковской церкви, помянул коммуниста Василия Сорокина на вечерней службе словами Нагорной проповеди: «...зажегши свечу, не ставя ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела...» Свет добрых дел В. Н. Сорокина был видим многим. В Шамордино большую работу с экскурсантами в течение долгих лет ведут на общественных началах учителя-пенсионеры местной школы Е. Е. Гончарова и А. А. Головяня. В Одоеве руководит музеем такой известный энтузиаст родного края, как В. А. Папушен. В Перемышле старый учитель, бывший директор школы П. И. Типикин организовал краеведческий музей на общественных началах. Как только было объявлено о создании музея, сразу же стали поступать в дар от местных жителей экспонаты. Да еще какие! Сохранились трюмо и этажерка для книг из хибарки М. Н. Толстой в Шамордино, уникальные фотографии К. Э. Циолковского, который, будучи учителем, в летние каникулы любил приезжать на велосипеде в Перемышль, книги с автографами писателей И. С. Соколова-Микитова и Н. М. Любимова. Местные власти выделили для музея замечательный памятник архитектуры — палаты XVII века.

В Белеве последователь В. Н. Сорокина — директор краеведческого музея Н. Д. Шилиев многое сделал для возрождения усадьбы В. А. Жуковского в Мишенском. Ныне там проводятся ежегодные литературные праздники. Поставлен вопрос о воссоздании усадьбы И. В. и П. В. Киреевских в Долбине. Те, кто приезжает в Белев и Мишенское на праздники, непременно стремятся побывать после этого в Оптиной пустыни и Шамордино. Благо Козельск, по нынешним меркам, совсем рядом — всего час с небольшим на поезде. Любимое детище В. Н. Сорокина — музей — в такие дни не бывает пуст. Яблоку негде упасть! Однако руководители района так до сих пор и не решили вопрос о предоставлении Козельскому музею просторного помещения.

Ну а что же с Оптиной пустыней? В конце 1987 года состоялось наконец решение Совета Министров СССР о пере-

даче Оптиной пустыни Московской Патриархии. В канун нового 1988 года я побывал в Оптино, чтобы увидеть своими глазами, с чего начнут восстановление своей обители монахи. Их тогда было всего несколько человек вместе с послушниками — молодыми людьми, отслужившими в армии и готовившимися к принятию монашеского чина. Проректор Московской духовной академии архимандрит Евлогий стал первым после долгого перерыва наместником Оптиной пустыни. Возрождение монастыря решено было начать с восстановления к Рождеству богослужения в правом приделе Введенского собора. Летом 1988 года состоялась канонизация старца Амвросия. Это вдохнуло в монастырь новые силы.

В следующем году я снова побывал в Оптиной пустыни. И немало был удивлен и порадован тем, что в палаточном лагере около стен монастыря среди полукруга уютных доброхотов со всех концов Руси увидел школьников-девятнадцатиклассников из Сочи, приехавших с двумя своими учителями безвозмездно поработать по восстановлению нашей национальной святыни. С ребятами я познакомился, когда они после работы пришли искупаться на святой Пафнутийев колодезь. Была когда-то здесь надкладочная часовня, но от нее остались лишь пара нижних венцов сруба. Мы разговорились. Оказалось, что ребята являются членами литературного кружка при школе и в будущем мечтают стать учителями русского языка и литературы. И беседа с ними, надо сказать, порадовала.

— А вы знаете, что эпиграф к роману «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевский взял в «пику» И. С. Тургеневу и его эпиграфу к роману «Новь»? — сказали мне школьники. («Поднимать следует новь не поверхностью скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом»). Из записок хозяина агронома.)

Нет, этого я не знал. То есть я помнил, что эпиграф к «Братьям Карамазовым» взят из Евангелия от Иоанна, но не знал, что «итоговые» романы И. С. Тургенева — «Новь» и Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» — это своеобразное «противостояние», начиная буквально с эпиграфа. Оба писателя, каждый по своему, видели путь обновления России и хотели указать его своим читателям. И дело даже не в том, кто из них был ближе к истине.

Разговор со школьниками, да еще из курортного Сочи, а не из какого-нибудь древнего города — Ростова Великого или Великого Устюга, не скрою, прибавил мне оптимизма.

Я вспомнил библейскую притчу о пшеничном зерне...

Задолго до того, как Оптино пустынь воскресла из небытия, старый учитель, армейский партийный работник и журналист, козельский краевед В. Н. Сорокин прозорливо видел и знал, что беречь прошлое — это значит думать о будущем. И он все делал для того, чтобы нам легче было, образно говоря, навести переправу через реку Жиздру в самом конце той самой ракитовой аллеи, под сенью которой вступали в святую долю всех нас обитель Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой.

А. ГУРФИНКЕЛЬ

ПОКА ЛЕЖИТ СНЕГ

Лыжи — самый доступный и полезный вид зимнего спорта. Оздоровительное влияние лыжных прогулок на организм бесспорно: в работу при этом вовлекаются практически все крупные группы мышц человека. А работа мускулатуры активизирует деятельность сердечно-сосудистой и дыхательной систем. Зимний чистый, морозный воздух и общение с природой как нельзя лучше снимают нервные перегрузки — бич сегодняшнего школьника.

Характерная особенность организма младшего школьника состоит в том, что развитие одних физических качеств положительно сказывается на всех других. Так, лыжные гонки, развивая выносливость, способствуют воспитанию и силы, и быстроты, и ловкости.

Занятия лыжным спортом включают в себя и некоторые уроки трудолюбия: ведь уход за инвентарем и снаряжением, к которому вы можете его привлечь, — это уже настоящая работа. Ведь лыжи следует промывать, обработать скользящую поверхность. Поставить крепления. Смазать кожаные детали крепления и палок. Связать лыжи и палки для транспортировки. Заточить штыри, подправить кольца в палках — все это серьезное мужское дело, которым мальчишка займется с большой охотой, тем более — вместе с отцом.

Овладев в детстве навыками ходьбы на лыжах, человек сохраняет их на всю жизнь; и это — весомый вклад в здоровье взрослого.

О том, что необходимо знать родителям для начального обучения детей лыжному спорту, и пойдет речь в настоящей статье.

Одежда и снаряжение

Поговорим прежде всего об экипировке ребенка. Если он еще мал (от четырех до семи лет) и делает первые шаги на лыжне, то лучшим костюмом для него будет утепленный комбинезон из водоотталкивающей ткани с капюшоном. В зависимости от погоды под комбинезон надевают белье и спортивный костюм. Под капюшон — шерстяную шапочку. Обувь — обычные сапожки и шерстяные носки. В мороз — два носка.

Для ребят постарше выбор одежды расширяется: трикотажное белье, шерстяной

спортивный костюм (свитер) и ветрозащитные куртка и брюки. Ботинки должны быть достаточно свободны, что позволит при нужде надеть два носка, а в мороз — дополнить снаряжение войлочной стелькой; хорошим теплоизолятором может служить и обыкновенная газета. Чтобы ботинки в оттепель не пропускали влагу, их следует пропитать специальным кремом или касторовым маслом.

Поверх шерстяных варежек следует надеть рукавички из водоотталкивающей ткани или кожезаменителей. Чтобы избежать обморожения, лицо ребенка можно смазать ланолиновым кремом или гусиным жиром.

Что касается экипировки взрослого, то здесь выбор определяется целью: катание с гор, лыжные гонки или просто прогулка.

Следует напомнить, что прогулка с малышом потребует остановок для отдыха, замедленного передвижения, а значит, и более теплой экипировки. В снаряжение родителей должен входить небольшого размера рюкзак для запасной одежды (возможно, придется кое-что снять, если пригреет солнышко), лыжных мазей и пробки для их растаивания, термоса с чаем и бутербродов, ножа, целлофановых мешочков (их надевают поверх обуви при рыхлом или глубоком влажном снеге), шнура для буксировки малыша по лыжне. Кстати, опытные родители рекомендуют в качестве буксирного шнура пользоваться резиновым жгутом или бинтом, он позволяет скользить без рывков, а следовательно, и падений при передвижении по пересеченной местности.

Для прогулки и катания с небольшими гор годятся деревянные многослойные лыжи шириной в 55—60 мм: для лыжных гонок используются пластиковые лыжи шириной 45—50 мм, имеющие значительно меньший вес. Лыжи и палки подбираются в соответствии с ростом и весом: длина палок — до подмышек, а лыж — до кисти вытянутой вверх руки (рисунок 21). Другой принцип подбора — длина лыж равна росту плюс половина веса тела.

Детям трех-пяти лет можно рекомендовать лыжи, равные их росту или сантиметров на пять длиннее. Это правило,

распространяется и на ребят постарше — до достижения ими роста 120 см. Для остальных принцип подбора длины лыж тот же, что и для взрослых.

Лыжные крепления для детей, имеющих размер обуви в пределах 30—32, можно изготовить самим. Полоска резины, вырезанная из велокамеры или старого противоголоза шириной в 5—6 см, крепится к носковому ремню и вдоль ранта охватывает каблук. Она хорошо держит ногу, а при падении обеспечивает безопасность (рисунок 20а). Второй тип универсального самодельного крепления состоит из металлических скобок, поставленных на подошву от старых сандалий любого размера. Переднюю часть срезают, оставляя подошву по ширине лыжи и задник с ремешком. Скобки снабжены носковым ремнем, а ремешок задника сандалии удерживает ногу в любой обуви.

Выбор места и меры безопасности

Просека в лесу или лужайка в парке — места, обычно укрытые от ветра и наиболее удобные для занятий. Если вам удастся найти достаточно уединенное место, то это обезопасит ребенка от наездов других малоопытных лыжников.

Опасность травм при падении у ребенка невелика, так как дети обладают способностью их избежать в таких ситуациях, в каких взрослому бы не поздоровилось. Но высокая эмоциональность детей может вызвать устойчивую реакцию страха, если их принуждать к рискованным спускам или прыжкам. Борьба с этим страхом потом трудно.

Пока идет освоение техники лыжных ходов, лучше проложить двойную лыжню, как показано на рисунке 22. Две параллельные лыжни позволяют папе двигаться синхронно с учеником, показывая и подсказывая ему нужные действия. Время от времени надо предоставлять ребенку возможность самостоятельно попробовать то или иное упражнение. В это время взрослый может перейти на лыжню В или Г, откуда удобно наблюдать за учеником и его занятиями.

После первых прогулок на лыжах могут появиться боли в мышцах — такова их реакция на непривычную работу. Пугаться этого не следует. Через день-два боль

проходит сама. Душ, ванна, сауна способствует восстановительному процессу.

Упражнения

Если папа ребенка — лыжник, то прогулки дитя может начать с путешествия в специальном рюкзаке с сидением. Но не поздно начать знакомить с лыжами ребенка и в четыре-пять лет.

1. «Буксир» (рисунок 1) — одно из первых упражнений, которое не может не понравиться. Стоя на параллельных лыжах, слегка согнув ноги, малыш держится руками за буксировочный шнур или резину и скользит по лыжне. Если начать упражнение на малых скоростях и обратить внимание ребенка на необходимость слегка согнуть ноги («ноги-пружинки»), то этому упражнению можно научиться в первый же выход на снег. От буксировки можно перейти к спуску с небольшого пологого склона.

2. «Ромашка» — первое самостоятельное упражнение, заключающееся в изучении поворота переступанием. Переступание выполняется вокруг пяток и носков лыж (рисунки 2а и 2б). Повороты можно выполнять на 90, 180 и 360 градусов в правую и левую стороны.

3. «Цапля» — упражнение для овладения равновесием при передвижении на одной лыже. Оно выполняется на плоскости, а затем в скольжении с пологого спуска. Возможны варианты: с поднятым носком и поднятой пяткой безопорной лыжи (рисунки 3а, 3б). Если упражнение не вызвало интереса или просто не получается, не следует настаивать; переходите к следующему, а «Цаплю» попытаетесь освоить на другом занятии.

4. «Арка» — на пологом спуске кататься станет интереснее, если потребуются проехать в воротца из лыжных палок и постараться их не развалить. Если «арка» низкая, придется присесть (рисунок 4). Упражнение можно усложнить дополнительными заданиями: подобрать на ходу веточки, шишки или варежки.

5. «Лесенка». Чтобы спуститься несколько раз даже с маленького пологого склона, на него необходимо взобраться. Для этой цели можно использовать буксир, но можно попробовать и свои силы. Пусть вначале это будет «лесенка» (рисунок 5). Для того чтобы научиться этому приему, необходимо стать боком в направлении подъема, поставить лыжи поперек склона и закатывать их, то есть слегка повернуть на внешнее ребро лыжу, стоящую выше, и на внутреннее ребро — нижнюю лыжу. Движение начинает нога, стоящая по склону выше. Сделав шаг наверх и закатывая лыжу, поднимают к ней другую. Качество подъема можно оценить положительно, если ученик не теряет равновесия, а след от лесенки остался красивый, равномерный.

6. «Паровозик» — спуск вдвоем с палой (рисунок 6). Это замечательно, потому, что совсем не страшно и можно горку подобрать повыше. Малыш ставит свои

лыжи между лыжами отца. Тот поддерживает ребенка под мышки и начинает спуск. Упражнение можно рекомендовать только в том случае, если папа чувствует себя на склоне достаточно уверенно и сможет избежать падения.

7. «Конькобежец» — ключевое упражнение для овладения техникой лыжных ходов; приступать к нему следует только тогда, когда ребенок усвоил предыдущие упражнения. Суть упражнения — в попеременном отталкивании одной и скольжении на другой лыже. Вначале упражнение можно выполнять на лыжне, проложенной на пологом спуске, а затем на ровном месте. Возможны варианты: с движением рук и в положение «руки за спину» (рисунки 7а и 7б). Учитывая особую важность упражнения, его следует многократно повторять на протяжении ряда занятий.

8. «Ванька-встанька», или «Научиться падать». Начинать следует все на том же пологом спуске. Покажите ребенку падение несколько раз. Падая, подгибайте ноги, валийтесь назад-набок, руки раскиньте и упираться ими в склон. Обратите внимание ребенка на эти детали. После одной-двух попыток совершить «правильное» падение, укажите ребенку, что получилось хорошо, а что надо исправить в последующих пробах.

Для того чтобы меньше было сложностей при вставании после падения, следует подтянуть лыжи и установить их поперек склона, а затем встать, кантуя лыжи, как при подъеме «лесенкой» (см. рисунки 8а и 8б).

Отучайте ребенка от распространенной среди новичков ошибки: стремления сесть на задники лыж, если они «понесли». При этом скорость, как правило, не замедля-

ется, и падения избежать не удастся. Падение набок — и безопаснее, и надежнее.

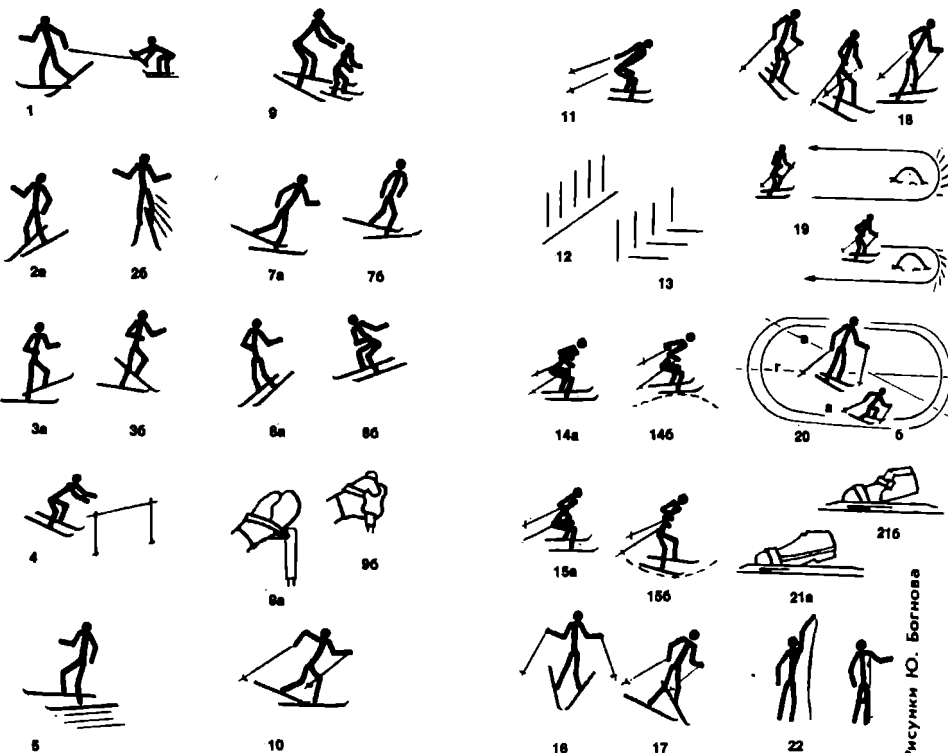
9. «Палочки-выручалочки». Обучение ребенка пользоваться палками начинается с умения правильно их держать в руках (рисунки 9а и 9б).

10. «Длинная рука» — друг лыжника. При правильном передвижении двушажным попеременным ходом (основным ходом лыжника-гонщика), палки ставят под острым углом к направлению движения, напротив опорной ноги (рисунок 10). Таким образом, поочередно выносятся вперед правая рука — левая нога и наоборот. При хорошем отталкивании рука полностью выпрямляется, а палка служит ее продолжением — «длинная рука».

11. «Катапульта», или Начало изучения одновременных ходов. Упражнение можно освоить на небольшом склоне или по хорошо укатанной лыжне. Отталкиваются двумя палками одновременно (рисунок 11); ставить их нужно также под углом и выпрямлять до конца, как и в предыдущем упражнении. Ритмичное отталкивание дает возможность сохранить скорость.

12. «Полуелочка» — подъем на склон по диагонали или прямо при незначительной крутизне. При этом одна лыжа движется прямо по лыжне, а другая ступает под углом к ней, при упоре на внутреннее ребро. На неутрамбованном снегу «полуелочка» оставляет характерный след (рисунок 12).

13. «Елочка» — отличается от предыдущего упражнения тем, что при подъеме на внутренний кант ставятся обе лыжи попеременно (рисунок 13). С помощью этого

способа возможен подъем на склон большей крутизны.

14. «Пружинка». Наш новичок станет реже падать на спусках, если овладеет искусством преодоления неровностей, как показано на рисунках 14 и 15. Накатываясь на бугорок, «пружинка» сжимается (лыжник приподнимается). Очень важно после преодоления препятствий вернуться в основную стойку, применяемую при спусках.

15. «Плуг» — способ торможения. Умение управлять скоростью и при желании тормозить придает лыжнику уверенность. На пологом спуске пятки лыж разводятся, обе лыжи упираются внутренним ребром, колени поворачиваются во внутрь, как показано на рисунке 16.

16. «Упор» — это половина плуга, то есть «плуг» выполняется только одной ногой. Это не только способ торможения, но и способ поворота во время спуска (рисунок 17). Если необходимо повернуть налево, то упор следует выполнить правой ногой и наоборот.

Как и упражнение «Плуг», «Упор» лучше осваивать на малой крутизне при небольшой скорости. Постепенно условия усложняются.

17. «Веер» — поворот переступанием выполняется в конце спуска. Загружая одну лыжу, другую отрывают от склона и ставят на снег в нужном направлении. Теперь тяжесть тела переносится на эту направляющую лыжу и приставляют к ней первую (рисунок 18).

18. «Кто быстрее?» — один из возможных вариантов закрепления в игре элементов техники. Чтобы уравновесить шансы на победу, взрослый участник гонки дает младшему фору, то есть возможность стартовать впереди (рисунок 19). Размеры форы, как и всей дистанции, определяются степенью готовности, возрастом и другими факторами. Игре должно найтись место в каждом занятии.

И напоследок — главное методическое указание: обучая ребенка, запаситесь терпением! Не раздражайтесь, если ему что-либо непонятно, а тем более если он не в состоянии выполнить какое-либо задание.

Принуждению не должно быть места на занятиях. Только игра! Не торопитесь с обучением, не форсируйте событий. Если упражнение ребенку не понравилось, не настаивайте на его выполнении. Видоизмените его или откажитесь на некоторое время.

Активное обучение не должно превышать 30 минут: иначе ребенок утомится и перестанет понимать, чего от него требуют.

Главное не в том, чтобы добиться совершенной техники, а в том, чтобы ребенок полюбил лыжи, совместные выходы в лес или парк. Чтобы он ожидал, как праздника, очередного занятия. Больше и чаще показывайте упражнения: способность детей к подражанию общеизвестна, и многому ребенок может научиться «сам по себе», на основе увиденного.

И последний, но главный совет — хвалите его как можно чаще!

календари

И лютень, и бокогрей (Что мы знаем о феврале)

Согласно одной из легенд, последний месяц зимы получил свое имя в честь мифического бога подземного царства Фебруариуса (Фебрууса). «Фебруаром» называют этот месяц венгры, немцы, евреи, созвучно этому и еще многие народы мира: «фебруарис» — латыши, «фебруарие» — молдаване и румыны, «фебруар» — эстонцы, «фебруари» — болгары. Однако в некоторых союзных республиках и зарубежных странах называют по-своему: в Грузии — «тэбэркали», в Литве — «васарис», в Сербии-Хорватии — «свельча», в Чехии — «унор» и т. д.

В Древней Руси февраль называли «лютой» («лютой», «люте») — за большие, лютые морозы и неистовые метели. Сходные с этими именами «люты», «лютий», «лютий» сохранились до наших дней за этим месяцем в Белоруссии, Польше и на Украине. Эпитет «лютой» постоянно прилагался в древности к волку, поэтому этот период называли «волчьим временем», порой «волчьих свадеб».

Еще на Руси величали февраль «ветродуем», «вьюговеем», «месяцем ветров» — из-за частых ветров и злых вьюг, «наследником января», «венцом холодного поро», «морозотрескущим» и «колючеметельным» месяцем — из-за крутых морозов и колючих метелей. Это «месяц неожиданностей», «погодных перемен», «зимобор» — потому как с зимой борется.

В феврале звенит первая робкая капель, вытягиваются все длиннее хрустальные сосульки, появляются воронки-затейки у одиночно стоящих деревьев, стекленеют южные склоны сугробов. Поэтому в народе февраль получил такие имена: «кривые» и «широкие» дороги, «пора спящего солнца» и «весна света», «дедушка апреля» и «предчувствие», «предлюдия», «предтеча» весны, её «запелка», «последний месяц зимы», «недотрога», «переменивый месяц», «тяжелый для рыбы».

Февраль накапливает вторые за зиму снега, намораживает вторые льды. Потому живут в народе и такие его прозвища: «снегосей» — снег сеет и сеет без конца и края, «снежень», «снежен» и «снежа» — по обилию пышных снегов, «круте» — за частые бураны и по земки, вьюги да метели, «боко-

грей» и «бокогреушко» — начинается с боков пригревать солнышко, «враль» — обманчивый месяц, один бок греет, а другой студит, «свадебник» — время брачных игр у пернатых и четвероногих.

Февраль двуликий месяц: и лютень, и бокогрей. Слывет он в народе месяцем переменчивым, тягостным, двуличным. Начинает с боков пригревать солнышко. Февраль и пчелиному воеводе (медведю) в берлоге бок нагреет. Но бокогреушко-февраль — он теплом обычно враль, обманчивый месяц: один бок греет, а другой студит, одной рукой гладит нос, а другой по нему щелкает, и теплом приластит, и морозом отдубасит, то январём потянет, а то вдруг мартом проглотит, днем корове бок согреть, а ночью рог сорвет.

Февраль богат народными обычаями, традициями, обрядами, приметами. Так, уже в первый день месяца на Руси судили, рядили, какая весна будет? Если начало февраля пожее, то и весну ждали ясную, раннюю, пригожую. А раз так, то пора сохи ладить, телеги поправлять, чинить «сбрую летнюю, да борону столетнюю». И ныне в эту пору готовят технику к весенней страде.

Самый знаменитый обряд на стыке зимы и весны — масленица. Ее происхождение затерялось в глубокой древности. Она отмечалась у всех славянских народов. Люди призывали в свой дом хороший урожай и богатый приплод. По традиции, масленица была расписана по дням: понедельник — встреча, вторник — заигрыш, среда — лакомка, четверг — разгул, пятница — тещины вечерки, суббота — золовкины посиделки, воскресенье — проводы, прощёный день.

А вот как писал о масленице Л. Толстой: «Праздника нет никакого, и закона нет такого, чтобы на этой неделе не работать, а праздновать. Кому досуг и охота — пусть наряжается, и блины ест...». Кстати, о блинах. Праздник был связан с культом нарождающегося светила. Отсюда и традиционные блины. Круглые, горячие, золотистые — они представляют собой как бы миниатюрные изображения солнца. К тому же настоящие русские блины имеют красный цвет. «Блин — символ солнца, красных дней, хороших урожаев, ладных браков и здоровых детей», — писал А. Куприн.

У разных народов и в разных местностях масленица отличалась своеобразием обычаев. В центральной России она отмечалась не только блинами, но и другими символами солнца — горящими колесами, спускаемыми с гор, полыхающими кострами. В Сибири вместо блинов готовили «хворост». В Польше праздник заканчивался факельным шествием.

Со временем праздник масленицы утратил свой мистический

СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ

смысл и превратился в массовое народное гулянье, посвященное проводам зимы. С традиционными карнавалами ряженных и ездой на тройках с бубенцами, сжиганием чучела зимы и катанием на санках с гор, взятием снежных городков и другими шумными и веселыми играми и затеями.

Согласно «Именинного календаря» в феврале именинниками будут: 1 — Арсений, Макарий, Феодор. 2 — Лаврентий. 3 — Валерий, Максим, Агния. 4 — Гавриил, Георгий, Иоанн, Леонтий, Пётр. 6 — Иоанн, Тимофей. 7 — Александр, Виталий, Моисей, Феликс и Филипп. 8 — Аркадий, Давид, Иоанн, Симеон, Феодор и Мария. 9 — Иоанн. 10 — Ефрем и Роман. 11 — Иаков, Игнатий и Лаврентий. 12 — Василий, Григорий и Иоанн. 13 — Виктор и Никита. 14 — Пётр и Трифон. 16 — Николай, Роман, Симеон и Анна. 17 — Георгий, Кирилл и Николай. 18 — Евфросиния и Иулиана. 19 — Мария, Марфа и Христина. 21 — Феодор. 22 — Геннадий и Иннокентий. 23 — Прохор и Светлана. 24 — Всеволод и Димитрий. 25 — Алексей и Антоний. 26 — Симеон. 27 — Кирилл и Михаил.

В. МИРОНОВ

Игрушки-самоделки

У стен замшелых неприступных...

Рыцарский замок, пожалуй, одно из интереснейших творений западноевропейских средневековых зодчих. Одновременно дом и склад оружия, снаряжения и провианта, конюшня и казарма — замок прежде всего был неприступной крепостью. Естественно, для него выбиралось место, укрепленное самой природой: скала или холм, откуда он, прочно вставая в землю основаниями мощных стен и упираясь в небо шпилями дозорных башен, грозил врагам рядыми бойниц.

Попробуем сделать макет такого замка. Для работы понадобятся самые простые материалы, с которыми уже не раз приходилось иметь дело: ножницы, бритвенные лезвия или резак для бумаги и картона, электровыжигатель, картон и бумага разной толщины, счетные палочки из полистирола. Для окрашивания лучше всего использовать водостойкие термостойкие поливинилацетатные художественные краски или нитроэмали в аэрозольной упаковке.

Прежде всего следует начертить план будущего замка, продумать его форму, расположение ворот, стен и башен. За большими размерами гнаться не сле-

дует. Учтите, что при любых габаритах высота башен замка не должна превышать 10—15 см, а стен — 7—9 см, хотя в плане (вид сверху) замок может иметь сходство с любым многогранником, наиболее подходящим к заданной местности.

Разметив на чертеже места для стен и башен и определив их площадь и размеры, можно приступать к работе. Поскольку все сооружения замка не что иное, как геометрические фигуры, их нетрудно будет изготовить, используя выкройки куба, конуса, параллелепипеда. Делать их надо не из бумаги, а из миллиметрового картона, имеющегося в продаже в наборах для детского творчества. Нужные фигуры лучше всего вырезать из отдельных деталей и склеивать встык, не сгибая, что из-за большой толщины картона довольно затруднительно. Лучше всего использовать клей «Феникс», «Суперцемент» и ПВА.

Но вот в нашем распоряжении оказались объемные заготовки стен, башен, различных строений. Вот тут-то и начинается самое интересное; нужно прев-

ратить весь этот набор геометрических фигур в массивные стены и башни из дикого камня. Большинство ребят, строящих такие макеты, обычно не имитируют каменную кладку — и совершенно напрасно, так как «ощутка» гладкая поверхность стены не идет ни в какое сравнение с отделанной под «дикий камень».

Для выполнения такой отделки нам и понадобится электровыжигатель, при помощи которого выжигаются на картоне швы между каменными глыбами. Немного потренируйтесь для начала на отдельном куске картона, так как эта работа требует определенного навыка: жало электровыжигателя не следует уж очень глубоко погружать в картон и долго задерживать на одном месте. Важно также, чтобы рисунок соответствовал фактуре кладки из «дикого камня», поэтому неплохо заранее наметить карандашом требуемый рисунок на поверхности стен и башен.

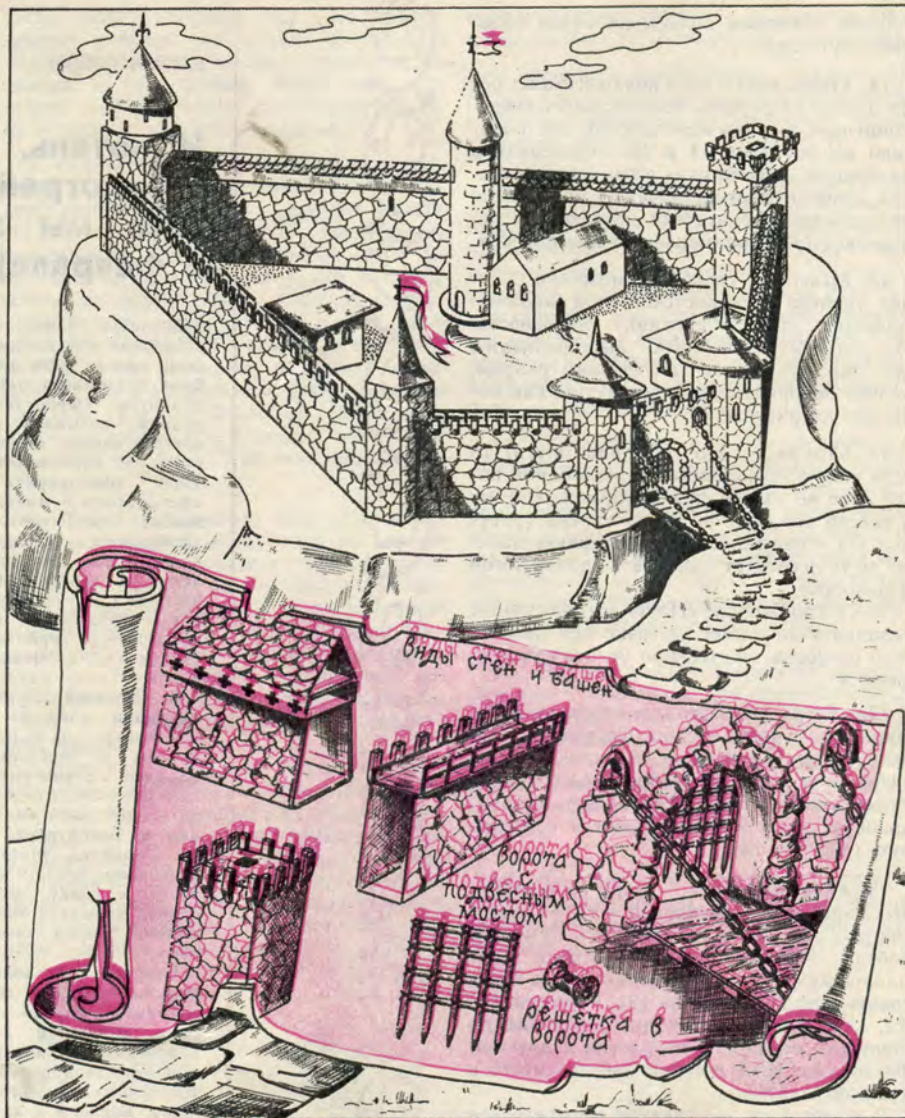
Тем же, кого этот способ почему-то не устраивает, можно порекомендовать вырезать «ка-

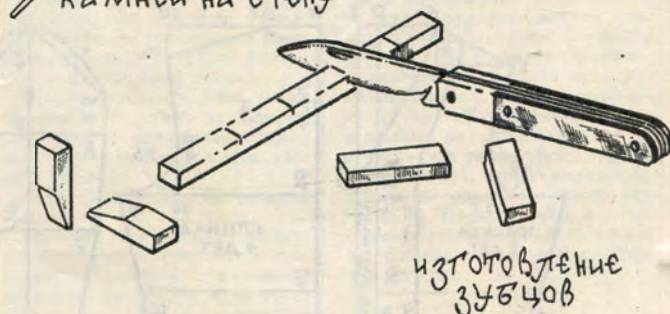
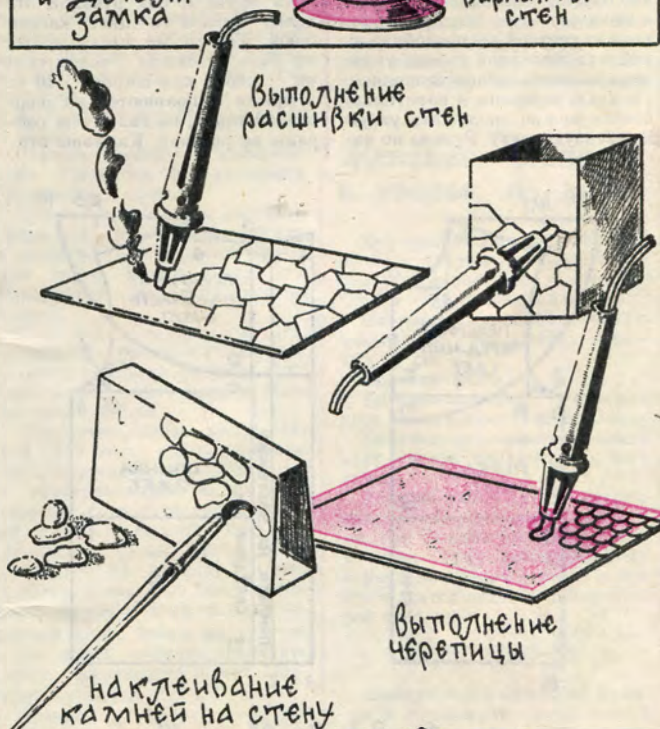
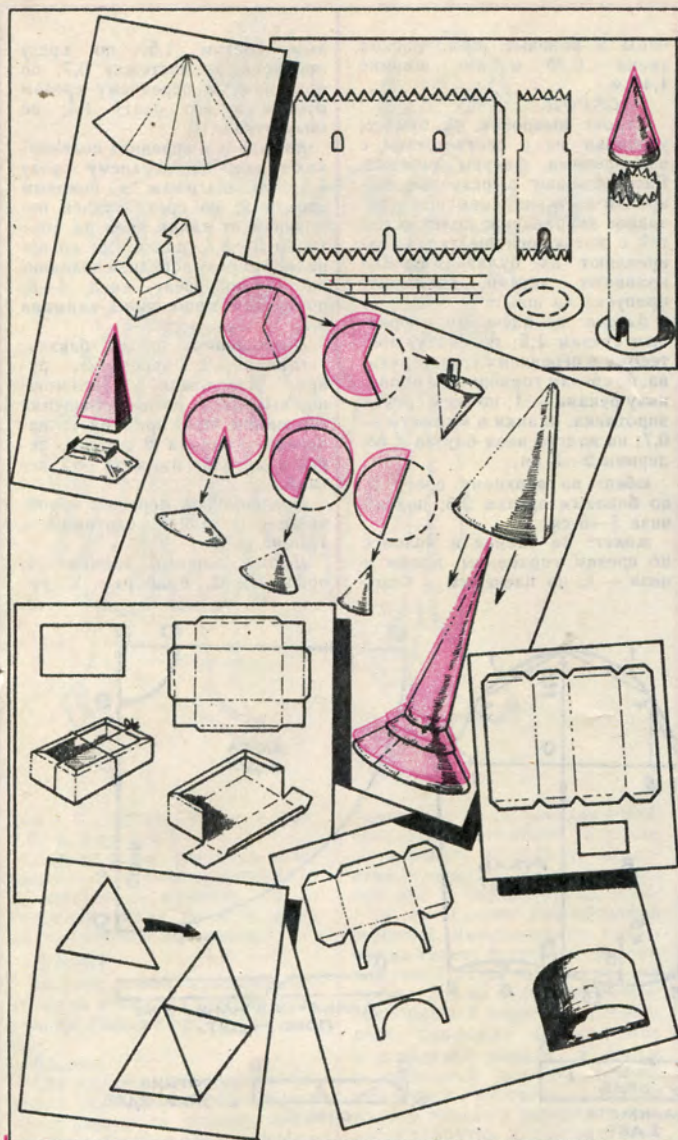
менные глыбы» из плотной бумаги и наклеивать их на стену, что в общем-то дает такой же эффект, однако работа эта трудоемкая, «каменей» нужно будет вырезать очень много. Тем, кто захочет сделать «камень» более выпуклыми и рельефными, нужно будет, смазав каждый из них небольшим количеством клея, насыпать на него мелкопросеянного зубного порошка. Когда клей засохнет, излишки присыпки следует стряхнуть и приклеить «камень» на место.

Отделанные таким образом стены и башни (не забудьте продумать в них бойницы и окна) устанавливаются на картонное основание и склеиваются по чертежу, причем щели, которые могут образоваться между деталями при склеивании, также замазываются смесью клея с песком или зубным порошком. Внутренний дворик и дорогу можно «покрыть плитками», отделав их так же, как и стены, или, смазав поверхность клеем, засыпать песком.

Приготовленные таким образом детали окрашиваются тем-

Рисунки В. Рахимова

перой или нитроэмалью, в которую для матового оттенка нужно добавить немного художественной масляной краски.

Стены и башни для начала проще всего сделать крытыми, с кровлей «под черепицу», которую также очень легко получить при помощи электровыжигателя, жало которого для этой операции следует немного отогнуть. Красить такую кровлю нужно в ярко-кирпичный цвет.

Можно сделать крышу на башни и из бумажных конусов. Красить их лучше всего бронзовой краской, так же, как и непременные флюгера и кресты, без которых не обходился ни один замок.

Замок обязательно должен иметь стены с зубцами, причем обязательно объемными, а не плоскими, которые получаются, если их вырезать из картона. Вот здесь-то нам и пригодятся старые счетные палочки — из них выходят отличные зубцы для стен и башен. При помощи острого ножа или резака для картона палочки сначала надре-

заются по нужному размеру, после чего легко обламываются, а линия облома зачищается наждачной бумагой. Одну сторону, как это показано на рисунке, лучше немного сточить напильником, что даст возможность, приклеивая их с внешней стороны стены выступающими наружу, сделать ее еще более грозной и внушительной. Окрашиваются зубцы вместе со стенами.

На открытых стенах надо будет сделать помосты для стрелков и перила с обратной стороны стены. Используйте для этого палочки-лопаточки для мороженого, спички, стебли соломы, полоски расщепленного бамбука. Их также лучше всего клеить клеем «Феникс», а после того как клей просохнет, хорошо пропитать морилкой для дерева и покрыть лаком. Из спичек же склейте решетку для ворот, концы кольев которой обязательно заострите.

Остается сделать основание для замка — лучше всего из папье-маше, оклеивая им несколь-

ко кусков пенопласта, склеенных в пакет и обработанных электровыжигателем до нужных размеров. Просушенный «холм» или «скала» также несколько раз промазывается клеем и обсыпается песком, после чего раскрашивается. Траву имитируют с помощью окрашенных желтой и зеленой гуашью опи-

лок; кусты и деревья — это окрашенные нитроэмалью кусочки поролона. Обязательно должен быть ров и подъемный мост через него, над воротами ярко раскрашенный щит с гербом владельца, и замок готов!

В. ШПАКОВСКИЙ,
г. Пенза

СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ

НИТОЧКА-ИГОЛОЧКА

Красиво,
нарядно,
празднично...

В чем пойти в гости? Этот вопрос возникает часто даже у самых маленьких модников. Мы предлагаем вам два элегантных костюма для девочки и мальчика 5—7 лет. Размер 28 (рост 110, объем груди—56).

Костюм для девочки состоит из блузки свободного покроя и юбки «солнце». Блузка выполнена из светлой хлопчатобумажной или шелковой ткани, украшена модной сейчас пелериной. По краю пелерины и воротничкастойки можно проложить узкую кружевную ленту. Рукава по ни-

зу собраны на манжеты. Застегивается блузка сзади на маленькие пуговицы. Расход ткани при ширине 1,40 м—1,15 м.

Юбка покроя «солнце» посажена на узкий пояс, застегивается сзади на молнию. Длину юбки можно варьировать. Рекомендуемая ткань—тонкая шерсть (при ширине 1,40 м около 1,10 м).

Костюм для мальчика состоит из короткого жакета с треугольным вырезом и широких клетчатых или однотонных брюк.

Жакет шьется из плотной шерстяной или полушерстяной ткани. Прямой одношовный рукав сконструирован на основе двухшовного. Вырез горловины, край борта и низ рукавов отделан байкой в цвет клетки брюк. Такого же цвета должны быть пуговицы. Расход ткани—0,85 м при ширине 1,40 м.

Брюки выполняются из шерстяной ткани, на талии они собраны на резинку. Карманы вта-

чаны в боковые швы. Расход ткани—0,85 м при ширине 1,40 м.

РАСКРОЙ.

Строят выкройки на бумаге. Уточняют их в соответствии с измерениями фигуры ребенка. Раскладывают вырезанные выкройки на ткани, совмещая указанное направление долевых нитей с нитью основы ткани, закрепляют их булавками. Выкраивают детали, оставляют припуски на швы:

блузка: по плечевым и боковым срезам 1,5; по окату, локтевому и переднему срезам рукава, по срезам горловины и пройм, низу рукава—1; по всем срезам воротника, планки и манжеты—0,7; на подгиб низа блузки и пелерины 2—3 см;

юбка: по верхнему срезу 1; по боковым срезам 2,5; подгиб низа 5—6 см;

жакет: на спинке и полочке по срезам горловины, пройм и низа—1; по плечевым и боко-

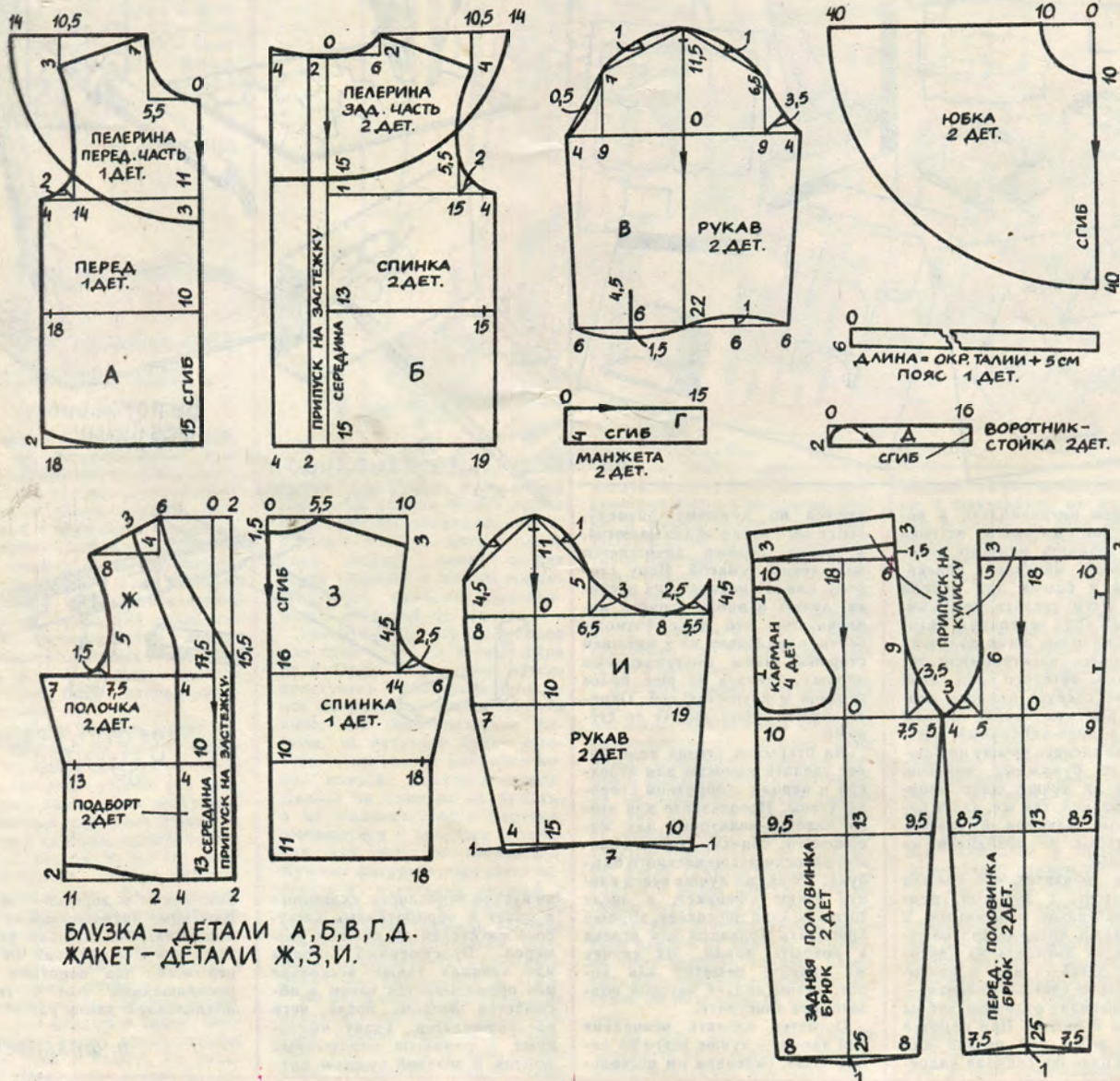
вым срезам 1,5; по срезу припуска на застежку 0,7; по локтевому и переднему срезам рукава и его окату 1,5; по низу рукава 1;

на задних и передних половинках брюк по верхнему срезу 1,5; по шаговым и боковым срезам 2; по срезу задней половинки от талии вниз на 10—12 см 3—3,5; далее 1,5; по переднему срезу передней половинки 1; по срезу низа 4—5; по срезам мешковины кармана 0,7.

Выкраивают детали блузки: спинка—2, перед—1, рукав—2, воротник—2 (его можно выкроить после уточнения горловины при примерке); пелерина—спинка 2 детали, перед 1 деталь; манжета—2 детали.

Детали юбки: переднее полотнище—1, заднее полотнище—1, пояс—1.

Детали жакета: спинка—1, полочка—2, подборт—2, ру-

кав — 2, косая бейка — ок. 2,50 м шириной 6—6,5 см.

Детали брюк: передняя половинка — 2, задняя половинка — 2, мешковина кармана — 2 из основной ткани брюк и 2 из подкладочного материала.

ШИТЬЕ.

На всех деталях прямыми сметочными стежками отмечают середину, ставят контрольные знаки.

Блузка.

Стачивают плечевые швы. Боковые швы сметывают. Надевают блузку на девочку, закладывают булавками спинку на месте застежки. Уточняют ширину и глубину выреза горловины.

Распарывают боковые швы блузки.

Стачивают плечевые швы пелерин. Переносят изменения в вырезе горловины на горловину пелерин. Обрабатывают нижний край пелерин: подгибают низ дважды, прометывают, прокладывают с изнанки кружевную ленту так, чтобы ее край на 1,5—2 см отступил от края пелерин и отстрачивают по лицевой стороне.

Накладывают пелерину на блузку, совмещая середину с серединой переда, а концы — с краями припуска на застежку, закрепляют ее редкими стежками.

Обрабатывают застежку на спинке. Для этого припуск на застежку отворачивают на изнанку вместе с пелериной, замечают и приутюживают. Обметывают петли на левой части спинки.

Из бязи выкраивают прокладку воротника-стойки, складывают детали воротника лице-

выми сторонами, накладывают прокладку, сметывают. Строчат по нижнему воротнику, не доводя строчку до линии втачивания его в горловину на 0,7—1 см, закрепляют шов обратной строчкой. Выворачивают воротник на лицевую сторону, приутюживают. Настрочивают кружево так же, как на пелерине. Вметывают нижний воротник в горловину, совмещая его середину с серединой переда, а концы с серединой деталей спинки. Втачивают воротник. Припуск на шов верхнего воротника подгибают внутрь и настрочивают швом 0,2—0,3 см.

Обрабатывают разрезы на рукавах. Для этого края разреза подгибают дважды в сторону изнанки на 0,3—0,5 см и застрачивают их, уменьшая припуск на подгиб к концу разреза и сводя строчку на нет. Ткань у конца разреза закладывают в складку шириной 0,5 см, отворачивают ее в сторону локтевого шва и закрепляют.

Вметывают рукав в открытую пройму, совмещая контрольные знаки, втачивают. Сметывают и стачивают боковые срезы блузки, одновременно стачивая срезы рукавов.

Заготавливают манжеты, обметывают на них петли и притачивают манжеты к рукавам. Подшивают низ блузки, приутюживают ее. Пришивают пуговицы.

Юбка.

Стачать боковые срезы, оставив в левом шве сверху разрез для застежки. Вшить молнию, предварительно обработав разрез застежки так же, как прорезной карман в рамку (см.

материалы в предыдущих номерах журнала).

Пояс сложить пополам вдоль, чисто вытачать концы и припуск на застежку. Пристрочить пояс к верхнему срезу полотнища, внутреннюю половинку пояса подвернуть с изнаночной стороны пришить к шву притачивания. Отстрочить пояс по контуру в край. На переднем конце выметать петлю для пуговицы.

Когда юбка «солнце» почти готова, необходимо дать ей отвисеться. Затем надевают юбку на девочку и при помощи сантиметровой ленты и мела отмечают длину по самому короткому участку, расположенному по долевой нити. Срезают излишки ткани косого направления, выравнивая низ юбки. Нижний край отгибают на изнанку и подшивают двойной машинной строчкой.

Пришивают пуговицу.

Жакет.

Стачать боковые и плечевые швы. Припуски по внешнему краю жакета срезать.

Стачать передний и локтевой срезы рукавов. Втачать рукава в проймы, совмещая контрольные знаки. Жакет отстрочить вдоль швов втачивания рукавов в край.

Подборта и полочки сметать, сложив изнаночными сторонами. Срезать припуски по низу, бортам и вырезу горловины, а также по низу рукавов.

Окантовать срезы косой бейкой. Для этого приготовленную бейку перегибают пополам вдоль и пристрачивают по лицевой стороне, совместив срезы бейки со срезами жакета, отступая от края на 0,7 см. Затем бейку отгибают на изнанку работы и пристрачивают по лицевой стороне. Строчка должна располагаться ниже бейки на 0,1 см.

На левой полочке выметать петли. Приутюжить жакет. Пришить пуговицы.

Брюки.

Пристрочить боковые карманы: к передним половинкам брюк из подкладочной ткани, к задним — из основной ткани.

Стачать боковые швы, одновременно обтачивая мешковины карманов и делая закрепку у верхнего и нижнего краев входа в карман.

Стачать шаговые и средний швы.

Припуск на кулиску отвернуть на изнаночную сторону и пристрочить двойной машинной строчкой, подвернув край среза внутрь на 1,5 см и оставив незастроченными вход для резинки. Продергивают резинку, уточняют ее длину на фигуре мальчика и сшивают концы. Застрачивают оставшийся свободным участок кулиски.

Припуски на подгибку низа отвернуть на изнанку и пристрочить на расстоянии 2,5 см от края.

Л. БАГМЕТ
Рисунки автора

Вязание

Три шапочки

Дорогая редакция!

Давно не встречала на страницах «Семьи и школы» материалов о вязании шапочек. Если есть возможность, дайте, пожалуйста, описание вязания шапочек на спицах, как женских, так и детских (у меня есть дочка и сын). Думаю, вам будут благодарны многие читатели.

С уважением

Л. М. ТЕТЕРЕВА

г. Таганрог

Мы с удовольствием идем на встречу просьбе нашей читательницы и предлагаем три вязаных шапочки для мамы, подростка и самого младшего члена семьи.

Женская шапочка с узором из «кос»

Для выполнения женской шапочки с узором из «кос» понадобится около 120 г шерсти. Спицы — чулочные, 3,5 мм, 5 шт.

Плотность вязки: 26 петель в ширину и 33 круга равны 10×10 см.

Образцы вязки:

Чулочно-лицевая: каждый круг вязать лицевыми петлями.

Чулочно-изнаночная: каждый круг вязать изнаночными петлями.

Узор из «кос» (число петель, кратное 12): выполняется по схеме, где каждая клеточка равна 1 петле. Узор повторяется от первой до второй стрелки и заканчивается петлями после второй стрелки.

Описание работы

Наберите 108 петель на 4 спицы и провяжите пятой спицей 6 кругов чулочно-лицевой вязкой. Затем вяжите, чередуя 4 раза по 2 круга чулочно-изнаночной и 2 круга чулочно-лицевой вязки. Теперь провяжите 12 кругов чулочно-лицевых, а дальше вяжите по схеме.

Провязав таким образом 30 см (100 кругов), отрежьте рабочую нитку, протяните ее через все петли и затяните потуже. Заправьте кончик нитки на изнанке шапочки и отверните бортик на лицо.

Шапочка для подростка

Для выполнения шапочки для подростка (она с успехом может быть и женской шапочкой) потребуется примерно 100—120 г темно-синей шерсти. Спицы — чулочные, 3,5 мм, 5 шт.

Плотность вязки: 24 петли в ширину и 29 кругов в высоту равны 10×10 см.

Образец вязки: «английская резинка» (четное число петель). 1-й круг: *1 лицевая, 1 накид, 1 петлю снять, не провязывая*, повторять от * до *.

2-й круг: *1 лицевая, снятую петлю провязать вместе с накидом изнаночной, *, повторять от * до *.

Узор повторяется по 1-му и 2-му кругу.

Описание работы

Наберите на 4 чулочные спицы 88 петель и вяжите пятой спицей английской резинкой по кругу. На 13-м см (38 кругов) от начала работы начните вязать тем же узором по изнанке. Провязав таким образом 18 см (52 круга), начните выполнять кончик шапочки, провязывая петли резинкой 1×1 (чередование 1 лицевой и 1 изнаночной петли) и на 4-м см (12 кругов) отрежьте рабочую нитку, а кончик ее протяните через все петли и затяните потуже. Перегните отворот шапочки на лицо.

Шапочка с орнаментом

Для выполнения шапочки с орнаментом понадобится по 50 г темно-красной, белой, синей и зеленой шерсти. Спицы чулочные 2,5 или 3 мм.

Плотность вязки: 32 петли в ширину и 38 кругов в высоту равны 10×10 см.

Образцы вязки: Резинка 1×1 (чередование 1 лицевой и 1 изнаночной петли).

Чулочно-лицевая (каждый круг вяжется лицевыми петлями).

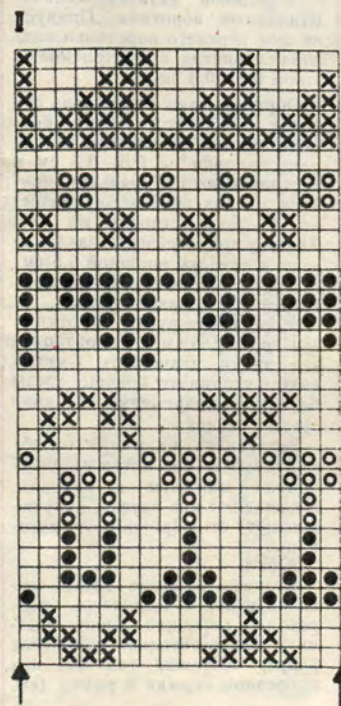
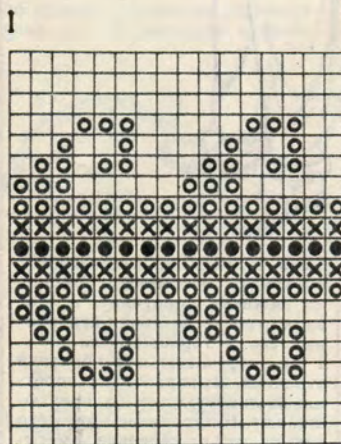
Чулочно-изнаночная (каждый круг вяжется изнаночными петлями).

Орнамент (схема I): число петель, кратное 16. Выполняется по схеме I чулочно-изнаночной вязкой. Одна клеточка схемы равна одной петле. Цветные нити свободно протягиваются по изнанке работы так, чтобы они не провисали и не затягивали вязаное полотно.

Орнамент (схема II): число петель, кратное 16. Выполняется по схеме II чулочно-лицевой вязкой. Одна клеточка равна одной петле. Цветные нити свободно протягиваются по лицу работы.

- = 1 лицевая
- = 1 изнаночная
- = 6 петель скрестить направо (3 петли снять на запасную спицу на лицо работы, провязать 3 лицевые, затем 3 лицевые с заменой спицы)
- = 6 петель скрестить налево (3 петли снять на запасную спицу на изнанку работы, провязать 3 лицевые, затем 3 лицевые с запасной спицы)

Узор повторяется с 1-го по 10-й ряд

К схемам шапочки с орнаментом

- = темно-красный
- = белый
- × = синий
- = зеленый

Описание работы

Наберите на 4 чулочные спицы по 32 петли темно-красной шерсти и провяжите по кругу 4 см резинкой 1×1 и 2 круга лицевыми петлями для перегиба отворота. Затем начните выполнять орнамент изнаночными петлями по схеме I (орнамент будет проходить по изнанке работы). Теперь провяжите один круг лицевыми и один круг изнаночными петлями. Перейдите на чулочно-лицевую вязку. Провязав 7 см, вяжите по схеме II второй орнамент и на 27-м см от начала работы начните выполнение макушки шапочки таким образом: * 2 петли вместе лицевой, 2 петли вместе изнаночной*.

Повторяйте от * до *. Затем, провязав 4 см резинкой 1×1, протяните рабочую нитку через все петли и затяните ее потуже.

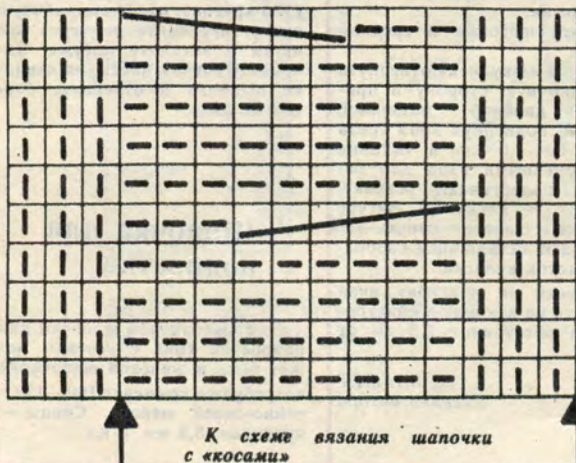
Помпон. Вырежьте из картона два кружка диаметром примерно по 10 см. В середине каждого вырежьте по отверстию диаметром в 4 см, положите кружки один на другой и обшивайте иголкой красной нитью до тех пор, пока иголка не перестанет проходить через отверстия. Затем осторожно перережьте нитку между краями кружков, слегка отодвиньте их один от другого и соедините их в середине покрепче ниткой. Выньте кружки из помпона, обравняйте его ножницами и пришейте готовый помпон к головке шапочки.

М. ГАЙ-ГУЛИНА

готовим вкусно и питательно

Пальчики оближешь!

Дети нуждаются в белках — строительном материале для организма. Считается, что лучше всего подходит молочный белок. В целом белки животного происхождения в рационе школьника должны составлять 60 процентов от общего количества белка, поэтому мясо, яйца, молоко, рыбу, творог, сыр нужно дополнять крупяными, мучными овощными блюдами.

К схеме вязания шапочки с «косами»

СНЕЖКИ ИЗ БЕЛКОВ

Кипятят молоко (400 г). Взбивают 3 белка с сахарной пудрой (100 г) и опускают их осторожно столовой ложкой в горячее (но не кипящее) молоко. После того как снежки сварятся, их выкладывают на сито. Растирают желтки с сахарной пудрой (50 г), добавляют картофельный крахмал (10 г) постепенно разводят молоко и проваривают до загустения. Смесь выливают в тарелку, сверху укладывают снежки, охлаждают.

КАРТОФЕЛЬНЫЕ ШАРИКИ С МЯСОМ

Отварной горячий картофель протирают, добавляют яйцо, растопленное масло, соль, перец и хорошо перемешивают. Формуют шарики, помещая в середину каждого мясной фарш. Его готовят из отварного мяса, пропущенного через мясорубку и обжаренного с добавлением репчатого лука. Заправляют фарш солью, красным и черным молотым перцем. Шарики панируют в муке и обжаривают со всех сторон на растительном масле до золотистого цвета. Подают к столу со сметаной.

Расход продуктов в граммах: картофель — 800, говяжий фарш — 500, яйцо 1 шт., сливочное масло — 50, репчатый лук — 100, мука — 40, растительное масло — 100, сметана — 300, красный и черный молотый перец, соль.

МЕДОВЫЙ САЛАТ

Яблоки натирают на крупной терке. Мед и лимонный сок перемешивают и добавляют к яблокам. Орехи очищают, мелко измельчают и посыпают салат. Подают после охлаждения (около часа).

Яблоки — 600 г, мед — 60 г, миндаль или лесной орех — 80 г, сок лимона — 30 г.

ТВОРОЖНЫЙ КРЕМ

Творог, молоко, сахарную пудру взбивают, яблоки очищают от кожуры и мелко нарезают. У лимона отжимают сок, цедру натирают. Постепенно перемешивая, во взбитую творожную массу добавляют яблоки, цедру лимона и сок. При подаче украшают свежими или консервированными фруктами или вареньем.

Творог — 500 г, яблоки — 500 г, сахарная пудра — 100 г, молоко — 50 г, лимон 1/4.

КАПУСТНАЯ ЗАПЕКАНКА

Капусту очищают, шинкуют мелкой соломкой, солят и оставляют на 2 часа. Затем отжимают сок, обжаривают. Репчатый лук мелко нарезают, соединяют с мясным фаршем, солят, добавляют молотый красный перец, обжаривают. На противень помещают слой капусты, на нее мясной фарш. Сверху накрывают слоем капусты, поливают жиром и запекают. Яйца взбивают с молоком и сметаной, слегка солят. За 5 минут до готовности поливают этой смесью верхний капустный слой.

Капуста — 800 г, говяжий фарш — 600 г, репчатый лук — 80 г, жир — 100 г, яйцо 3 шт., молоко или сметана — 300 г, мука — 30 г, зелень, красный и черный молотый перец, соль.

ДЕСЕРТ ИЗ СМОРОДИНЫ

Отваривают лапшу. Яйца, сахар, ванилин взбивают, добавляют измельченные орехи и перемешивают с лапшой. Смородину растирают с сахарной пудрой. На смазанной маслом противень укладывают слой лапши, смородину, поливают смесью из молока или сметаны с сахаром. Сверху посыпают мелкими кусочками сливочного масла и запекают около 40 минут.

Черная смородина — 750 г, лапша — 300 г, яйцо 3 шт., сахар — 150 г, грецкие орехи или миндаль — 80 г, сметана или молоко — 150 г, сливочное масло — 30 г, сахарная пудра, ванилин.

СОЛНЫШКО

Морковь очищают, нарезают тонкими кружочками, отваривают в небольшом количестве воды, солят и протирают через сито. Добавляют в пюре предварительно пассерованную на масле и смешанную с молоком муку. Затем отваривают до загустения, посыпав сахаром. Белый хлеб нарезают без корок в виде ромбиков или прямоугольников 6×4 см и обжаривают на сливочном масле. Отваривают яйцо — пашот и помещают сверху тостов (по 2 шт. на порцию). На тарелку красиво укладывают морковное пюре, тосты с яйцом. Сверху поливают растопленным сливочным маслом, которое перемешивают с красным молотым перцем. К блюду можно подать салат из свежих овощей.

Морковь — 800 г, яйцо — 10 шт., сливочное масло — 60 г, мука — 40 г, молоко — 200 г, сахар, красный молотый перец, соль, белый хлеб, масло для обжарки.

С. МЕТЕЛЬ,
кандидат технических наук
г. Ленинград

шахматный лекторий

Открытая линия — важное позиционное завоевание

По определению, открытая линия — это линия, на которой нет пешек ни со стороны противника, ни с другой стороны. Владение открытой линией позволяет проникнуть в неприятельский лагерь тяжелыми фигурами.

Следствием владения открытой линией может быть и прямая атака на короля, нередко для открытия линий жертвуется материал.

Рассмотрим следующую ситуацию.

Позиция белых: Kpc1, Фh4, Jd1, Jg1, Cd3, Ce5, a2, b2, c2, f2, g5, h2
Позиция черных: Kpg8, Фе7, Jla1, Jd8, Cc6, Kd7, a7, c4, e6, f7, g7, h6

В этой позиции белые ведут атаку на короля. Завершается атака красивой комбинацией, в основе которой лежит вскрытие позиции короля, по открытой линии тяжелые фигуры врываются в лагерь черного короля: 1. Ф:h6! gh 2. gh+Kpf8 3. Jlg8+Kp:g8 4. h7+Kpf8 5. h8Ф мат.

Еще одна комбинация на вскрытие позиции короля.

Позиция белых: Kpb1, Фd3, Jg1, Jh1, Cd2, Ke5, b3, c2, f2, f4

Позиция черных: Kpg8, Фа3, Jla8, Jle8, Kd5, Kf6, b7, c7, e6, g7, h7

Белым грозит мат в один ход по открытой вертикали, но ход в позиции белых: 1. J:g7+! Kp:g7 2. J:h7+K:h7 3. Фg6+на отход короля на f8 4. Фf7 мат, на отход Kph8 4. Kf7 мат.

Большое значение имеет наличие на открытой или полуоткрытой линии опорного пункта, особенно в неприятельском лагере.

Опорные пункты создаются с помощью пешек. Фигура, занимающая такой пункт на открытой или полуоткрытой линии и защищенная пешкой, называется форпостом. Роль форпоста чаще всего выполняет конь, однако для форпостов на крайних вертикалях более пригодны тяжелые фигуры.

Опорные пункты и форпосты. Позиция белых: Kpg1, Фc2, Jlf1, Jla1, Ca3, a2, c4, f4, e3, g2, h2

Позиция черных: Kpg8, Фg6, Jld7, Jd8, Kd3, b6, c5, e4, f5, g7, h7

Конь на d3 является форпостом. Под его прикрытием черные двинут свои ладьи и приготовились к вторжению в лагерь противника, на вторую горизонталь ладьями: 1...Ke1! (если 2. Фf2 Jld2 с угрозой взятия на g2.) 2...Jld2 3. Ф:d2 J:d2 и черные постепенно реализуют свой материальный перевес.

Не всегда удастся занять открытую линию беспрепятственно. Если на открытой вертикали находятся ладьи обеих сторон, то побеждает в борьбе за линию тот, кто имеет на ней форпост. Настоящими виртуозами по технике игры по открытым линиям считаются А. Алехин и Х.-Р. Капабланка.

Итак, сделаем вывод: открытая линия — важное позиционное преимущество. По открытой линии возможно проникновение в неприятельский лагерь противника, а также прямая атака на короля. Наличие форпоста на открытой или полуоткрытой линии позволяет двинуть тяжелые фигуры для вторжения на вторую (седьмую) горизонталь, либо — при уничтожении форпоста — образуется проходная пешка.

Конкурс шахматных семей

ЗАДАНИЕ 3

Позиция белых: Kph1, Фh4, Ce3, Ce4, пешки a2, c3, h2.

Позиция черных: Kph8, Фf7, Ce6, пешки a7, b6, c5, h7.

Черные начинают и объявляют мат в три хода.

ЗАДАНИЕ 4

Позиция белых: Kg1, Фc2, Ce4, Ke5, пешки a2, b2, f2, f4, g3.

Позиция черных: Kph8, Фd4, Jld2, Kf6, пешки a7, b7, c6, g7, h6.

Белые начинают и объявляют мат в 4 хода.

Н. ЮНЕЕВА

КАЗИМИР МАЛЕВИЧ

«МАЛЬЧИК (ВАНЬКА)»

Эту картину Казимир Северинович Малевич (1878—1935) написал в конце двадцатых годов, начиная третий — и последний — этап своего художнического пути.

Он был волевой и целеустремленный человек, всегда поглощенный текущими делами; ностальгия по прошлому была ему, наверно, чужда; например, его невозможно представить себе пишущим воспоминания. Но сразу нужно сказать, что значение пути, пройденного им в искусстве, было ему совершенно ясно; он хорошо понимал, что совершил переворот в представлениях о художественном пространстве, объеме, форме; знал, что пластические искусства «после Малевича» будут уже не те, что «до него». Кроме того, он был человек властный. («Это действительно вождь», — заметил один из его учеников.) Он верил, что новации авангарда вписываются в социалистический проект переустройства мира, и считал, что имеет право на руководящее участие в нем. Он чувствовал себя на своем месте, когда в 1923—1926 годах в качестве директора Государственного института художественной культуры в Ленинграде в немалой степени определял характер художественной политики в стране.

Тем более, должно быть, были для него события лета 1926 года: доносы в газетах, травля, проработки, наконец, закрытие Института. Власть однозначно показала, что с авангардистами ей не по пути. А он, пришедший лидер, наставник, внезапно увидел себя в самой неожиданной роли — гонимого одиночки.

В этой мрачной, зловещей атмосфере Казимир Малевич, которому было почти пятьдесят лет, снова обратился к живописи.

Он практически оставил живопись вскоре после революции, убедив себя, что она исчерпана и должна быть преодолена. В первые советские годы занимался сценографией, дизайном. В частности, оформлял (как и многие другие) революционные праздники на площадях. Правда, в отличие от многих других, он был от Бога живописцем, и поэтому прозвучавший им приговор живописи звучал с оттенком насилия над собой.

Выходец из русско-польской семьи киевских мещан, в юности Малевич окончил художественную школу в Киеве, с начала века поселился в Москве, учился в Училище живописи, ваяния и зодчества, затем — в частной студии. За 1904—1908 годы, ориентируясь в основ-

ном на французских художников, проделал стремительную эволюцию от ранних импрессионистов до позднего Сезанна с его монументальной лепкой объемов в пространстве. Скульптурно-белые — без лиц — «Купальщицы» (1908), написанные на фоне небесной и речной синевы, стали как бы присягой Малевича на верность пластическим идеям Сезанна. Хотя он не собирался повторять даже и гениальные идеи. Только усвоив, развивать, доводя до логического предела. Разум и логика становятся для него законом, почти религией («А много работ встречаешь, что они исполнены по какой-то конвульсивной бессмысленной судороге», — писал он в 1913 году). Это был фундаментальный рационалист, стремившийся свести видимый мир к формуле. За краткий, так называемый примитивистский период (1910—1912) он написал цикл картин, изображавших сельские работы посредством комбинации треугольных и цилиндрических форм, воспроизводящих простые и тяжелые ритмы крестьянской жизни, первоэлементы жизни вообще. Эти условно-геометрические косцы и лесорубы излучают земную тягу, физически ощущаемую мощь. Наверно, стремясь преодолеть предмет, он чувствовал сопротивление материала и умел (непонятно, как) передать его на холсте. Повторим: это был великий живописец. Наряду с примитивом Малевич писал кубистические вещи, развивая Пикассо и Брака (именно развивая, а не копируя их). Закончив знаменитую «Корову и скрипку» (1913), он поместил на обороте: «Алогическое сопоставление двух форм — скрипка и корова» — как момент борьбы с логизмом, естественностью, мещанским смыслом и предрассудком». Тут самая суть эстетики Малевича: борьба за смысл, за построение нового смысла — против стертых общедоступных мыслей и ассоциаций. Своему другу и единомышленнику Михаилу Матюшину он писал: «Мы дошли до отрицания смысла и логики старого разума, но надо познавать смысл и логику нового уже появившегося разума, «заумного», что ли, в сравнении. Мы пришли к заумности, не знаю, согласитесь ли Вы со мной или нет, но я начинаю познавать, что в этом заумном есть тоже строгий закон, который даст право на существование картин. И не одна линия не должна быть черчена без сознания его закона, тогда только мы живы».

Так, опуская подробности, в 1913 году Малевич подошел к созданию своей самой знаменитой картины «Черный квад-

рат». Просто черный квадрат на белом фоне. Это была картина-манифест. Малевич провозглашал выход из-под власти трехмерного пространства, всех устойчивых форм мышления. Отменялись понятия «верх» и «низ», концепция «геоцентризма», на которой испокон веку строилась картина. Пространство ее вошло в космическую беспредельность. Свой вариант беспредметной живописи (абстрактные формы в многомерном пространстве, динамически соотносящиеся между собой) Малевич назвал «супрематизмом» («supremus» — «высший» по латыни). «Ключи супрематизма», — писал Малевич, — ведут меня к открытию еще не осознанного. Новая моя живопись не принадлежит земле исключительно. Он думал о глубинах Вселенной и умоизмеримых безднах новой физики. Но живопись, видимо, принадлежит все-таки земле. Точнее, должна быть с землей как-то связана. И если связи разорваны, она умирает. Второй, супрематистский, этап Малевича, в общем, закономерно закончился его отказом от живописи.

Зато какой потрясающий взлет — последний возврат Малевича к живописи! Это «Мальчик (Ванька)» — на нашей репродукции, а также «Девушки в поле», «Девушка с гробом в волосах» и другие шедевры начала тридцатых, — в них тончайшее равновесие пластической мудрости и социальной зоркости. Это живопись нового мира. То, что никогда не было. Малевич, по словам критика, «возвращается к фигуративности, но обогащенной достижениями супрематизма, который дает себя знать в ином, чем прежде, ощущении цвета и формы, чистых, строгих, обладающих пронзительным лаконизмом». Эти как бы недовольные фигуры Малевич называл «полуобрами». Из записи в дневнике его ученика: «К. С. говорил в таком духе: «Самое важное значение для времени имеют сейчас вещи беспредметные и полуобразы (вроде моих крестьян). Они острее всего действуют. Мы слишком мало знаем о последнем периоде его жизни, чтобы судить, думал ли он, говоря о «полуобразах», о проблематичности (в историческом смысле) облика новых людей, рожденных революцией. О том, что им еще только предстоит обрести те или иные черты. Мы знаем, что жил он трудно. После закрытия Института съездил в Берлин; по возвращении был арестован. Запись в дневнике художника Филонова: «Он стал жаловаться на свою судьбу и сказал, что просидел три месяца в тюрьме и подвергался допросу. Следовательно спрашивал его: «О каком сезаннизме вы говорите? О каком кубизме проповедуете?» Картины Малевича не выставлялись. Он бедствовал. В самые последние годы начал писать великолепные портреты в манере старых мастеров, и только весьма искусственный глаз увидит в них руку великого авангардиста».

Саша ЧЁРНЫЙ

ДЕТЯМ

Может быть, слышали все вы —
и не раз,
Что на свете есть поэты?
А какие их приметы,
Расскажу я вам сейчас:

Уж давным-давно пропели
петухи...

А поэт ещё в постели.
Днём шагает он без цели,
Ночью пишет всё стихи.

Беззаботный и беспечный, как
Барбос,

Весел он под каждым кровом,
И играет звонким словом,
И во всё съёт свой нос.

Он хоть взрослый, но совсем та-
кой, как вы:

Любит сказки, солнце, ёлки, —
То прилежнее он пчёлки,
То ленивее совы.
У него есть белоснежный, резвый
конь,

Конь — Пегас, рысак крылатый,
И на нём поэт лохматый
Мчится в воду и в огонь...

Ну так вот, — такой поэт
примчался к вам:

Это ваш слуга покорный,
Он зовется «Саша Чёрный»...
Почему? Не знаю сам.

Здесь для вас связал в букет он,
как цветы,
Все стихи при свете свечки.
До свиданья, человечки! —
Надо чайник снять с плиты...

Из цикла «Веселые сказки»

ПРИСТАВАЛКА

— Отчего у мамочки
На щеках две ямочки?
— Отчего у кошки
Вместо ручек ножки?
— Отчего шоколадки
Не растут на кровати?
— Отчего у няни
Волоса в сметане?
— Отчего у птичек
Нет рукавичек?
— Отчего лягушки
Спят без подушки?..
— Оттого, что у моего сыночка
Рот без замочка.

Из цикла «Зверюшки»

Что ты тискаешь утёнка?
Он малыш, а ты — большой.
Ишь, задравши головёнку,
Рвётся прочь он всей душой...

Ты представь такую штуку, —
Если б толстый бегемот
Захотел с тобой от скуки
Поиграть бы в свой черёд?

Взял тебя бы крепко в лапу.
Языком бы стал лизать.
Ух, как стал бы звать ты папу,
И брыкаться, и кричать!..

Ты снеси утёнка к утке,
Пусть идёт купаться в пруд, —

Лапы мальчика не шутка.
Чуть притиснешь — и капут.

КОНЦЕРТ

Мы — лягушки-кваксы,
Ночь чернее ваксы...
Шелестит трава.

Ква!

Разевайте пасти,—
Больше, больше страсти!
Громче! Раз и два!

Ква!

Красным помидором
Месяц встал над бором,
Гукает сова...

Ква!

Под ногами кочки,
У пруда — цветочки.
В небе — синева.

Ква!

Месяц лезет выше,
Тише-тише-тише,
Чуть-чуть-чуть-едва:

Ква!..

КТО?

«Ну-ка, дети!

Кто храбрее всех на свете?»
Так и знал — в ответ все хором
нараспев:

«Лев!»

— Лев? Ха-ха... Легко быть
храбрым,

Если лапы шире швабры.

Нет, ни лев, ни слон... Храбрее
всех, малыш,—

Мышь!

Сам вчера я видел чудо,
Как мышонок влез на блюдо
И у носа спящей кошки
Не спеша поел все крошки.

Что!»

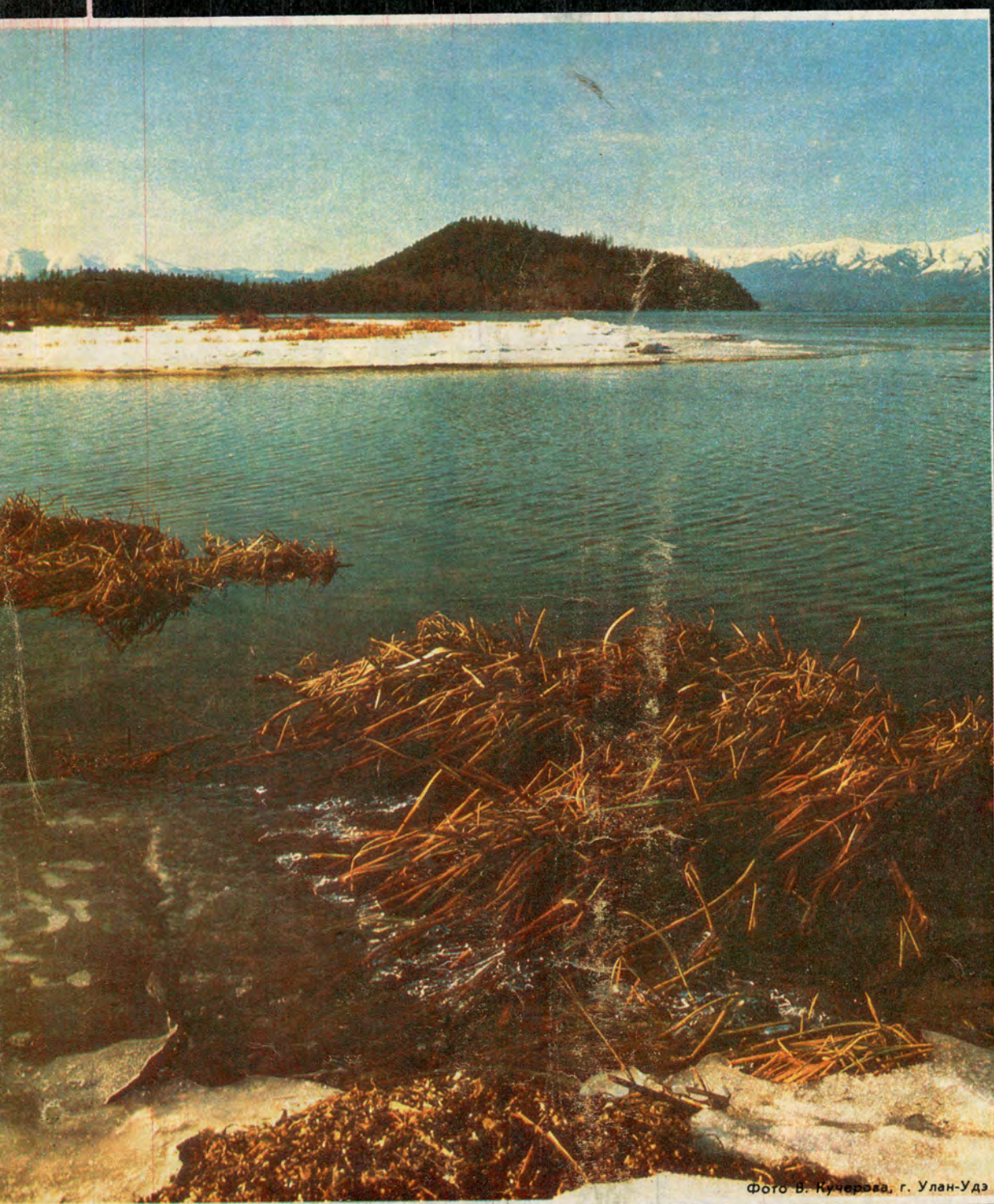

Фото В. Кучерова, г. Улан-Удэ

За снежной густой занавеской
Какой-то сторожки стена,
Дорога, и край перелеска,
И новая чаша видна.
Торжественное затишье,
Оправленное в резьбу,

Похоже на четверостишье
О спящей царевне в гробу.
И белому мертвому царству,
Бросавшему мысленно в дрожь,
Я тихо шепчу: «Благодарствуй.
Ты больше, чем просят, даешь».
Борис ПАСТЕРНАК